

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ

СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

1965

СОДЕРЖАНИЕ

К 700-летию со дня рождения Данте

- И. Бэла.* Данте и культура славянских народов 3
- К проблематике XII Международного конгресса исторических наук в Вене*
- В. М. Турок.* Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии 17
- Ю. А. Писарев.* Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916—1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта) 28
- Н. Д. Рагнер.* Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии 40

Вопросы истории и культуры

- Генрик Яблонский (ПНР).* Состояние и перспективы развития исторической науки в Польше 50
- А. И. Черный.* К вопросу о рабочем контроле в болгарской промышленности (сентябрь 1944 — декабрь 1947 гг.) 62
- В. В. Мартынов.* Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья 69
- Л. Н. Будагова.* О переводах поэзии Витеслава Незвала на русский язык 82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

- Л. Е. Семенова, Г. П. Клепикова.* Вопросы истории и языкознания в «Романославике» 97
- И. М. Кулинич.* Документы по истории Болгарии из германских архивов 102

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

<i>Т. Григорьянц.</i> Martin Broszat. 200 Jahre deutsche Polenpolitik	104
<i>И. К. Горский.</i> Г. Д. Вервес. Т. Г. Шевченко і Польща	106
<i>Н. Кравцов.</i> Начало важного дела	107
<i>Л. М. Васильев.</i> Новый систематический каталог Лужицкого архива культуры	109
<i>Ю. Смирнов.</i> «Народни песни от североизточна България»	111

Заметки о книгах и статьях

<i>Н. И. Хитрова.</i> Бранко Павићевић. Црна Гора у рату 1862 године	112
<i>Л. К.</i> «Борющиеся традиции»	114
<i>М. Р. Тульчинский.</i> Критика западногерманского остфоршунга на страницах журнала ГДР	114

Библиография

Книги о современном положении, истории, культуре и языках зарубежных славянских народов, вышедшие в Советском Союзе в 1964 г.	115
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях (январь — март 1965 г.)	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. В. Зеленин.</i> Научная конференция в ознаменование XX годовщины победы над фашистской Германией	122
<i>А. Е. Москаленко.</i> Научно-исследовательская работа воронежских историков-славистов в 1963—1964 гг.	123
<i>Г. Соловьева.</i> В Институте археологии АН СССР	125
<i>Р. Ф.</i> В секторе литератур стран народной демократии Института мировой литературы АН СССР	127
<i>Н. Грацианская.</i> О работе этнографов-славяноведов в Институте этнографии АН СССР	128
К III Всесоюзной конференции историков-славистов	130

В Институте славяноведения АН СССР

<i>Т. А.</i> К 20-летию советско-польского договора	130
<i>А. Розов, А. Виноградова.</i> Защита диссертаций	130
<i>Н. Ш.</i> Гости из Чехословакии	131

Научная жизнь за рубежом

<i>Бранко Петранович</i> (СФРЮ). Организация и деятельность Института по изучению рабочего движения в Белграде	132
<i>П. Ольшанский.</i> Научная конференция в Варшаве	133
<i>А. Недорезов.</i> Конференция чехословацких историков, посвященная двадцатилетию освобождения страны	134
К предстоящему Конгрессу по славянской археологии	135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
 И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН,
 Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ
 (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

ДАНТЕ И КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

1

Не будет преувеличением сказать, что ни один зарубежный писатель не оказывал такого длительного и благотворного воздействия на культуру славянских народов, как Данте. Но прежде чем говорить о сущности этого воздействия, нелишне подчеркнуть, что культура славянских народов никогда не отличалась национальной ограниченностью или замкнутостью. Достижения мировой литературы и искусства творчески воспринимались во всех славянских странах и органически входили в их культурную жизнь, не только не нарушая ее национального своеобразия, а, наоборот, стимулируя ее развитие. Процесс такого стимулирования рассмотрен в ряде недавно опубликованных работ советских, польских и чехословацких, а также италийских авторов¹, пришедших достаточно единодушно к выводу, что воздействие того или иного мастера на общественную мысль и художественную культуру какой-либо страны было наиболее плодотворным тогда, когда идейно-эмоциональная направленность творчества и деятельности этого мастера оказывалась созвучной передовым устремлениям эпохи.

Не касаясь межславянских культурных связей, рассмотрение которых не входит в задачи данной статьи, отметим, что внимание исследователей международных культурных связей славянских народов более всего привлекают имена трех мастеров: Данте, Шекспира и Моцарта. И, видимо, совершенно закономерно, что, например, в пушкиноведении именно эти три мастера занимают особое место, соответствующее той роли, которую они сыграли в формировании творческого облика «русского Данте»². Однако, в конце концов, дело не в эпитетах и сравнениях, на которые особенно щедр был романтический XIX век, именовавший Мицкевича, устами Листа, «северным Данте», а Шопена — «польским Моцартом». Гораздо более важными представляются нам пусть неполные, но уже сейчас достаточно обильные данные, накопленные историками культуры в той области ее международных связей, в которой Данте Алигьери уже на протяжении многих столетий занимает первенствующее место.

¹ См., в частности, Т. Ливанова. Моцарт и русская музыкальная культура. М., Музгиз, 1956; Н. Feicht. Mozart w Polsce na przełomie XVIII i XIX wieku. Warszawa, 1956 (русский перевод в кн.: «Избранные статьи польских музыковедов», сб. 2. М., 1959); К. Koval. Mozart v Praze. Praha, 1957; J. Dolanský. Rusti revoluční demokrate. Praha, 1964; «Ryszard Wagner a polska kultura muzyczna». Państwowa Wyższa Szkoła Muzyczna w Katowicach, zeszyt naukowy № 5. Katowice, 1964; I. Belza. Shakespeare and Russian Music.— «Anglo-Soviet Journal», v. XXV, № 2, 1964. См. также материалы Итало-советского конгресса во Флоренции, опубликованные в «Rassegna sovietica», Roma, 1958, № 1, и материалы V Международного конгресса славистов в Софии (1963 г.).

² Так называли Пушкина Чаадаев (в письме от 18 сентября 1831 г.) и польский эссеист Виктор Кизеветтер (в книге «Mes souvenirs», вышедшей в Париже в начале межвоенного двадцатилетия).

Как известно, несмотря на громадное количество исследований о великом сыне «прекраснейшей и достославнейшей дочери Рима» (так Данте называл Флоренцию)³, до сих пор в биографии Данте нам далеко не все известно. Не совсем установлено, в частности, был ли поэт во Франции (а это особенно важно для решения вопроса о характере его связей с орденом тамплиеров) и в югославянских странах. «Тем не менее вся итальянская гуманистическая литература не чуждалась интересующих нас славянских областей. Славяне Истрии и Далмации упоминаются у многих итальянских писателей и поэтов от Данте до Ариосто. О южных славянах говорится в „Божественной комедии“ и в „Неистовом Роланде“, у новеллистов (в 149-й новелле флорентийца Ф. Саккетти идет, например, речь о далматинцах, босняках и черногорцах)», — отмечает академик М. П. Алексеев⁴. Об упоминании славянских стран и народов в «Божественной комедии» пишут словенский исследователь Р. Перушек («Ljublanski Zvon», 1900, XX) и советский историк культуры Н. И. Кравцов.

Знание латинского языка, а также *volgare*, на котором написана «Божественная комедия», позволило далматинско-дубровницкой интеллигенции изучать произведения Данте в подлинниках уже в XIV в. Последующее время, благодаря флорентийскому, венецианскому и брешианскому инкунабулам, характеризуется более широким знакомством с «Комедией», а также с *trattatello* о жизни и творчестве Данте, написанным Боккаччо. Почти одновременно с знаменитым бюстом Данте, хранящимся в Неаполитанском музее и датируемым XV в., возникает скульптурный портрет великого поэта работы далматинского мастера Юрия. И есть веские основания полагать, что не только Клович, но и другие югославянские художники принимали участие в иллюминировании по крайней мере нескольких из 600 известных нам кодексов дантовских произведений и в иллюстрировании их ранних изданий, включая инкунабулы и палеотипы.

Существуют данные и о раннем знакомстве с творчеством Данте в западнославянских странах. Известно, например, что уже в середине XIV в. пражский магистр теологии, впоследствии епископ, Войтех Блудов читал «Монархию» Данте, которая оказала сильное влияние на его эсхатологические концепции, преданные им гласности вскоре после основания Пражского университета⁵. Названный антипапский трактат Данте, внесенный Ватиканом в список запрещенных книг (в 1329 г. экземпляр рукописи «О монархии» был публично сожжен палачом в Риме), продолжал привлекать внимание чешской общественности и в дальнейшем, судя по копии, сохранившейся в пражском Клементинуме (ркп. VI F 13)⁶. Друг Петрарки, суфраган Литомысльский, а затем Оломоуцкий — Ян из Стшеды, среди прочих манускриптов, частично привезенных из Италии, передал библиотеке малостранского монастыря св. Томаша рукопись «Божественной комедии» (так называемый *Codex Thomaeus*), к числу читателей которой принадлежал и канцлер Пражского университета, первый пражский архиепископ Арношт из Пардубиц.

Необходимо, однако, признать, что вопрос о воздействии Данте на культуру славянских народов в эпоху Раннего и даже Высокого Ренессанса

³ Только наше столетие принесло свыше двадцати тысяч работ о жизни и творчестве Данте. Это количество, вне всякого сомнения, возрастет еще более, в особенности в связи с семисотлетием со дня рождения автора «Божественной комедии», отмечаемым в этом году во всем мире.

⁴ М. П. Алексеев. Славянские источники «Утопии» Томаса Мора. В книге того же автора: «Из истории английской литературы». М.—Л., 1960, стр. 119.

⁵ E. Winter. Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und deren europäische Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jahrhundert. Berlin, 1964, S. 48—49.

⁶ Страница этой рукописи воспроизведена в кн.: I. B u k á ě k. Dante. Praha, 1949.

изучен пока недостаточно. Отметим, впрочем, что еще в начале нашего столетия Зденек Неедлы подчеркнул, что в борьбе чешских патриотов за национальный язык уже в XIV в. сыграл несомненную роль опыт Данте в утверждении *volgare* как общенационального итальянского языка⁷. В этом отношении «Божественная комедия» оставалась примером для славянских народов и в последующие столетия. Вместе с тем находки последних лет позволяют утверждать, что в художественную культуру славянства проникают и образы дантовской поэмы, причем тот факт, что их упоминания не сопровождаются специальными комментариями или ссылками на источник, дает основание предположить, что уже в эпоху Кватроченто «Божественная комедия» была достаточно хорошо известна в славянских странах; это, кстати сказать, подтверждается и высказываниями Длугоша о Данте.

На I Международном конгрессе музыковедов им. Шопена в Варшаве в 1960 г. люблинский исследователь Тадеуш Мязга сообщил о найденном им манускрипте заупойной мессы второй половины XV в., созданном, по всей вероятности, конвентом Регулярных каноников в Краснике (близ Люблина) и несколько позже (судя по почерку и цвету чернил) дополненным 38 рифмованными стихами («*Prosa pro defunctis*»), содержание которых перекликается с размышлениями о бренности всего земного, навеянными, казалось бы, молитвами за умерших. Т. Мязга обратил, однако, внимание на то, что все персонажи библейских сказаний и античных мифов, упоминаемые в этом стихотворном дополнении к заупойной мессе, встречаются в дантовском «Аде», образы которого, по всей вероятности, произвели такое сильное впечатление на автора отрывка⁸. Заметим попутно, что поныне существующей разобщенностью различных областей истории культуры объясняется, по-видимому, тот факт, что дантологи не обратили внимание на интереснейшее открытие Т. Мязги.

Трудно сейчас представить, каким рисовался образ Данте в XIV—XV вв. в славянских странах, да и в самой Италии, где долгое время из уст в уста передавались легенды о нем как о «маге», «пророке», отверженном церковью еретике и вместе с тем о великом поэте, славу которого в XVI в. утвердили знаменитые строфы Микельанджело. Именно к этому времени относится начало того почитания Данте, которое вознесло его на пьедестал «центрального человека мира». Таким он представлялся и в югославянских странах, чутко воспринявших веяния итальянского гуманизма, и в западнославянских, в особенности в Польше, куда привезла своих соотечественников, итальянских поэтов, философов и музыкантов, княжна барийская Бона Сфорца, ставшая женой Зыгмунта Старого и сыгравшая, как показал Владислав Поцеха в своем четырехтомном труде «*Królowa Bona*», заметную роль в развитии итало-славянских культурных связей.

2

На протяжении столетий, отделяющих нас от Данте, представление о нем постоянно менялось. В эпоху реформации и контрреформации сильно акцентировались антипапские высказывания поэта, которые, как отметил еще на соборе в Констанце в начале XV в. ректор Краковской академии Павел Влодковиц из Брудзева, едва не привели великого флорентийца на костер. Ученый краковский юрист доказывал тогда правоту Польши в борь-

⁷ Z. Nejedlý. Dějiny husitského zpěvu. Spisy, sv. 41. Praha, 1954, s. 49 (первое издание этой работы вышло в 1904 г.).

⁸ T. Miazga. *Prosa pro defunctis* «Audi Tellus». The book of the First International Congress Devoted to the Work of Frederick Chopin. Warszawa, 1963, s. 565—566.

бе с Тевтонским орденом, и не в его интересах было восставать против папской власти, о которой он высказался в своем известном трактате «De potestate papae et imperatoris respectu infidelium», рассматривавшемся как полемика с дантовским трактатом «О монархии». А между тем реформация становилась на сторону Данте и фактически зачеркивала буллу Unam Sanctam Бонифация VIII, утверждавшую всемирное владычество папства.

Девятнадцатая песнь «Ада», где в третьем рву восьмого круга Данте поместил пап Николая III, Бонифация VIII и особенно ненавистного поэту Климента V⁹, который помог Филиппу IV уничтожить орден тамплиеров, получила необычайно широкое распространение в эпоху реформации, в том числе и в славянских странах. По распоряжению признанного вождя кальвинистов Речи Посполитой великого канцлера литовского Миколая Радзивилла (Черного) изготавливается копия с портрета Данте, заказанного в XV в. строителями кафедрального собора Santa Maria del Fiore во Флоренции художнику Доменико Миколино, облачившему поэта в пурпур римских цезарей, который Бонифаций VIII повелел носить только кардиналам. Копия эта вплоть до начала XIX в. хранилась в виленском дворце Михала Клеофаса Огиньского, который, скитаясь по Италии после поражения восстания Костюшко, посетил Равенну, чтобы поклониться гробнице Данте¹⁰. Многочисленные печатные и рукописные экземпляры «Божественной комедии» и других произведений Данте, не исключая запрещенного и многократно проклятого Ватиканом трактата «О монархии», читаются и изучаются во всех славянских странах. Пражский Клементинум уже перестает быть единственным обладателем древнего дантовского кодекса. В истории межславянских культурных связей проблема восприятия, усвоения и творческого переосмысления дантовского наследия играет все более и более заметную роль, причем различные аспекты этой проблемы — философский, политический и художественный — становятся неотделимыми друг от друга.

Нельзя сказать, что на интересе к данной проблеме не отразились появившиеся в XVIII в. (в частности, в завоевавших печальную известность высказываниях Вольтера) тенденции трактовки Данте как поэта, заслуживающего высокого уважения, но якобы неудобочитаемого. Нет надобности останавливаться на попытках объявить «Божественную комедию» произведением, наделенным всеми чертами «герметичности», ибо все эти попытки оказались несостоятельными. Эпоха Просвещения, ознаменовавшаяся бурным ростом национального самосознания в западнославянских странах, сопровождалась небывалым усилением интереса к Данте, к его философско-этическим концепциям и патриотическим идеям¹¹.

Если уже на рубеже XVIII и XIX столетий обозначились, а впоследствии интенсивно развивались и укрепились связи польской литературы с Данте, то, видимо, это было обусловлено тем, что поражение восстания Костюшко, а затем восстания 1831 г. вызвало особенное тяготение к патриотическим образам и призывам «Божественной комедии».

⁹ «...всех в скверне обогнав, придет с заката пастырь без закона» (Inf. XIX, 82—83).

¹⁰ Центральный государственный архив древних актов в Москве, разр. XII № 266, ч. 3, л. 102 (письмо Огиньского своей жене Изабелле от 9 ноября 1795 г.). Характерно, что в неопубликованных письмах Огиньского отчетливо выступают антипапские мотивы (см., например, описание демонстрации в Риме. Там же, лл. 112 об.—113).

¹¹ Тезис о «герметичности» дантовских образов привел Бенедетто Кроче к предложению отказаться от попыток их исторической или аллегорической трактовки и видеть в них только художественные образы. См. В. С. Г. о с е. La poesia di Dante. Bari, 1921. Наиболее резко и определенно высказался против этого предложения крупнейший современный итальянский дантолог Наталино Сепеньо. Дантологи славянских стран никогда не поддерживали Кроче в этом отношении.

В XIX в. не раз вспоминали слова, сказанные о Миколае Рее одним из его современников, называвшим его «нашим Данте» («*noster his est Dan-tes*). Говоря о Кохановском, академик Юльян Кшижановский замечает: «...Трены его стали у нас первыми произведениями того же плана, что и „Божественная комедия“ или „Сонеты“ Петрарки, то есть повествованием о душе человеческой, которая после горестного потрясения, вызванного смертью любимого человека, после катастрофического распада установившегося мировоззрения постепенно, путем внутренней перестройки, приходит к душевной гармонии, основанной на новых философско-религиозных принципах»¹². Мы привели эту цитату не потому, что мысль автора представляется нам бесспорной (ведь «*In vita di Madonna Laura*», т. е. первая часть петрарковского «*Canzoniere*», писалась до какого бы то ни было «горестного потрясения», а, кроме того, ни один современный дантолог не решится утверждать, что основным мотивом «Божественной комедии» является «тема Беатриче»), а для того, чтобы показать, что дантовская поэма постепенно стала для польских литературоведов своего рода высочайшим примером и эталоном поэтического совершенства.

Трудно перечислить все случаи, когда Мицкевич сравнивался с Данте, но, как правило, эти сравнения основывались не на том, о чем говорит в приведенной цитате Кшижановский, а на пламенном патриотизме поэта, прошедшего путь от «петраркизма» сонетов (подчеркнутого, как известно, в ряде случаев в заголовках) к inferнальным видениям и к обличительно-му пафосу «Дзядов» — произведению более всего близкому, как нам кажется, к дантовской поэме именно благодаря этим чертам. Исступленная тоска Данте по родине, патриотические призывы к объединению родного народа, жгучая ненависть к его врагам — все это выступало на первый план в процессе восприятия дантовского наследия творцами польской художественной культуры после поражения восстания 1830—1831 гг. У Словацкого это восприятие сопровождалось яростью обличения, бушующей с особенной силой в «Ангелли» и в «Рассказе Пяста Дантышка герба Лелива о путешествии в ад».

Как известно, замысел поэмы в прозе «Ангелли» (первоначально поэт предполагал написать ее не в семнадцати главах, а в тридцати¹³ песнях в стихах) возник у Словацкого непосредственно под впечатлением чтения Данте, который должен был сопровождать польского поэта в его путешествии по загробному миру. В окончательной редакции поэмы Словацкий дал поистине апокалиптическую картину сибирской ссылки, вводя, подобно Данте, в эту картину современные образы и завершая ее фигурой таинственного рыцаря, появляющегося после смерти Ангелли с хоругвью, на которой были начертаны три огненные буквы. По разъяснению самого поэта, содержащемуся в его письме к поэту Константину Гашиньскому от 22 мая 1839 г., буквы эти составляли слово *Lud* (народ)¹⁴.

Что касается «Рассказа Пяста Дантышка», то здесь, начиная с «сарматизированного» имени героя, возникают непрерывные ассоциации с Данте и первой кантикой его поэмы. Написанный, как указывает Словацкий, «на родине князя скорбных поэтов», рассказ этот, однако, отклоняется от высокого стиля дантовского «Ада», ибо пястовский кунтуш «заставил из-

¹² J. Krzyżanowski. *Historia literatury polskiej*. Warszawa, 1953, s. 199.

¹³ Судя по некоторым данным, эта цифра была в какой-то степени связана с мистикой чисел, играющей громадную роль в «Божественной комедии», в которой особое значение придается числам 3 и 10 и их кратным. Беатриче появляется впервые и называет себя по имени в тридцатой песне «Чистилища» (*Ben sem, ben sem Beatrice!*), где единственный раз упоминается также имя Данте.

¹⁴ J. Słowacki. *Dzieła*, wyd. 3, т. II, Wrocław, 1959, s. 293. В этом письме Словацкий подчеркивает, что его «Ангелли» нуждается в комментариях «так же, как Данте» (там же, стр. 292).

гнать из поэмы многие мысли, сократить многие описания и не позволил даже во многих случаях достичь необходимой ясности в выражениях. Вместо теологических рассуждений Данте он заставил автора обратиться к той простой философии, которая озарила некогда столь прекрасным светом стихи Яна Кохановского; с нею сочеталось лишь немного меланхолии, которой не знали счастливые предки наши»¹⁵.

Комментируя эти авторские пояснения, советские исследователи К. Н. Державин и Б. Ф. Стахеев пишут: «При всей глубине патриотической ненависти героя поэмы к врагам и предателям родины, при всем потрясающем трагизме переживаний и жертв несчастного отца, Дантышек Словацкого, рубака и пьяница, суевер и задира, изображен с достаточной степенью объективности и критицизма и не превращен в носителя „истинно народного“ начала, олицетворяющего надежду и будущее родины. Не случайно, действуя под влиянием непосредственных впечатлений и настроений, он не завершает своего путешествия, не приводит в исполнение своего намерения и выглядит как олицетворение прошлого, жертв и утрат, поражений и несбывшихся надежд»¹⁶. В последней фразе очень точно характеризуется отношение Словацкого к польской шляхте и резюмируется сущность его поэтических укоров, которые слышатся и в десятой главе «Ангелли».

К. Н. Державин отметил: «Глубокий интерес Словацкого к Данте, совпавший по времени с восторженным чтением флорентийского поэта Герценом, определялся существенными идейными предпосылками. Только что „Молодая Италия“ провозгласила великого поэта политическим наставником своего народа и пророком его объединения. Пламенный патриотизм творца „Божественной комедии“ и его враждебность к папству, непримиримая ненависть к насильникам и предателям национальной идеи роднили Данте со Словацким так же, как картины ада впечатляли молодого Герцена в условиях жестокой николаевской реакции»¹⁷.

Не только Словацкий, но, как уже говорилось, и Мицкевич, а также Красиньский, Норвид¹⁸, Крашевский (статья которого о Данте была переведена на несколько языков) и многие другие польские писатели обращались к Данте и его творчеству, не становясь его эпигонами, а продолжая и развивая те патриотические идеи великого поэта, которые были им особенно близки и созвучны освободительным стремлениям польских патриотов. Нельзя закрывать глаза на несколько отвлеченные мистические концепции некоторых произведений польской литературы, включая «Небожественную комедию» Красиньского, с детства зачитывавшегося Данте и даже считавшего знакомство с его поэмой одним из важнейших критериев культурного уровня человека¹⁹. Однако конфликт между графом Генриком и Панкрацием, который Мария Янион справедливо считает идейной и драматургической основой «Небожественной комедии»²⁰ (первоначально она должна была называться «Человеческой»), не достигает универсализма концепции дантовской поэмы.

¹⁵ J. Gowacki. Ibid., p. 350.

¹⁶ См. комментарии к книге: Ю. Словацкий. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 783.

¹⁷ Ю. Словацкий. Там же, стр. 30.

¹⁸ Напомним, что своей небольшой работе «О флорентийских скульпторах» (1845) Норвид предпослал эпиграф из «Чистилища» (Purg. XI, 94—96), дав термину Данте в оригинале и в своем переводе. Об отрывках из «Божественной комедии», переведенных Норвидом, см.: «Nowe studia o Norwidzie». Warszawa, 1964.

¹⁹ «Correspondance de Sigismond Krasinski et de Henry Reeve», v. 1. Paris, 1902, p. 290.

²⁰ M. Janion. Zygmunt Krasinski — debiut i dojrzałość. Warszawa, 1962, s. 228—229.

Данте читали не только Мицкевич, Словацкий, Красиньский и Норвид²¹, предполагавший написать четвертую кантику «Божественной комедии» («Земля»), но и Шопен. Музыкальные образы, созданные им (в особенности это относится к Первому скерцо, Сонате с похоронным маршем и другим произведениям, написанным под непосредственным впечатлением известий о поражении восстания 1830—1831 гг.), нередко перекликались с видениями «Ада». Как известно, в многофигурной композиции, созданной для купола Сенатской библиотеки в Люксембургском дворце, Делакруа запечатлел облик Шопена, изобразив его в виде Данте, которого Вергилий подводит к Гомеру. Не будет преувеличением сказать, что Делакруа был единственным современником Шопена на Западе, во всей глубине оценившим его гений, и едва ли, приступая к работе над этой композицией²², Делакруа обратил внимание только на некоторые черты портретного сходства флорентийского и варшавского мастеров, подчеркнутые им на знаменитом рисунке — эскизе к «гомеровскому плафону», где изображен Данте, увенчанный лавровым венком, и стоит подпись «милый Шопен»²³.

²¹ Недавно изданный сборник (С. Norvid. Do pani na Korczewie. Warszawa, 1963) подтверждает неразлучность Норвида с образами Данте.

²² Ср. письмо Делакруа к Гюставу Планшу от 9 августа 1842 г. с выразительными воспоминаниями о четвертой песне «Ада».

²³ Детальный анализ этого портрета и «гомеровского плафона» в целом дал крупнейший польский искусствовед проф. Ю. Стажиньский в докладе, прочитанном 13 ноября 1962 г. в Институте искусства и археологии Парижского университета. См.: J. Starzyński. Delacroix et Chopin. PAN. Centre scientifique à Paris, Fasc. 34, PWN, 1962.

Еще более ранний портрет Шопена работы Делакруа, написанный во второй половине тридцатых годов прошлого века (то есть в период создания Сонаты с похоронным маршем) и хранящийся в настоящее время в Лувре, совершенно непохож ни на один из других известных нам портретов Шопена: смуглое, темное лицо, мало отличающееся по колориту от темного (поистине «*di colore oscuro*» — Inf. III, 10) фона, скорбный очерк рта, напряженный взгляд, устремленный в какие-то неведомые дали, — как все это жизненно-правдиво и бесконечно далеко от нелепого представления о капризном «салонном денди», каким представляли Шопена десятки не слишком компетентных авторов. Что же касается эскизного рисунка Делакруа, то Стажинский указывает: «Данте — Шопен изображен здесь с челом, увенчанным лавровым венком, но без какого бы то ни было музыкального атрибута, и в этом мы можем усмотреть намерение Делакруа подчеркнуть и почтить высочайший интеллектуальный ранг искусства своего друга»²⁴.

Воспринимая патриотические идеи Данте о раскрепощении и освобождении родины, польские мыслители, часть которых, не исключая и Мицкевича, склонялась, как известно, к мистическим концепциям, порою завывавшим в дебри товянизма (нелишне напомнить, что Шопен презирал Товьянского), все более и более отчетливо проникались верой в народные силы. Вместо трех букв, образующих у Данте, как полагает большинство комментаторов, слово *Dux* (вождь, Purg. XXIII, 43), на знамени рыцаря, появляющегося в последней главе «Ангелли» Словацкого, пылают, как уже говорилось, иные буквы, составляющие слово *Lud* — народ. И тогда, когда магнатские круги Великой Эмиграции все еще возлагали надежды на «некоронованного короля Польши» и его сложную дипломатическую игру, Шопен писал: «Галицийские крестьяне подали пример волыньским и подольским, и не обойдется без страшных вещей, но кончится все это тем, что будет Польша великолепная, сильная, одним словом — Польша»²⁵. Итак — не Кап Гранде Делла Скала, не «державный Арриго» и не князь Адам Чарторыйский, а Народ... Залогом освобождения Польши в глазах Шопена была не борьба графа Генрика с Панкрацием, а волна крестьянских восстаний, ознаменовавшая «весну народов» на родине композитора.

3

Примечательно, что поэтическая форма дантовских произведений, неизменно получавшая высочайшую оценку в славянских странах, привлекала, однако, внимание не в такой степени, как содержание поэзии Данте. Мы имеем в виду прежде всего понимание права и долга поэта как строителя мира и судьи. Такое понимание сближает, например, «Дзядов» Мицкевича с «Дочерью Славы» Яна Коллара. Коллар, как известно, обращался к дантовскому творчеству еще в юношеские годы. В своем монументальном произведении Коллар создал образы «славянского ада» («Ахерон») и «славянского рая» («Лета»), населив эти области персонажами, осужденными или прославленными поэтом²⁶. Но помимо этого, Коллар опирается на авторитет Данте еще и потому, что видит в нем пример смелого утверждения права на развитие языка на народной основе. Как известно, о таком праве писали, неизменно ссылаясь на Данте, уже чешские гуманисты XV—XVI вв., в том числе Викторин Корнель из Вшегрд и Ми-

²⁴ J. Starzyński. Delacroix et Chopin, p. 11. См. также: J. Starzyński. La pensée orphique du Plafond d'ormère de Delacroix. «Revue du Louvre». Paris, 1963, № 2.

²⁵ «Korespondencja Fryderyka Chopina», t. II. Warszawa, 1955, s. 239—240.

²⁶ Это было включено Колларом во второе издание поэмы (1832 г.).

Кулаш Конач из Годиштькова, заботившийся «о rozmnožení jazyka svého p̄igozeneho». Не случайно такого рода высказывания отечественных гуманистов привлекали особое внимание чешских будителей и получили в последующие годы широкое распространение как в Чехии, так и в Словакии, не говоря уже о югославянских странах, где никогда не утрачивалась традиция живой связи с дантовским творчеством. По словам Йозе Дебевца, автора словенского перевода «Божественной комедии», сербо-хорватская и словенская литература о Данте еще ждет своего исследователя, так же как и произведения изобразительного искусства, созданные на дантовские темы и сюжеты в югославянских странах.

Если говорить о взглядах, наиболее отчетливо выраженных в этой литературе, то можно сделать заключение, что, так же как и в западнославянских странах, Данте представлялся там прежде всего мастером, впервые с потрясающей силой заявившим о праве поэта творить тот «суд истории», о котором в свое время писал (в связи с полемикой, развернувшейся вокруг «Бориса Годунова») и Пушкин, и основывать свои суждения на неоспоримых общечеловеческих этических критериях. Нарушения этих критериев, с такой скрупулезностью классифицированные Данте, никому и никогда не прощаются, даже если они и вызывают глубочайшее сострадание, подобное тому, какое вызывает участь Франчески и Паоло. Именно острота такого, гуманистического по своей природе, конфликта и обусловила, видимо, тот факт, что трагическая новелла, завершающая пятую песнь «Ада», привлекла внимание многих художников, драматургов и музыкантов, в особенности славянских.

На этот дантовский сюжет были созданы оперы Направника и Рахманинова, симфоническая фантазия Чайковского, балет Асафьева и другие произведения. Наиболее ранним из них была трехактная трагедия Яна Неруды, впервые поставленная в Ставовском (Сословном) театре в Праге 15 февраля 1860 г.

Произведения Данте и произведения, созданные под воздействием его творчества, получали все более и более широкое распространение в Чехии и Словакии, не говоря уже о югославянских странах.

«Живя довольно долго в окрестностях Флоренции, а затем, в связи с филологическими занятиями отца, в южнославянских странах, я мог убедиться, что в этих странах с величайшими мастерами итальянской литературы происходило то же, что с Пушкиным в Польше: их переводили, быть может меньше, чем в других странах, потому что читали в оригинале. Польская интеллигенция, как я убедился уже во время первого своего приезда в Варшаву (то есть незадолго до открытия памятника Мицкевичу), знала Пушкина в подлиннике. И точно так же, странствуя по южнославянским странам, даже удаленным от Адриатики, я слышал дантовские терцины, отдельные обороты и выражения из «Божественной комедии» на том самом *volgare*, на котором она была создана»²⁷.

Если в югославянских странах многие читали Данте в подлиннике, то в Польше, Чехии и Словакии все более и более настойчиво ставился вопрос о переводе «Божественной комедии» и других произведений великого флорентийца, который выросал в гигантскую фигуру глашатая свободы, патриотизма и моральной чистоты. В 1854 г. Франтишек Доуха, владевший многими языками и переводивший, в частности, Пушкина и Мицкевича, опубликовал свой перевод отрывков из «Божественной комедии» («Květný výbor z Božské Komédie»), а через четверть века Ярослав Врхлицкий дал полный стихотворный перевод «Ада», затем (1881) «Чистилица» и, наконец, «Рая» (1882). Перевод этот, впоследствии неоднократно

²⁷ V. Kiewewetter. Mes souvenirs. Paris, s. a., p. 5.

перерабатывавшийся писателем, справедливо считается лучшим чешским переводом дантовской поэмы. Врхлицкому принадлежит также перевод «Новой жизни» (1890), которую перевели затем уже Йозеф Кратохвил, Вилем Битнар и Павел Эйсер (под псевдонимом Эмиль Яновский).

Западнославянская «дантеана» обширна и насчитывает много сот названий, включая монографии Эдварда Порембовича (1906), который перевел также на польский язык «Божественную комедию», крупнейшего польского дантолога Каликста Моравского, исследования Яна Блокши, советами которого пользовался Врхлицкий, Йозефа Букачка, занимающегося изучением не только жизни и творчества Данте, но и путей развития чехословацкой дантологии. С точки зрения историка культуры, эту область нельзя свести только к переводам, специальным исследованиям и популярным работам биографического и литературоведческого характера. Очень важно помнить ту роль, которую творчество Данте играло и играет в общественной жизни народов, в частности славянских. Недаром славянские «Матицы» (в особенности сербская и чешская) и другие просветительские организации придавали такое значение популяризации творчества и идей Данте.

Можно напомнить, в частности, торжественный вечер, организованный в Праге 27 мая 1865 г. Умелецкой беседой, который был посвящен шестисотлетию со дня рождения Данте. На этом вечере Сметана исполнил «Дантовскую симфонию» Листа в фортепианном переложении. Воздавая почести флорентийскому мастеру, читая отрывки из его произведений, чешские патриоты говорили о нем не только как о гениальном поэте, но и как о великом борце за справедливость, за право каждого народа отстаивать свою государственную независимость, самобытность языка и культуры.

4

Имя Данте было известно в России во всяком случае уже в XVIII в., когда сведения о его жизни и творчестве нередко встречались во французской и немецкой литературе, получившей распространение в нашей стране, где, впрочем, читались и книги на итальянском языке, не говоря уже о латинском. По всей вероятности, первым русским переводом отрывка из «Божественной комедии» был анонимный прозаический перевод двадцать восьмой песни «Чистилища», появившийся в 1798 г. в альманахе «Приятное и полезное препровождение времени». Но глубокое постижение творчества Данте началось в России несколько позже, когда к нему обратился Пушкин, с именем которого навсегда оказалась связанной «дантовская традиция» русской литературы.

Уже в двадцатые годы имя Данте встречается в стихах Пушкина. Эпитет, употребленный в эзерумском отрывке 1829 г. («...из рук моих в етх и й Данте выпадает») (разрядка моя.— *И. Б.*), позволяет сделать заключение, что Пушкин не расставался с томом Данте и зачитывался им. В еще более раннем (1825) стихотворении «Андрей Шень» также упоминается имя Данте, которого, как явствует из текста, Пушкин помещает в том центре «поэтического Олимпа», в котором у Делакруа (следовавшего, впрочем, иерархии самого Данте) находился Гомер. Пушкин (в известном сонете 1830 г.), а вслед за ним и Белинский применяют по отношению к Данте эпитет «суровый» — иными словами, непреклонный, неумолимый, гордый, сознающий правоту своих суждений.

О «дантовской теме» у Пушкина написано уже довольно много²⁸.

²⁸ См., например, М. Розанов, Пушкин и Данте в кн. «Пушкин и его современники», вып. 37. Л., 1928; Н. Г. Ельяна, Данте в русской литературе, критике и переводах.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 1 и др.

Б. В. Томашевский, анализируя одну из первоначальных редакций стихотворения «Кто знает край, где небо блещет», приводит вариант четырнадцатого стиха: «Где Данте темный и суровый»²⁹. Здесь первый эпитет прямо говорит, что Пушкин понимал значение шифра в дантовской поэме. Б. В. Томашевский приводит примеры аналогичной «апокалиптичности» у Пушкина³⁰. Это определение можно применять, говоря не только о зашифрованности многих мест и целых произведений Пушкина (таков, например, «Арион»), но и о потрясающей мощи поэтических образов Пушкина, достигающей особенного напряжения в «Медном всаднике», где в «трагическую повседнежность» быта врывается «потусторонняя» сила, воплощенная в одном из таких многозначных образов.

Не раз уже говорилось о том, что Пушкин дал высокую оценку переводам отрывков из «Ада», сделанных П. Катениным, который опубликовал их в 1832 г. в книге «Сочинения и переводы в стихах». Пушкин особо отметил «мастерской перевод трех песен из Inferno»³¹, не назвав имени Данте, которое, следовательно, было настолько хорошо известно русскому читателю, что Пушкину незачем было пояснять, кем был написан «Ад». Характерно, что незадолго до появления статьи о сочинениях и переводах Катенина Пушкин написал терцинами³² отрывки «И дале мы пошли», составляющие вспомнить слова из той же статьи о том, что Катенин был первым, который ввел «в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные»³³. К вопросу о тематике и лексике «возвышенной поэзии» Пушкин, как известно, возвращался неоднократно и в решении его был всецело на стороне Данте, которого знал и цитировал в подлиннике, любясь громадным диапазоном его *volgare*.

Пушкин и Лермонтов были первыми великими русскими поэтами, в полной мере оценившими значение дантовского наследия для нашей литературы. Не будет преувеличением сказать, что Пушкин стоял у колыбели русской дантологии, указав на основные черты творчества Данте — на его высокий гуманизм, народность, утверждение права поэта на свободное, независимое суждение об исторических событиях и людях — начиная от коронованных особ и князей церкви и кончая «безумцами бедными». Такие суждения нередко требовали применения шифра, порою довольно сложного. Это знали и Микельанджело, *terribilità* которого, вне всякого сомнения, восходит к образам «Божественной комедии», и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, под впечатлением бесед с Пушкиным вознамерившийся, как отмечали уже С. К. Шамбинаго и Д. Д. Благой, не только изобразить в своей великой поэме круги ада николаевской России, но и наметить выход из этого ада. Известно, какой трагедией закончились попытки автора «Мертвых душ» создать образы, которые в какой-то мере соответствовали бы образам второй и третьей кантик «Божественной комедии». Да, впрочем, и у Данте «державный Арриго» нашел себе место лишь в потустороннем мире.

Не раз «Записки из мертвого дома» Достоевского сопоставлялись с дантовским «Адом». Гораздо менее убедительными представляются нам попытки провести параллель между концепциями «Божественной комедии» и искусственно сводимых в трилогию произведений Достоевского³⁴.

²⁹ Б. Томашевский. Пушкин. Кн. вторая. М.—Л., 1961, стр. 263.

³⁰ Там же, стр. 256.

³¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1949, стр. 267.

³² «Терцина Пушкина на одну стопу длиннее дантовской», — отметил Блок в Дневнике 1921 г. — Сбор. соч., т. VII. М.—Л., 1963, стр. 400.

³³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 266.

³⁴ Критику такого рода попыток см. в кн.: W. Lednicki. Russia, Poland and the West. N. Y., 1954, p. 148. Но сам Ледницкий делает более чем сомнительную попытку найти в «Братьях Карамазовых» аналогии с «Адом», «Чистилищем» и «Раем» (там же, стр. 319—320).

Нет сомнения, однако, что обличительный пафос Данте был весьма близок творцам русской литературы. Белинский и особенно Герцен часто обращались к Данте в годы, когда один за другим появлялись прозаические и стихотворные переводы «Божественной комедии». Герцен, подобно Пушкину, пользовался цитатами из поэмы и в подлиннике. Но стремление приблизить творчество Данте к широкому читательским кругам России обуславливало публикацию все новых и новых переводов «Божественной комедии» и отдельных кантик — Е. В. Кологривовой (под псевдонимом Ф. Фан-Дим), Д. Е. Мина, посвятившего этой работе почти полвека, Н. Н. Голованова и других. Параллельно с переводами в России выходят в свет исследования о жизни и творчестве Данте. Начиная с диссертации С. П. Шевырева «Дант и его век» (1833—1834 гг.) русская дантология развивалась с беспримерной стремительностью. Уже 50—60-е годы прошлого столетия ознаменовались публикацией первых блистательных трудов А. Н. Веселовского, громадная эрудиция которого позволила ему достичь высоты, на которой находилась тогда мировая наука о Данте. Вплоть до последних лет своей жизни академик Веселовский занимался Данте, следил за многоязычной литературой о нем и продолжал обогащать ее своими трудами³⁵.

К сожалению, не осуществил своего замысла перевести «Божественную комедию» Валерий Брюсов и далеко не все дошедшие до нас фрагменты его труда (быть может, не считавшиеся им самим окончательно отделанными), вопреки мнению ряда критиков, являются законченными. Но Брюсову, многократно обращавшемуся к Данте, принадлежит поразительное стихотворение «Поэту» (1907), которое открывается четверостишием, поныне не утратившим своей призывной мощи:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

Муза русской поэзии оставалась гордой музой неумолимой правды и обличения:

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Эти строки ахматовского стихотворения «Муза» перекликаются и с пушкинским образом «сурового Данта», и со словами Герцена о великом,

флорентийце, который «воротился в жизнь и понес ее крест»³⁶, и с торжественным брюсовским четверостишием, и с «дантовскими» стихами Блока и Гумилева, очертившего абрис поэта «в саду иной земли, среди кровавых роз и влажных лилий». Несомненно, образ Данте, слагающийся в русской поэзии, свидетельствовал о чутком постижении его глубокого трагизма и о том живом участии к человеческому горю, вы-

³⁵ Проницательную характеристику Веселовского как наиболее выдающегося русского дантолога дает акад. М. П. Алексеев в комментариях к «Избранным статьям» А. Н. Веселовского. Л., 1939, стр. 536—538.

³⁶ А. И. Герцен. Собр. соч., т. 3. М., 1954, стр. 69.

ражением которого полна пятая песнь «Ада». Но отношение к Данте было отношением не к человеку, павшему под бременем этого горя, а к героической, стойкой и гордой личности, навсегда вошедшей в историю человечества.

Советская эпоха ознаменовалась крупным подъемом, выдающимися достижениями отечественной дантологии. Уже в 1921 г., к шестисотлетию со дня смерти Данте, был издан сборник, куда вошли, в частности статьи Б. В. Асафьева и Б. А. Кржевского³⁷. Первыми марксистскими работами о Данте были знаменитая лекция Луначарского (1929) и монография А. К. Дживелегова, выдержавшая два издания. Как в этих работах, так и

в обширной статье А. М. Эфроса, предпосланной его переводу «Новой жизни» (1934)³⁸, творчество Данте рассматривается в тесной связи с исторической обстановкой и общественной жизнью конца XIII — начала XIV в. Углубленное изучение этой связи не опровергает пушкинской понимания «сурового Данта», а развивает его. Нет сомнения, что с пушкинской традицией (это относится также к звуковому построению стиха, играющему такую огромную роль и у Данте, и у Пушкина) прочно связан и великолепный перевод «Божественной комедии», выполненный М. Л. Лозинским (1939, 1944, 1945). «Ад» вышел со вступительной статьей А. К. Дживелегова и комментариями И. И. Гревса, остальные две кантики — с комментариями самого Лозинского.

«Божественная комедия» переводится в нашей стране и на другие языки. Отметим, в частности, грузинский перевод Константина Гамсахурдия и украинский перевод П. Карманского и М. Рыльского, вышедший в 1956 г. с прекрасной вступительной статьей акад. А. И. Белецкого, который не только дал анализ дантовской поэмы, но и собрал и обобщил ценнейшие сведения об отношении корифеев украинской литературы к ней, назвав, в частности, имя Ивана Франко — автора первой украинской монографии о Данте (1913).

Сравнительно небольшая по размерам статья акад. А. И. Белецкого представляет тем не менее огромную ценность, привлекая прежде всего той широтой, которая была обусловлена энциклопедической всеобъемлемостью знаний автора. Говоря об отношении Шевченко и Франко к дантовской поэме, Белецкий дал блистательный анализ и той рубежной эпохи, детищем которой была «Божественная комедия». Нет сомнения, что статью Белецкого можно по справедливости считать ценным вкладом в советскую дантеану.

М. Рыльский и П. Карманский перевели лишь «Ад», предисловием к которому по существу и явилась статья А. И. Белецкого, отнюдь не ограничившегося, впрочем, первой кантикой «Божественной комедии». После смерти М. Рыльского к переводу «Чистилища» и «Рая» приступил украинский поэт Е. Дробязко. Уже закончен перевод «Новой жизни», выполненный группой поэтов — Мьяколой Бажаном, Иваном Драчем, Владимиром Житником, Виталием Коротичем и Дмитрием Павлычко. В работе над книгой приняли также участие Анатолий Перепада, который пе-

³⁷ Перепечатана вместе с двумя другими статьями о Данте в сб.: Б. А. Кржевский. Статьи о зарубежной литературе. М.—Л., 1960.

³⁸ В 1918 г. вышел перевод «Новой жизни», сделанный М. Ливеровской.

ревел прозаические тексты и написал комментарий к книге, и Григорий Кочур, осуществивший общую редакцию первого украинского перевода этого творения Данте.

В наши задачи не входит, разумеется, обзор, а тем более оценка литературы о Данте, появившейся в нашей стране и в братских славянских странах. Но, наряду с достижениями славянской дантологии, с переводами творений Данте, с музыкально-сценическими и симфоническими произведениями на его тексты и сюжеты, следует назвать хотя бы некоторые работы мастеров изобразительного искусства. Здесь особенно выделяются гравюры на дереве, созданные В. А. Фаворским для эфросовского перевода «Новой жизни». Необычайной чистотой и поэтичностью овеяны листы «Данте» (с мистической девяткой, упоминаемой в начале книги) и «Беатриче». Бюст Данте работы Ксаверия Дуниковского (находится в музее скульптора в Варшаве) и выразительный портрет, исполненный Павлом Буниним в присущей ему лаконичной графической манере, полны сосредоточенной, скорбной задумчивости и величия.

И чем больше погружается наша мысль в доступные нам эпизоды биографии Данте и в «темный» смысл его творений, тем больше мы осознаем величие поэта-гражданина, который поистине горел «в огне, вставшем до небес из преисподней», и подвигом своего творческого труда и патриотизмом завоевал бессмертие в веках.

К проблематике XII Международного конгресса исторических наук в Вене

В. М. ТУРОК

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Когда один из крупных финансовых деятелей монархии Габсбургов Александр Шпицмюллер начал в 1946 г. диктовать своему внуку воспоминания, ему было уже 84 года и, конечно, время его молодости представлялось ему в гораздо более розовом свете, чем настоящее. У глубокого старика были все основания с любовью вспоминать великодержавные времена: они дали ему баронский титул, приличное состояние, высшие банковские должности, посты министра финансов и торговли. Для названия своих мемуаров Шпицмюллер взял известные слова поэта: «...И имеет основание любить это». Он с полной убежденностью считал империю Франца-Иосифа «образцовым европейским правовым государством и зародышем западной общности и культуры»¹. Предисловие к воспоминаниям Шпицмюллер написал в 1952 г., в день своего 90-летия. Его слова выражают мысли человека, который на несколько поколений пережил свое время.

Другой мемуарист Фридрих Фундер написал свои воспоминания о временах монархии, когда ему исполнилось 80 лет. С 1894 г. он сотрудничал в центральной газете католической христианско-социальной партии «Рейхс-пост», а с 1902 г. стал ее бессменным главным редактором, был близок к кругу эрцгерцога-престолонаследника Франца-Фердинанда и всей душой был прикован к монархии. В 1952 г. он писал о давно прошедших временах монархии в таких тонах, будто все еще был верноподданным императора.

В предисловии к своим мемуарам Фундер признался, что чувствует себя «жителем исчезнувшей эпохи»². Он сокрушался об исчезновении Австро-Венгрии: «Это было жизненное пространство общности народов, которое оберегало национальное существование и свободу малых народов»³.

Хотя Шпицмюллер и Фундер были реальными политиками и во многих случаях тонкими наблюдателями политических событий, они, естественно, оставались людьми своей эпохи и представителями своего класса и не могли отказаться от субъективного убеждения, что сохранение Австро-Венгрии необходимо для блага человечества. Гораздо более достойно сожаления, что те же мотивы можно найти и в работах некоторых современных историков. Так, для Гуго Ганча обычными являются панегирики монархии и монарху: «В совокупности своих земель и народов монархия была великой державой, единым экономическим целым и административным организмом, единым творческим фактором культуры общеевропейского значения. Те народы, которым с помощью систематической пропаганды вну-

¹ Alexander Spitzmüller. «...Und hat auch Ursach es zu lieben». Wien, 1955, S. 9.

² Friedrich Funder. Vom Gestern ins Heute. Aus dem Kaiserreich in die Republik. Wien, 1953, S. 9.

³ Ibid., S. 521.

шали, что их угнетают, что они страдают под ярмом ипостранного господства, получали от монархии больше всего пользы. В рамках великой державы они сами приобретали большое значение, а предоставленные самим себе, они были и оставались малыми, беспомощными и зависимыми. Вскоре обнаружилось, что трагедия Австрии одновременно была трагедией Европы»⁴.

Тема «трагедии» появляется и в работах других историков. Настоячиво пропагандируется также мысль, что Австро-Венгрия была идеальной моделью многонационального государства.

Применительно к проблемам австрийской истории можно в общем и целом согласиться с Теодором Майером, который следующим образом характеризовал направление австрийской историографии: «Изучение и изложение средневековой и новой истории всегда подвержено влиянию политических, культурных и экономических событий современности и воспринимает от них идеи и постановку вопросов. Поэтому историческая наука в своих выводах в значительной степени обусловлена данным моментом, но именно поэтому всегда остается живым звеном идейно-культурной жизни современности»⁵.

В настоящее время в западноевропейской и американской историографии наблюдается повышенный интерес к истории Австро-Венгрии. За последние годы опубликован ряд серьезных работ, основанных на неизвестных ранее источниках и содействующих более точному пониманию сложного комплекса проблем внутренней и внешней политики Австро-Венгрии. Так, например, работа западногерманского профессора Фрица Фишера, встретившая широкий отклик как в советской, так и в западной литературе, показала на основе многочисленных документов ту гибельную роль, которую сыграло для Австро-Венгрии полное подчинение ее правящих классов целям империалистической Германии⁶. Во вступительной статье к сборнику документов об июльском кризисе 1914 г. ученик Фишера, Имануэль Гейсс ясно сформулировал мысль, что борьба южных славян за свое объединение была «важной составной частью» национально-освободительных движений⁷. Точка зрения Гейсса содействует опровержению укоренившихся в буржуазной литературе шовинистических пангерманских утверждений Юберсбергера, Србика и других. Первый том своей большой работы о национальном вопросе и австрийской социал-демократии издал молодой западногерманский историк Ганс Моммзен⁸. Можно согласиться с боннским историком Сузанной Миллер, которая считает эту книгу важным вкладом в изучение национальной проблемы в Австро-Венгрии и подчеркивает основательное изучение Моммзеном архивных источников и блестящее знание литературы предмета⁹.

Серию больших статей о распаде Австро-Венгрии опубликовал видный миланский историк проф. Лео Вальяни¹⁰. Вальяни использовал источники

⁴ Hugo Hantsch. Die Geschichte Österreichs. Bd. 2. Graz, 1962, S. 543.

⁵ Theodor Mayer. Probleme der österreichischen Geschichtswissenschaft. В сб.: «Alteuropa und die moderne Gesellschaft». Festschrift für Otto Brunner. Herausg. vom Historischen Seminar der Universität Hamburg. Göttingen, 1963, S. 346.

⁶ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1962.

⁷ «Julikrise und Kriegsausbruch 1914». Bearbeitet und eingeleitet von Imanuel Geiss. Eine Dokumentensammlung. Bd. 1. Hannover, 1963, S. 48.

⁸ Hans Mommsen. Die Sozial-Demokratie und die Nationalitätenfrage im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Bd. I. 1963.

⁹ Рецензия Сузанны Миллер (научная референтка в комиссии по истории парламентаризма и политических партий в Бонне) в сб.: «Archiv für Sozialgeschichte». Herausg. von Friedrich — Ebert — Stiftung. Bd. IV. Hannover, 1964.

¹⁰ Leo Valiani. La dissoluzione dell' Austria-Ungheria.— «Rivista storica italiana», 1961, № 2; 1962, № 1; 1963, № 2.

и литературу на нескольких западноевропейских языках и, что очень важно, на сербско-хорватском и венгерском. Лео Вальяни и профессор флорен- в одном из стокгольмских архивов запись австрийского социал-демократа в одном из Стокгольмских архивов запись австрийского социал-демократа Вильгельма Элленбогена о свидании с Муссолини в конце августа 1914 г. Элленбоген настаивал на том, что «для итальянского пролетариата возможна только одна политика: абсолютный нейтралитет». Вместе с тем он пытался доказать правильность оборонческой позиции австрийской социал-демократии ссылкой на то, что «среди держав, ведущих войну против Австрии, находится царская Россия»¹¹.

Само собой разумеется, что значительное число исследований различного характера опубликовали австрийские историки. Здесь и небольшая по объему книга видного австрийского историка старшего поколения проф. Альфонса Лотского об австрийской исторической литературе¹². Кстати сказать, Лотский дал австрийской историографии оценку, которая для настоящего времени представляется слишком суровой и больше относится к прошлому. Первый том библиографии по истории австрийского рабочего движения, включивший свыше четырех тысяч названий, изданных в течение 1867—1918 гг., опубликовал Герберт Штейнер с предисловием проф. Фрица Кленнера. Штейнер опубликовал также большое исследование по истории возникновения и развития австрийского рабочего движения в 1867—1889 гг.¹³. Первый том четырехтомного собрания ценнейших архивных документов из истории австрийского рабочего движения времен первой мировой войны опубликовал архивариус Венского государственного архива, доктор Рудольф Нек. Первый том охватывает период от августа 1914 г. до суда над Фридрихом Адлером в мае 1917 г. В предисловии к публикуемому документам Рудольф Нек сделал очень важный вывод о переплетении национальных и социальных противоречий в Австро-Венгрии: «Постепенно и у нас в Австрии прокладывает себе дорогу понимание того, что монархия Габсбургов погибла в результате не только национальных, но и социальных противоречий. Именно тесное переплетение национальной проблематики с социальным кризисом является важным катализатором в процессе распада Австро-Венгрии»¹⁴. Одной из лучших работ по истории идеологической борьбы во времена монархии Габсбургов продолжает оставаться получившая общее признание книга покойного австрийского коммуниста Альберта Фукса¹⁵.

В советской исторической литературе появились за последние годы многочисленные работы, посвященные либо Австро-Венгрии в целом, либо отдельным землям монархии. Особенно большое внимание советские историки уделяют проблемам национально-освободительной борьбы и истории рабочего движения. Большое количество работ и документов опубликовали историки стран народной демократии. Многие работы советских историков посвящены, в частности, распаду монархии¹⁶. Из последних ра-

¹¹ Ernesto Ragoneri, Leo Valiani. Socialdemocrazia austriaca e socialisti italiani nell'agosto 1914.—«Studi storici», 1961, № 2, p. 108—109.

¹² Alphons Lhotsky. Österreichische Historiographie. Graz — Köln, 1962.

¹³ Herbert Steiner. Bibliographie zur Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung 1867—1918. Wien, 1963; Его же. Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Beiträge zu ihrer Geschichte von der Gründung des Wiener Arbeiterbildungs — Vereines bis zum Einigungsparteitag in Hainfeld. Wien, 1964.

¹⁴ Rudolf Neck. Arbeiterschaft und Staat im ersten Weltkrieg 1914—1918 (I. Vom Kriegsbeginn bis zum Prozess Friedrich Adlers 1914—Mai 1917). Wien, 1964, S. IX.

¹⁵ Albert Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich. Wien, 1949.

¹⁶ См. историографический обзор: Г. Ф. Сухомлинова. Проблемы австро-венгерской революции 1918 г.—«Вопросы истории», 1965, № 2.

бот можно назвать монографии проф. К. Б. Виноградова, Е. И. Рубинштейн и др.¹⁷.

В советской исторической литературе подвергались анализу многие из вопросов, затронутых в данной статье. К сожалению, западноевропейская историография обращает далеко не достаточное внимание на работы советских историков. В качестве примера можно привести рецензию Юлиуса Мишкольца на книгу Эржебет Андич, изданную в Будапеште в 1961 г., о союзе Габсбургов и Романовых для подавления венгерской революции 1848—1849 гг.¹⁸. Рецензент похвалил автора за то, что она использовала «неизвестную до сих пор работу русского историка Розы Авербух»¹⁹. Но книга доктора исторических наук Р. А. Авербух издана в Москве в 1935 г. и у нас ее знал каждый студент²⁰. Ныне Р. А. Авербух издала еще одну книгу о революции 1848—1849 гг. в Венгрии²¹. Неужели пройдет еще 30 лет, пока журнал западногерманских историков обратит внимание на эту вторую книгу.

Таким образом, в последнее время появился ряд важных и содержательных работ, вносящих крупный вклад в научную разработку истории Австро-Венгрии.

Вместе с тем повышенный интерес западноевропейской и американской историографии к истории монархии Габсбургов вызывается также причинами, не имеющими отношения к науке. Это в значительной степени объясняется своеобразным социальным заказом, связанным с обсуждением в экономической и политической литературе различных планов интеграции, общего рынка и других форм объединения государств капиталистической Европы. Нередко даже видные западные историки связывают свои научные исследования с тезисами интеграллистов. Так, например, венский профессор Генрих Бенедикт писал в монографии об экономическом развитии Австро-Венгрии: «Экономическая история монархии дает примеры и выводы относительно как преимуществ, так и недостатков, связываемых с общим европейским рынком... Богатое экономическим опытом наследие исчезнувшей монархии должно принести пользу всему миру, так как на своем жизненном пространстве монархия решила или пыталась решить многие проблемы, сохраняющие свою актуальность вне зависимости от места и времени»²².

В поисках методов и форм создания интегрированной Европы правящие круги капиталистического мира обращаются к примерам из прошлого и прибегают в этом случае к помощи историков. Иногда это происходит в самой прямой форме и тогда в статьях и книгах по истории Австро-Венгрии сразу же чувствуется штамп дипломатических ведомств.

В ряде случаев с историческими исследованиями выступают люди, не имеющие ничего общего с наукой и пользующиеся благоприятной возможностью в псевдоисторической оболочке высказать свои реваншистские, а иногда и просто нацистские взгляды. Одним из такого рода авторов является профессор Академии мировой торговли в Венах Тарас Бородайкевич. Когда-то, во времена австрофашистской диктатуры, Бородайкевич был

¹⁷ К. Б. Виноградов. Боснийский кризис. Л., 1964; Е. И. Рубинштейн. Крушение Австро-Венгерской монархии. М., 1963; «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». Сб. статей, Ин-т славяноведения АН СССР, М., 1965.

¹⁸ Andics Erszsebet. A Habsburgok es Romanovok szövetsége. Budapest, 1961.

¹⁹ «Historische Zeitschrift», Bd. 195, H. 2, 1962.

²⁰ Р. А. Авербух. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935.

²¹ Р. А. Авербух. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848—1849. М., 1965.

²² Heinrich Benedikt. Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Joseph-Zeit. Wien, 1958, S. 6.

учеником Генриха Србика, как и он примыкал к нацистам, а после смерти Србика подготовил и снабдил предисловием переиздание двухтомной работы Србика о Меттернихе, а также издал третий том, который Србик закончил в 1950 г., за год до своей смерти. Этот том представляет собою историографический обзор литературы о Меттернихе. Бородайкевич продолжил работу своего учителя, включив в историографию произведения, вышедшие в свет уже после смерти Србика. Как и следовало ожидать, Бородайкевич продолжил малопохвальное дело научной жизни Србика, пытаясь изобразить Меттерниха светлым носителем прогресса. Не довольствуясь пропагандой пангерманских взглядов на австрийскую историю, Бородайкевич занимался также пропагандой среди студентов нацистских взглядов на современность. Его лекции привели в марте и апреле 1965 г. впервые за много лет к выступлениям фашистов на улицах Вены. Как сообщалось в советской печати, «свои лекции бывший нацист в профессорской мантии читал в фашистском духе, насыщая их выпадами против австрийской нации». В венском магистрате в связи с выступлениями Бородайкевича происходили бурные дебаты. «По предложению депутата-коммуниста Лаушера была принята резолюция, которая требует окончательного изгнания из австрийских вузов духа нацизма, пангерманизма, антисемитской пропаганды»²³. Австрийская коммунистическая пресса констатировала в этой связи, что в высших учебных заведениях Австрии история преподается в пангерманской трактовке и что до сих пор студенческой молодежи внушают, что не существует австрийской нации и что австрийцы являются частью немецкой нации²⁴. Прямым результатом лекций Бородайкевича было убийство нацистами на одной из центральных улиц Вены 67-летнего антифашиста Эрнста Кирхвегера во время демонстрации протеста против пребывания в высшем учебном заведении Бородайкевича и других нацистов.

Таким образом, еще раз с предельной четкостью проявилось, что увлечение Меттернихом и вообще проблемами австрийской истории отнюдь не остается уделом академического исследования. Реакционная историография стремится превратить изучение истории Австро-Венгрии в одно из ответвлений пресловутого «остфоршунга» и пользуется для этого интересом к комплексу вопросов, связанных с интеграцией Европы. В поисках формы объединения независимых национальных государств Западной Европы сторонники интеграции обращаются к изучению многонациональных государств. Здесь-то и начинается мрачная роль остфоршунга, превращающего эти поиски в пропаганду антикоммунизма. Многочисленная группа авторов этого рода пытается во что бы то ни стало представить многонациональную монархию Габсбургов в качестве идеального содружества наций и модели для современной интеграции. А воображаемый идеал противопоставляется этими авторами социалистическому опыту многонационального Советского государства. Такого рода предвзятая и заранее точно очерченная цель превращает многие работы по истории Австро-Венгрии в коллекцию разрозненных фактов, каждый из которых может быть даже точным, но в совокупности отражает действительность в кривом зеркале.

Заранее принимая в качестве непреложной истины утверждение, что для блага народов Юго-Восточной Европы монархию Габсбургов следовало сохранить, многие западные авторы переходят к поискам «виновных» в крушении Австро-Венгрии. Поскольку распад монархии хронологически совпал с ее военным разгромом осенью 1918 г., а поражение, сопровождавшееся крайним ослаблением и затем параличом военно-полицейского

²³ «Правда», 1965, 30 марта.

²⁴ «Volksstimme», 26 III 1965.

аппарата государства, естественно, чрезвычайно усилило центробежные силы, многие авторы с легкостью доказывали, что только внешние факторы и обусловили разрушение Австро-Венгрии. Отсюда делался вывод, что основную, если не исключительную, вину несут правительства государств Антанты и их агентура в славянских землях монархии. Даже такой серьезный австрийский историк, как Генрих Бенедикт, обвинял западные державы в том, что «40 лет назад они сломали прежний строй Центральной Европы»²⁵. Это утверждение тянуло за собой следующее логическое звено в виде заявления, что на первом этапе войны 1914—1918 гг. народы Австро-Венгрии представляли собою единое целое, восторженно сплотившееся вокруг любимого монарха. Именно так изображает положение группа австрийских историков (Вальтер Гольдпinger, Фридрих Тальмаи, Стефан Фероста, Адам Вандрушка), написавших под редакцией Генриха Бенедикта историю возникновения и развития австрийской республики: «Подобно тому, как подлинный патристический подъем масс временно преодолел социальные противоречия, так была первоначально устранена и вражда между национальностями. Мобилизация проходила без трений. Как и во времена Радецкого, снова вступил в действие для армии лозунг: В моем лагере находится Австрия. Эту эпоху осеняет фигура монарха. В нем воплощалась идея общего государства. Ни один из народов не хотел конца монархии... Тот, кто не хотел считать себя австрийским патриотом, отправлялся на поле битвы как немец с мыслью о мощи и величии Германии или же как славянин в сознании, что его народ может только в рамках монархии найти защиту от иностранного давления»²⁶.

Эта аргументация основывалась только на том, что мобилизация в первые дни войны прошла относительно спокойно и не сопровождалась внешними признаками недовольства. Признаки резкого недовольства начали появляться несколько позднее, но это отнюдь не означало, что в начале войны прекратился политический кризис, который уже в течение многих лет переживала монархия. В обстановке кровопролитной войны, тяжелых поражений, экономической разрухи и голода кризис режима проявился затем с новой силой и непрерывно нарастал вплоть до революции 1918 года. Наличие этого кризиса, по крайней мере с начала XX в., отмечали многие государственные и политические деятели Австро-Венгрии самых различных политических направлений. Огромное влияние на развитие политической борьбы в Австро-Венгрии оказала русская революция 1905—1907 гг. Общеизвестно, какое непосредственное воздействие оказали революционные события в России на развертывание массовой борьбы австрийских рабочих за всеобщее избирательное право²⁷. Примерно к этому времени Шницмюллер записал слова известного политэконома и министра финансов монархии Евгения Бем-Баверка, что «железная поступь истории» толкает Австро-Венгрию к распаду²⁸.

Один из крупнейших банковских деятелей Австро-Венгрии, близкий ко двору, Рудольф Зигхарт в своих мемуарах определял русскую революцию 1905 года как рубеж колоссальной важности. Он писал: «Официальная Европа верила в Россию как оплот мировой реакции... Последующее поколение вряд ли сможет представить себе, как глубоко затронуты были чувства европейского общества этими событиями. До того монархический государственный буржуазный строй казался само собою разумеющимся,

²⁵ «Donauraum», Н. 1, 1959, S. 58.

²⁶ «Geschichte der Republik Österreich». Herausg. von Dr. Heinrich Benedikt. Wien, 1954, S. 17—18.

²⁷ С. В. Овнянин. Подъем рабочего движения в Австрии в 1905—1906 гг. М., 1957, стр. 138—158.

²⁸ Alexander Spitzmüller. Op. cit., S. 59.

непостижимым, не вызывающим сомнений, а теперь все стало сразу проблематичным»²⁹. Такую характеристику Зигхарт дал положению в Европе в целом. Что касается непосредственно Австро-Венгрии, то еще к моменту образования правительства Кербера, т. е. к январю 1900 г., Зигхарт констатировал: «Кербер начал в момент, когда Австрия фактически переживала тяжелый внутренний кризис. Средства управления казались исчерпанными... По всей Центральной Европе прошла тогда волна высокой конъюнктуры, но, казалось, она остановилась на границах Австрии... Борьба по вопросам языка все заполняла и всему мешала. Все было пропитано пессимизмом. Отсутствовала программа, которая учитывала бы общие интересы государства, и не было также человека, способного ее осуществить»³⁰.

Еще мрачнее были оценки, которые давали положению монархии австрийские и немецкие социал-демократы. Так, Карл Каутский писал применительно к тому же периоду: «Едва ли найдется хотя одно европейское государство, политическое положение которого было бы так запутано, как положение государства Габсбургской монархии»³¹. И далее: «Ничто не является столь неизвестным и туманным, как будущность Австрии. Существуют государства, которым обстоятельства не позволили стать на современные начала, которые обречены на прозябание и смерть»³². Неминуемую гибель предсказывал монархии и Отто Бауэр в 1911 г.: «Национальная борьба и взаимоотношения с Венгрией требуют переустройства всего государственного здания. Австрия будет превращена в федеральное государство автономных наций или же прекратит свое существование»³³.

Современники чувствовали приближение бури. «Мы жили в предчувствии близкой катастрофы», — вспоминал Рудольф Зигхарт³⁴. А Редлих записывал в дневник 21 IX 1911 г.: «Повсеместно я встречаю чувство, что Австрия идет навстречу тяжелым кризисам, даже хаосу. Нужна сильная рука в сочетании с умной головой. Государственная власть упала весьма низко»³⁵.

Вместо того чтобы искать выход из тяжелых кризисов при помощи коренных реформ, правящие круги монархии вступали на путь внешнеполитических авантур, которые должны были привести к войне. Одной из таких авантур, имевших чрезвычайно серьезные последствия для судеб монархии, была аннексия Боснии и Герцеговины.

Мощное движение южных славян за национальную независимость и их стремление к объединению с Сербией правящие круги Австро-Венгрии пытались подавить путем разгрома Сербии. Одним из важных этапов борьбы монархии с южными славянами была аннексия в 1908 г. Боснии и Герцеговины, превращавшая эти провинции из номинального владения Турции, «временно» оккупированного Австро-Венгрией на основе решения Берлинского конгресса, в составную часть монархии Габсбургов.

Аннексия была воспринята южными славянами как провокация и послужила толчком к новому усилению национальных конфликтов. «Аннек-

²⁹ Rudolf Sieghart. Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht. Menschen, Völker, Probleme des Habsburger Reiches. Berlin, 1932, S. 74.

³⁰ Ibid., S. 48.

³¹ К. Каутский. Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Киев, 1905, стр. 3.

³² Там же, стр. 31.

³³ Otto Bauer. Geschichte Österreichs. Eine Anleitung zum Studium der österreichischen Geschichte und Politik. Wien, 2. Aufl., 1913, S. 48.

³⁴ Rudolf Sieghart. Op. cit., S. 211.

³⁵ Josef Redlich. Schicksalsjahre Österreichs 1908—1919. Das politische Tagebuch, Bd. 1. Graz — Köln, 1953, S. 100.

сия содействовала ускорению распада Австро-Венгрии, усилив национально-освободительные движения различных национальностей, из которых состояла монархия. Ирредентистское движение усилилось не только среди южных славян, но и среди итальянцев и украинцев»³⁶.

В международном плане Боснийский кризис по внешним признакам закончился победой Австро-Венгрии, но это была Пиррова победа, так как «аннексия в немалой степени содействовала изоляции монархии Габсбургов и Германии с международной точки зрения и ослаблению союзных связей этих двух великих держав с Италией. Аннексия значительно ухудшила взаимоотношения между Великобританией и Австро-Венгрией и прочно привязала монархию к Германии»³⁷.

В своем развитии Боснийский кризис был опасной игрой с огнем. Это в общем понимали многие в Вене. Зигхарт писал в своих мемуарах: «Аннексия была увертюрой к мировой войне»³⁸. До известной степени Зигхарт был прав, считая, что само по себе изменение юридического статуса провинций не давало Австро-Венгрии никаких дополнительных преимуществ, а только осложняло и без того тяжелое положение монархии на Балканах: «Ничто не вынуждало нас тогда пожертвовать этим юридическим статутом и заменить его другим. Напротив, растущее возбуждение балканских народов как явственный предвестник последовавших вскоре двух балканских войн предписывало нам величайшую сдержанность и педантичное сохранение существующего статуса. Прикосновение к юридическому статусу на юго-востоке означало постановку в повестку дня южно-славянского вопроса в тот момент, когда его решение еще не назрело»³⁹.

Однако существовал фактор, толкавший австрийское правительство к аннексии: произошла младотурецкая революция, за которой последовала цепная реакция революционных выступлений на Балканах, а это в свою очередь приводило к усилению национально-освободительной борьбы южных славян на территориях Австро-Венгрии. «Национально-освободительное движение народов Боснии и Герцеговины против австрийских оккупантов, непрерывно нараставшее на протяжении ряда лет, с победой революции в Турции приняло еще больший размах. Для Австрии создалась угроза не только лишиться надежды на присоединение этих провинций, но и оказаться вынужденной вывести оттуда свои войска. Все это заставило австрийское правительство поспешить с осуществлением австро-русской сделки и упрочить свое положение в Боснии и Герцеговине, объявив об их аннексии»⁴⁰.

Фактически обе провинции представляли собою кипящий котел. Видный деятель австрийского правительственного лагеря Иозеф Бернрейтер, посетив Боснию накануне аннексии, во всеуслышание заявил, что для подавления «ирредентистских устремлений» необходимо превратить мандат Берлинского конгресса в постоянный и ликвидировать номинальный суверенитет турецкого султана. Бернрейтер отметил «склонность к политическим дискуссиям, присущую населению Боснии и Герцеговины, как и всем южным славянам», и натолкнулся на фанатическую ненависть особенно со стороны сербского населения провинций к господству Австро-Венгрии⁴¹.

³⁶ Jurij Křížek. Annexion de la Bosnie et Herzegovine.— «Historica IX (Separatum)». Praha, 1964, p. 202.

³⁷ Ibid., p. 201.

³⁸ Rudolf Sieghart. Op. cit., S. 139.

³⁹ Ibid., S. 134.

⁴⁰ И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906—1910. М., 1961, стр. 202.

⁴¹ J. M. Baernreither. Bosnische Eindrücke. Eine politische Studie. Wien, 1908, S. 30, 27.

Превращением временной, хотя и без установления срока, оккупации в постоянное владение австрийское правительство надеялось прервать революционное брожение, вызванное младотурецкой революцией. Но эти расчеты были основаны на песке. Увековечив захват провинций, правительство отняло у южных славян надежду на возможность мирного объединения с Сербией и толкало на путь открытой борьбы. Аннексия была чистейшим безумием и привела к результатам, прямо противоположным тому, на что рассчитывали в Вене.

Вообще правители Австро-Венгрии все делали наоборот, как будто для того, чтобы подтвердить своим примером поговорку классической древности: «Когда боги хотят наказать человека, то отнимают у него разум». Впрочем, существовало ли то, что можно отнять? В дневниках Редлиха можно найти ядовито точные характеристики государственных умов монархии. Например, «Все правительства последнего времени были сплавом старых баб, паралитических бюрократов и карьеристов» (запись 25 VI 1910 г.). Или: «Я думаю, что уже давно не было такой суммы неспособностей, невежества и распада в правительстве какой-либо великой державы» (запись 21 III 1913 г.). Соответствующими были и персональные характеристики. Когда было сформировано правительство барона Гауча, Редлих занес в дневник 30 VII 1911 г. мнение Штюргка: «Выбор пал на Гауча потому, что он является самым бесцветным из всех министров-президентов»⁴².

Недаром Редлиха не любили при дворе. Дело было не только в его еврейском происхождении, но главным образом в излишней интеллигентности, которая и закрывала ему путь к осуществлению мечты всей его жизни: стать министром в правительстве при Франце-Иосифе. Старый император недолюбливал интеллигентов. В этом он продолжал традиции габсбургской династии. Габсбурги терпели науку и литературу как неизбежное и иногда даже необходимое зло, но побаивались мыслей и идей. Как известно, император Франц I в своей торжественной речи, обращенной к профессорам университета, произнес знаменитые фразы: «Мне нужны не ученые, а подданные. Тот, кто мне служит, должен обучать, чему я приказываю. А кто не может этого делать или приходит ко мне с новыми идеями, тот может уйти, а иначе я его удалю»⁴³.

Так же относился к ученым и вообще к интеллигентам внук Франца I, император Франц-Иосиф. Во-первых, по свидетельству Зигхарта, император вообще не читал книг⁴⁴. Следовательно, он не мог понимать, зачем это делают другие. Во-вторых, с интеллигентами было слишком много хлопот: они вечно о чем-то спрашивали, чего-то хотели, чего-то добивались, о чем-то беспокоились, а император, как и его министры, больше всего на свете любил собственное спокойствие и терпеть не мог думать по той простой причине, что именно этого он и не умел делать. «Хуже всего он переносил такого начальника кабинета, который вместо точных решений преподносил ему робкий вопрос, что будет приказано сделать в данной обстановке. Князь Альфред Виндшигрец, в остальном человек соответствующий вкусам императора, неоднократно вызывал его неудовольствие как министр-президент тем, что спрашивал, что прикажет предпринять его императорское величество»⁴⁵. Любимым занятием Франца-Иосифа было ежедневно читать вырезки, которые делали для него из австрийских газет, и раз в неделю принимать письменные просьбы и жалобы. Император

⁴² Josef Redlich. Op. cit., S. 69, 193, 94.

⁴³ Paul Frischauer. Die Habsburger. Geschichte einer Familie. Wien, 1961, S. 217.

⁴⁴ Rudolf Sieghart. Op. cit., S. 228.

⁴⁵ Ibid., S. 226.

аккуратно передавал их через свою канцелярию в соответствующее ведомство, где они и хранились.

Последние годы своего царствования Франц-Иосиф жил в каком-то призрачном, никому неведомом мире. Редлих записал 13 X 1914 г. слова многократного австрийского министра и премьер-министра Эрнста Кернера: «Император живет в несуществующем мире. Он никогда не переписывал правды и никогда не был в состоянии выслушивать сообщения о подлинном положении в Австрии. Если кто-либо пытался это сделать, то он отходил к окну и поворачивался спиной»⁴⁶. Еще красочнее записанное Редлихом 6 XI 1914 г. высказывание одного из высших правительственных чиновников: «Старые эдноты... изолируют императора от внешнего мира... Впрочем, он всем интересуется и пастоящий маразм еще не наступил»⁴⁷.

Чем дряхлее становился император, тем громче возносились ему славысловия. При жизни и даже еще в течение некоторого времени после смерти Франц-Иосиф мог бы занять первое место в мире по числу добродетелей, которые ему приписывались. Австро-Венгрия нуждалась в легендах. Одной из них была легенда о мудром императоре, который желал только добра своим верноподданным, но не в силах был преодолеть сопротивление злых мадьяр, которые не хотели увеличивать взносы по финансовой квоте на общегосударственные расходы, или строптивых сербов, которые не желали примириться с аннексией Боснии и Герцеговины, или злых русских, которые поддерживали сербов. Среди них и ищут многие западные авторы виновников распада Австро-Венгрии. Между тем виновных можно было найти гораздо ближе к императорскому двору. Это были правящие классы монархии, которые в эпоху империализма пытались законсервировать феодальные и полуфеодальные отношения и в эпоху нарастания рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов пытались сохранить режим всеобщего бесправия и национального угнетения. А так как своими силами монархия не могла этого осуществить, то она искала поддержку у Германии и этим превратила Австро-Венгрию к германскому империализму сначала в качестве союзника, а затем в качестве вассала. Превратив Австро-Венгрию в форпост германского империализма на Балканах, правящие классы монархии Габсбургов сами подписали себе смертный приговор. К этому выводу приходят не только историки-марксисты, но и многие серьезные историки из буржуазного лагеря в тех случаях, когда они отказываются от модернизации истории Австро-Венгрии и отбрасывают предвзятые концепции и предрассудки для обоснования всякого рода планов интеграции.

В поисках «виновников» разрушения Австро-Венгрии многие буржуазные историки обвиняют то чехов, то южных славян, а в большинстве случаев венгров, которые, по их мнению, пользовались Соглашением 1867 г. в ущерб Цислейтании. Но при этом, как правило, забывают о социально-политическом и классовом смысле Соглашения. В работе о развитии промышленности в Венгрии венгерские историки И. Беренд и проф. Дьердь Ранки напомнили своеобразный характер Соглашения, которое представляло собою не соглашение между австрийскими немцами и венграми, как таковыми, а компромисс между правящими классами этих наций во имя совместных эгоистических классовых интересов. «Это было Соглашение между австрийским крупным капиталом, крупным землевладением и Габсбургской династией, с одной стороны, и венгерскими крупными и средними землевладельцами, с другой. Характер урегулирования нерешенных проблем буржуазных реформ был ретроградным и ублюдочным. Соглашение превратило монархию в двухцентровое дуалисти-

⁴⁶ Josef Redlich, Op. cit., S. 282.

⁴⁷ Ibid., S. 286.

ческое государство. Хотя дуалистическая система ускорила капиталистическое развитие страны, она также и ограничила развитие, сохранив экономическую зависимость страны от Австрии, закрепив феодальные пережитки, оставив нерешенными проблемы национальных меньшинств и законсервировав таким образом многонациональное государство»⁴⁸. Вместе с тем Соглашение 1867 г. обрекало Хорватию на экономическую отсталость; вплоть до 90-х годов прошлого века наблюдался застой и только в конце века началось развитие экономики, которое, однако, «не могло сравниться с развитием экономически развитых земель монархии»⁴⁹.

Соглашение 1867 г. действительно сыграло отрицательную роль в истории Австро-Венгрии, и прав был один из крупнейших знатоков двуединой монархии Л. Эйзенманн, считая, что Соглашение определяет современную политическую историю Австро-Венгрии⁵⁰. Как известно, дуализм был порожден разгромом монархии в австро-прусской войне 1866 г. Последствия этого поражения были многогранными. Прежде всего они заключались в том, что «Австрия была устранена из Германии и лишена влияния на ее реорганизацию. Ей пришлось провести внутренние преобразования в духе австро-венгерского дуализма и перенести центр тяжести своей внешней политики на Восток. Наконец, в результате войны Венеция вышла из-под австрийского гнета и воссоединилась с Италией»⁵¹.

Однако этим не ограничивались последствия поражения. На поле битвы под Садовой проявились отсталость, консервативность и внутренняя гнилость габсбургской системы управления, но правящие классы монархии не сделали, да и не могли извлечь уроков на будущее.

В Вене даже не задумывались над необходимостью решительных перемен, а мечтали о реванше. Центральная задача Бейста, ставшего в 1866 г. министром иностранных дел, а в начале 1867 г. председателем Совета министров, заключалась в подготовке новой войны против Пруссии. Его и именовали «министром реванша». Вся политика австрийского правительства в промежутке между 1866 и 1870 гг. была сосредоточена вокруг этой подготовки⁵². Франко-прусская война и победа Бисмарка нанесли этой политике страшный удар и раз и навсегда уничтожили всякие надежды на возможность возрождения роли Австрии в Германии. После Седана необратимость Пражского мира стала ясной каждому младенцу. Между тем во имя несбыточной надежды на реванш австрийское правительство заключило Соглашение 1867 г. о дуализме.

В целом соглашение 1867 г. имело целью законсервировать режим национального и социального гнета и сохранить господство Габсбургов. В итоге Соглашение оказалось направленным против интересов широких трудящихся масс всех национальностей монархии. Оно не только не содействовало устранению противоречий и затруднений, которые переживала Австрия на протяжении первых двух третей XIX в., но и явилось исходным пунктом для возникновения новых тяжелых кризисов режима Габсбургов. Кончилось это, как известно, крушением монархии и распадом многонационального государства. Причин было много, но виновниками распада, если можно употреблять этот термин, были сами же Габсбурги и те классы, которые их поддерживали.

⁴⁸ I. T. Berend, Gy. Ranki. The development of the manufacturing industry in Hungary (1900—1944).— «Studia Historica». Budapest, 1960, p. 2—3.

⁴⁹ Mirjana Gross. O nacionalnom pitanju u Hrvatskoj u vrijeme krize dualizma.— «Jugoslavenski istorijski časopis», 1964, s. 4—5.

⁵⁰ Louis Eisenmann. Le Compromis Austro-Hongrois de 1867. Étude sur le dualisme. Paris, 1904, p. XI.

⁵¹ Л. М. Шнейерсон. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962, стр. 5.

⁵² Louis Eisenmann. Op. cit., p. 438.

Ю. А. ЦИСАРЕВ

ОККУПАЦИЯ СЕРБИИ АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ И БОРЬБА СЕРБСКОГО НАРОДА ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ В 1916—1918 гг. (до прорыва Салоникского фронта)

История оккупации Австро-Венгрией Сербии и борьбы сербского народа за свое освобождение в годы первой мировой войны является одним из важных и недостаточно изученных вопросов.

Реакционная буржуазная австрийская и западногерманская историография пытается оправдать оккупационную политику монархии Габсбургов и действия войск Четверного союза в Сербии.

Югославские историки — Б. Храбак, М. Перович, Д. Милкич¹ и др. — опубликовали в последние годы ряд работ, разоблачающих захватническую политику Австро-Венгрии на Балканах и затрагивающих вопросы освободительной борьбы народных масс против захватчиков. В данной статье ставится задача раскрыть сущность оккупационной политики Австро-Венгрии в Сербии.

* * *

В октябре 1915 г., обеспечив перевес сил и добившись вовлечения в свою коалицию Болгарии, державы Четверного союза перешли в наступление против Сербии и к ноябрю достигли решающих успехов. Сербская армия, понеся тяжелые потери, была вынуждена покинуть территорию страны. По труднопроходимым горным тропам Черногории и Албании остатки сербских войск вышли на Адриатическое побережье северной Албании и затем морем эвакуировались на остров Корфу. Из 300 тыс. человек, насчитывавшихся в начале войны в сербской армии, до Корфу добрались только 120 тыс.² Десятки тысяч погибли в пути, многие попали в плен, часть солдат разошлась по домам и осталась на захваченной неприятелем территории.

Оккупировав Сербию, державы Центральной коалиции поделили ее между Австро-Венгрией и Болгарией по р. Мораве³. В состав австро-венгерской оккупационной зоны вошли территории, равные по площади Австрии, с населением 1370 тыс. человек. 7 января 1916 г. эта часть Сербии

¹ Б. Храбак. Учешће становништва Србије у протеривању окупатора октобра 1918 г.— «Историски гласник». Београд, 1958, № 3—4; М. Перовић. Устанак на југу Србије 1917. Београд, 1954; Д. Милкић. Београд под окупацијом у првом светском рату.— «Годишњак града Београда», књ. V, Београд, 1958.

² «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 668.

³ В статье не затрагиваются вопросы болгарской оккупации.

была объявлена военным генерал-губернаторством под австро-венгерским оккупационным управлением⁴.

Генерал-губернатором Сербии был назначен махровый реакционер граф Салис фон Севис, наделенный чрезвычайными полномочиями и пользовавшийся неограниченной властью. В апреле 1916 г. Салиса сменил на посту генерал-губернатора не менее отъявленный реакционер — граф Ремен.

В административном отношении генерал-губернаторство состояло из 13 округов, разделенных на 54 котара (района)⁵. Сохранявшееся в первое время общинное самоуправление потеряло свое значение и превратилось в исполнительный орган оккупационных властей⁶.

Гражданское управление представляло собой широко разветвленный военно-бюрократический аппарат, состоявший из 16 крупных отделов — политического, финансово-налогового, экономического, просвещения, торговли и др. Главными отделами были: политический, финансовый и управления полиции, т. е. органы фиска, полицейской слежки и насилия. Помимо гражданских органов власти, в генерал-губернаторстве были созданы военные и жандармские управления. Вся страна была разделена на военные округа, в населенных пунктах назначены военные коменданты и учреждены жандармские посты⁷. Кроме того, для борьбы с повстанческим движением были созданы специальные, так называемые «летучие отряды» жандармерии и войск («*streitkorps*»).

В мае 1916 г. в генерал-губернаторстве была проведена реформа судопроизводства. Рассмотрение уголовных дел было изъято из ведения сербских гражданских судов и передано в ведение военных судов⁸. Отныне любое проявление недовольства оккупационным режимом могло квалифицироваться как уголовное деяние и преследоваться по законам военного времени. Реформа судопроизводства усилила произвол оккупационных властей.

Тем же целям служили и другие мероприятия, осуществленные весной и летом 1916 г., — введение цензуры на письма из Австро-Венгрии в Сербию, сокращение почтово-телеграфной связи гражданского населения на территории генерал-губернаторства, запрещение свободного передвижения по железным дорогам и другим путям сообщения Сербии без паспортов и специальных разрешений полиции⁹.

С первых дней оккупации монархия Габсбургов приступила к экономическому ограблению страны, расхищению ее природных богатств, эксплуатации населения. Орган венгерского монополистического капитала — газета «Пешти хирлап» от 9 мая 1916 г. писала: «Сербии более не существует, и наш долг занять как можно больше сербской земли... Не имея колоний, мы должны расширить свои владения за счет завоевания стран»¹⁰.

В Вене еще в конце 1915 г. было создано Центральное управление по вывозу промышленного сырья и продовольствия из оккупированных земель — Сербии, Черногории, Македонии, Албании и Королевства Польского.

⁴ «*Beogradske Novine*», 9 I 1916.

⁵ «*Beogradske Novine*», 31 I 1916.

⁶ См. М. Шпанин. Оккупация, буна и терор у Србији од 1915—1918. Београд, 1925, стр. 41—42.

⁷ В 1916 г. в генерал-губернаторстве были расквартированы 54 воинские части и создано 12 жандармских постов. Военно-исторический архив Венгрии (далее — ВИАВ), ф. 30, лл. 112—129.

⁸ «Сербия под врагом». Одесса, 1917, стр. 14.

⁹ Венгерский государственный архив, ф. Мин-ва вн. дел, д. 292/140.

¹⁰ «*Pesti Hirlap*», 9 V 1916.

Военные власти взяли под свое управление угольные шахты Сербии, установили контроль над добычей хрома в Любовии, Чачаке и Кралево, приступили к эксплуатации горнорудных богатств в Крупани и других местах. С этой целью на рудники были мобилизованы рабочие, а для наблюдения за ними выделены специальные воинские подразделения и отряды жандармерии¹¹.

Австрийские и венгерские промышленные монополии спешили прибрать к своим рукам источники сырья. Уже в ноябре 1915 г. стали эксплуатироваться рудники по добыче свинца в Бабе и Црвени Бршеге. Австро-венгерское металлургическое общество и Общество железных дорог приступили к восстановлению находящегося на оккупированной Болгарией территории Сербии медного рудника в Майданпеке, разведке и эксплуатации залежей минеральных богатств близ Шабаца¹².

Оккупационные власти проводили политику, направленную на полное подчинение сербского национального рынка австрийским и венгерским монополиям, и подрывали позиции сербского отечественного капитала. 4 мая 1916 г. генерал-губернатор издал указ о подчинении частных крупных промышленных, торговых и финансовых предприятий Сербии военной администрации. На эти предприятия были назначены новые директора, преимущественно из числа лиц, тесно связанных с австрийскими и венгерскими промышленными корпорациями и банками¹³.

Против сербских предпринимателей, отказавшихся сотрудничать с австро-венгерскими корпорациями, были возбуждены судебные преследования в связи с так называемым делом о непогашении ими долговых обязательств. Созданное в Вене Центральное бюро для взыскания долговых обязательств с населения Сербии, Черногории и Албании предъявило иски и при помощи судов конфисковало имущество многих сербских предпринимателей¹⁴. Разоренные мелкие и средние сербские промышленные и торговые предприятия перешли в руки австрийских и венгерских корпораций. Военная администрация передала этим корпорациям и австро-венгерскому государству концессии на монопольное производство и сбыт спичек, папирос и папиросной бумаги, табака, соли, водки, спирта и т. п.¹⁵. В этих монополиях активное участие приняли австрийские, венгерские и хорватские банки. Так, в концессию по производству спичек вложил свои средства Венгерский общий кредитный банк, в концессию на сбыт папиросной бумаги — загребская финансово-промышленная фирма М. Фрейда, в концессию по производству и продаже табака — Венгерское банковское и торговое общество в Будапеште.

Банки стремились проникнуть и в другие отрасли народного хозяйства Сербии. Венгерский общий кредитный банк вкладывал капитал в угольную промышленность Сербии, конкурирующий с ним Будапештский коммерческий банк — в лесную и горнорудную промышленность Сербии и Македонии, Хорватский общий кредитный банк — в спичечную и табачную промышленность Сербии.

Хозяином австрийских и венгерских банков, монополий и промышленных корпораций способствовало закабалению сербской экономики монархией Габсбургов, наносило огромный ущерб национальной промышлен-

¹¹ A. Ehrhardt. Kleinkrieg. Geschichtliche Erfahrungen und Künftige Möglichkeiten. Potsdam, 1944, S. 70.

¹² ВИАВ. ф. 30, лл. 63—72.

¹³ «Pester Lloyd», 4 V 1916.

¹⁴ В Белграде было создано отделение Центрального бюро — Белградское бюро по охране интересов австро-венгерских и германских кредиторов («Сербия под врагом», стр. 53—56).

¹⁵ «Beogradske Novine», 29 IV, 2 VI 1916.

ности Сербии. Страна оказалась в чрезвычайно тяжелом положении. Официальный орган оккупационных властей газета «Београдске новине» писала 12 мая 1916 г.: «Из всех мельниц работает только одна — около Белграда. Остальные стоят из-за отсутствия зерна. Бездействуют текстильные фабрики. Работает только фабрика в Ужице, которая производит сукно для армии... Кожевенная промышленность находится в упадке. Крупная кожевенная фабрика в Белграде полностью разорена. Из металлообрабатывающих предприятий действуют только мастерские в Смедереве и Обилче, да и те обслуживают железные дороги, а не население. Кирпичная и цементная промышленность совсем замерла»¹⁶.

Оккупационный режим отрицательно сказался на состоянии и развитии торговли и сельского хозяйства Сербии. Торговле был нанесен удар двумя мероприятиями, введенными в генерал-губернаторстве, — новым таможенным тарифом, введенным в конце 1915 — начале 1916 г., и денежной реформой 1916 г. Новый тариф был распространен на 80 видов товаров. Он отменил ввозные пошлины на предметы промышленного производства, изготовляемые в Австро-Венгрии, и, напротив, ввел ограничения на торговлю сербской сельскохозяйственной продукцией¹⁷.

Указ генерал-губернатора о денежной реформе от 22 июня 1916 г. подорвал сербские финансы. Номинальная стоимость динара снижалась на 50%. В то же время обесцененные австро-венгерские кроны принудительно котировались по старому курсу и обменивались на динары по новому паритету¹⁸. В результате реформы в более выгодном положении оказались австро-венгерские торгующие заведения, которые нажили на обмене денег дополнительный капитал.

Девальвация динара привела к падению реальной заработной платы трудящихся и вызвала дальнейшее усиление инфляции и рост цен. Цены на продукты питания и предметы первой необходимости выросли после реформы в несколько раз¹⁹, а номинальная заработная плата осталась прежней.

Оккупационные власти ввели для городских жителей карточки на хлеб по норме — 400 г хлеба в день на взрослого человека и 200 г хлеба на ребенка. Но эта мера не могла решить проблемы снабжения городов продовольствием, так как кроме хлеба почти ничего не выдавалось, да и хлебная норма не была стабильной. В особенно тяжелом положении оказались рабочие и городские служащие, которые не имели возможности покупать продукты на черном рынке. В октябре 1916 г. произошло снижение хлебной нормы до 320 г в день на взрослого человека²⁰. В 1917 и 1918 гг. хлебная норма была снова понижена.

В бедственном положении оказалась во время оккупации и сербская деревня. Поля остались необработанными и незасеянными, производство хлеба резко сократилось. Оно не могло покрывать даже внутренние потребности, а оккупационные власти, кроме того, вывозили хлеб в Австро-Венгрию.

Оккупанты ввели грабительскую систему реквизиций. В деревню были направлены многочисленные реквизиционные отряды, которые забрали у крестьян зерно, фураж, кожу, шерсть и другие предметы сельскохозяй-

¹⁶ «Beogradske Novine», 12 V 1916.

¹⁷ Гос. архив Социалистической Республики Сербии (далее — DASRS), ф. MGG-S. к. 22 (верховное командование австро-венгерской армии — генерал-губернатору Сербии 8 X 1916).

¹⁸ «Сербия под врагом», стр. 51.

¹⁹ Цены на сахар поднялись в 5—8 раз, на муку в 6—7 раз, на мясо — в 1,5 раза и т. д. (Jahresbericht vom 9 X 1915 bis 31 XII 1916. Belgrad. Stadtverwaltung 1918. S. 12, 13, 26, 27).

²⁰ «Beogradske Novine», 28 IX 1916.

ственного производства. На нужды армии с сельских церквей снимались колокола, у крестьян отбиралась теплая одежда и скот.

Первое время реквизиции были совершенно безвозмездными и крестьяне не получали никакой компенсации. В 1916 г., после того как сербское правительство, эмигрировавшее на остров Корфу, обратилось к державам — участницам международной Гаагской конференции 1907 г. с официальным протестом против грубейших нарушений Австро-Венгрией элементарных норм международного права²¹, оккупационные власти вынуждены были объявить об упорядочении системы реквизиций. Крестьянам было обещано денежное вознаграждение, а самим реквизициям придана видимость законной покупки излишков сельскохозяйственной продукции²². С целью определения «излишков» в марте и июне 1916 г. дважды была проведена перепись семенного фонда и запасов зерна, крупного и мелкого скота, домашней птицы²³. Крестьянам, под страхом уголовного наказания, запрещалось продавать «излишки» продукции на рынке и вмениялось в обязанность сдать зерно оккупационным властям за мизерное вознаграждение. Но и эти деньги, как правило, не выдавались, а заменялись квитанциями и расписками-обязательствами выплатить надлежащую сумму в неопределенном будущем.

Помимо очередных реквизиций «излишков» сельскохозяйственных продуктов, военным командованием постоянно проводились внеочередные реквизиции в связи с «чрезвычайными обстоятельствами» — необходимостью поставить хлеб и фураж для той или иной воинской части, прибывшей в данную местность, и т. д.²⁴ Реквизиционные отряды рыскали по стране, бесчинствовали и мародерствовали, отнимали у крестьян последний кусок хлеба.

Хищническая политика оккупантов привела сельское хозяйство Сербии в катастрофическое состояние. Даже по официальным, сильно заниженным данным администрации генерал-губернаторства в 1916 г. в Сербии произошло резкое сокращение поголовья скота и посевных площадей. Коров и овец осталось по сравнению с довоенным уровнем 45—75% (в зависимости от районов), свиней — 40—70%, лошадей — всего 5—10%. В 1916 г., по тем же данным, было засеяно под зерновые 64,3% довоенных посевных площадей, резко сократилось возделывание табака и других технических культур²⁵.

Оккупационные власти предприняли отчаянные попытки выправить положение и увеличить сельскохозяйственное производство. В сентябре 1916 г. было издано распоряжение генерал-губернатора о расширении посевных площадей. Для этой цели крестьянам выделялся дополнительный сельскохозяйственный инвентарь, были созданы государственные именные с общей площадью 596 724 га. Работали в них военнопленные и крестьяне окрестных деревень²⁶.

Однако эти меры не обеспечили подъема сельского хозяйства. Наоборот, принудительные методы военных властей вызывали лишь протест крестьянства.

На страну надвигался голод. Уже весной 1916 г. продовольственное положение в генерал-губернаторстве стало настолько отчаянным, что обра-

²¹ «Насильственные выселения жителей из оккупированных областей Сербии». Одесса, 1917.

²² «Beogradске Novine», 9 I, 1 II 1916.

²³ ВИАВ, ф. 30, л. 428.

²⁴ DASRS, MGG-S, к. 22 (Распоряжение Окружного начальника в г. Крагуеваце о насильственных реквизициях без оплаты 10 XI 1917). См. также Д. Лапчевич. Окупација. Београд, 1926.

²⁵ «Beogradске Novine», 15 IV 1916.

²⁶ ВИАВ, ф. 30, л. 14.

тило на себя внимание мировой общественности. 29 мая в английском парламенте был сделан по этому поводу специальный запрос²⁷. Сербское правительство на острове Корфу в 1916 и 1917 гг. неоднократно обращалось к великим державам с просьбой о помощи голодающему населению оккупированной Сербии²⁸.

По далеко не полным данным Международного Красного Креста от 12 сентября 1917 г., в Сербии на 1 сентября 1917 г. умерло от голода свыше 8 тыс. человек²⁹.

По данным газеты «Београдске новине» от 31 января 1917 г., за время войны в Сербии от голода и эпидемических болезней умерло около 300 тыс. человек³⁰. «Положение в нашей несчастной стране таково, что его даже трудно выразить словами», — констатировал один из лидеров Сербской социал-демократической партии Триша Кацлерович в 1917 г.³¹

Исключительно тяжелыми для сербского народа были политические последствия оккупации. Военные власти распустили все политические партии, профессиональные союзы, общественные, культурные и спортивные организации, объединения студенческой и учащейся молодежи. Все газеты, кроме «Београдске новине», были закрыты.

Под предлогом наказания участников сараевского покушения и розыска членов организации «Черная рука» полиция произвела массовые аресты, причем в большинстве случаев арестованными оказались лица, не имевшие никакого отношения к этой организации³².

Военные власти при помощи террора хотели запугать население Сербии, добиться его покорности. С этой целью проводились кампании по интернированию так называемого неблагонадежного населения. Первая массовая кампания переселения сербов из одних районов в другие и выселения жителей из Сербии в Австро-Венгрию была проведена в конце 1915 г., во время наступления войск Центральной коалиции. Заявив о необходимости «обеспечения тыла», полиция выселила в пределы Австро-Венгрии³³ из Белграда, Крагуеваца, Крушеваца, Ниша и других городов и их окрестностей все «неблагонадежные элементы».

Вторая волна интернирования прокатилась в 1916 г. после вступления в войну Румынии, третья — после Топлицкого восстания сербского населения против оккупантов в феврале 1917 г., четвертая — осенью 1918 г., когда военное командование, опасаясь восстания в связи с началом наступления сербских войск на Салоникском фронте, произвело массовое выселение жителей прифронтовых районов.

Общее количество интернированных, по-видимому, намного превосходило 50 тыс. человек, ибо уже в мае 1917 г. (когда последний раз были опубликованы официальные данные генерал-губернаторства) общее число насильственно выселенных из Сербии и заключенных в лагеря Австро-Венгрии лиц составляло 39 359 человек. Кроме того, 2500 человек были интернированы внутри Сербии³⁴.

В это число не входят те интернированные, которые находились не в лагерях, а были размещены в различных районах Австро-Венгрии и

²⁷ DASRS, MGG-S, к. 31 (МИД Австро-Венгрии — представителю МИД в Белграде Сеченьи 2 VI 1916).

²⁸ Гос. архив Социалистической Федеративной Республики Югославии, ф. Й. Ивановича, 1917, д. 1.

²⁹ «Српски социјалистички покрет за време првог светског рата. Материјал». Београд, 1958, стр. 59.

³⁰ «Beogradske Novine», 31 I 1917.

³¹ «Српски социјалистички покрет...», стр. 59.

³² «Сербия под врагом», стр. 11—12.

³³ DASRS, MGG-S, к. 36 (Отчет Военного генерал-губернаторства за декабрь 1916).

³⁴ Там же, к. 8.

использовались там на принудительных работах в промышленности и сельском хозяйстве³⁵. Таких переселенцев было еще несколько десятков тысяч. Интернирование представляло собой одно из самых чудовищных проявлений беззакония и политического террора, творимых оккупантами.

Австро-венгерские власти предприняли настоящий поход против сербской национальной культуры. В школах и учреждениях было запрещено пользоваться сербским алфавитом (кириллицей) и введен латинский шрифт. Из библиотек были конфискованы все книги, посвященные героической истории борьбы сербов против турецкого ига и агрессии монархии Габсбургов. Усердие оккупационных властей зашло так далеко, что был наложен запрет на произведения сербских поэтов Бранко Радичевича и Йована Йовановича Змая, хотя в самой Австро-Венгрии эти сочинения свободно продавались³⁶.

Оккупанты потворствовали разжиганию религиозной розни. Крупнейшие монастыри Сербии, хранители многовековой культуры, — Дечанский, Буковский, Раваницкий, Манасийский и др. — были разграблены³⁷. Опустошению подверглись национальные и этнографические музеи Сербии, картинные галереи, библиотеки, архивы. За годы оккупации погибли многие бесценные памятники и шедевры национального искусства и национальной культуры Сербии³⁸.

Оккупанты сумели привлечь на свою сторону лишь немногочисленные элементы из крупной сербской буржуазии и неустойчивых слоев буржуазной интеллигенции. Подавляющая часть населения страны встретила австро-венгерские войска враждебно, как захватчиков. Многие бросали свое имущество и уходили вместе с сербскими войсками из страны, лишь бы не оказаться под игом оккупантов.

Эта форма протеста приняла широкий размах. Газета «Фоссисе цейтунг», корреспонденты которой сопровождали наступающие войска Центральной коалиции, писала 20 ноября 1915 г.: «Почти все население Северной Сербии покидало свои дома, взяв с собой только самое необходимое, и бежало, чтобы не попасть неприятелю в руки... По дорогам шли колонны беженцев, колонны без конца, в сотни, тысячи, десятки тысяч человек».

Газета «Франкфуртер цейтунг», также пославшая своих корреспондентов в Сербию, характеризовала массовое бегство гражданского населения от войск Центральной коалиции как начало движения сопротивления. «Борьба здесь, в Сербии, — писала газета 23 октября 1915 г., — имеет характер своеобразного сопротивления народа: в нем участвуют взрослые и дети, женщины и старики»³⁹.

Такую же оценку давала и другая осведомленная немецкая газета — «Берлинер тагеблатт» в номере от 21 октября 1915 г.⁴⁰ Около 100 тыс. человек из числа гражданского населения ушли вместе с сербскими войсками (часть из них впоследствии вернулась)⁴¹.

Не покорились захватчикам и те, кто оставался в Сербии. Борьба населения против оккупантов проявлялась в разных формах. Одной из них был саботаж во время принудительных трудовых работ на предприятиях, рудниках и в сельскохозяйственном производстве, неподчинение постановлениям оккупационных властей, намеренное сокрытие крестьянами зер-

³⁵ «Насильственные выселения...», стр. 3—6.

³⁶ Там же, стр. 14—15.

³⁷ «Сербия под врагом», стр. 64—84; «Српске новине», 15 IX 1916.

³⁸ «Насильственные выселения...», стр. 15—16.

³⁹ «Vossische Zeitung», 20 XI 1915; «Frankfurter Zeitung», 23 X 1915 (цит. по указ. соч. Д. Милкича, стр. 282—283).

⁴⁰ «Berliner Tageblatt», 21 X 1915.

⁴¹ «Beogradske Novine», 25 XII 1915.

на от реквизиционных отрядов. Нередки были случаи неповиновения населения при интернировании, отказа выполнить распоряжение властей о переселении. Об этом сообщала, в частности, военная комендатура города Крагуеваца 18 сентября 1916 г. В донесении приводились случаи, когда целые деревни Крагуевацкого округа отказывались подчиниться приказу об интернировании. В общине Чумич Гружанского среза власти только угрозой сжечь все без исключения крестьянские дома заставили крестьян выдать лиц, подлежащих интернированию⁴².

В самом Белграде, где находилось много оккупационных войск и полиции, также было неспокойно. В секретном донесении генерал-губернатору 15 июля 1916 г. полицейский комиссар Белграда писал: «Я считаю, что политические настроения в Белграде для нас неблагоприятны». Комиссар приводил сведения о том, что среди трудящихся сербской столицы сильны антиавстрийские настроения, что население с ненавистью говорит об оккупантах и ждет освобождения⁴³.

Уже в первый год оккупации в ряде районов Сербии имели место выступления отдельных вооруженных отрядов (чет) против австро-венгерских войск и сельской жандармерии. Активным было повстанческое движение в Пожаревацком, Шабачком, Крагуевацком и Ужицком округах, в окрестностях Чачака и Приявора⁴⁴. В августе 1916 г. произошли волнения крестьян в селе Влахоклисура близ поселка Рудник. Крестьяне выступили против непосильных реквизиций⁴⁵. В конце 1916 г. оживились действия чет в юго-восточных пограничных районах Копаоника и ряде других мест⁴⁶.

Но наиболее сильный размах это движение приняло в феврале 1917 г. в Южной Сербии, в районе Топлицы, в болгарской зоне оккупации. Оно слилось с восстанием крестьянства, распространилось на огромную территорию с населением около 1 млн. человек и перекинулось в австро-венгерскую оккупационную зону⁴⁷.

Генерал-губернатор Сербии, во избежание дальнейшего распространения восстания, направил в Топлицу войска. В карательной экспедиции участвовала австро-венгерская дивизия, два немецких полка и другие воинские части держав Четверного союза. Карательные войска, имея артиллерию и самолеты, без труда заняли контролируемые повстанцами районы. Командир центрального отряда повстанцев Коста Печанац и его штаб скрывались, чтобы не попасть в руки карательных войск, повстанческие четы распались, часть повстанцев бежала в горы, в том числе — на территорию генерал-губернаторства. Долгие месяцы продолжали борьбу отряды Косты Воиновича, Топшко Влаховича, Димитра Димитриевиича и капитана Илича. В докладах генерал-губернатора Сербии верховному командованию австро-венгерской армии за июнь, июль, август и сентябрь 1917 г. приводились многочисленные известия о действиях этих отрядов⁴⁸.

Особенно много хлопот оккупантам причиняла чета отважного Косты Воиновича. Он нападал на австро-венгерские войска, изгонял из деревень реквизиционные отряды.

⁴² DASRS, MGG-S, к. 36 (Окружной начальник Крагуеваца — генерал-губернатору 18 IX 1916).

⁴³ Там же, к. 33 (Полицейский комиссар Белграда — генерал-губернатору 15 VII 1916).

⁴⁴ DASRS, MGG-S, к. 19 (Отчет генерал-губернатора, 15 XII 1916—1 I 1917).

⁴⁵ AVJJ, n. 4 III, к. 17, № 2 (Командир конного полка в Остраве — командованию III сербской армии 12 VIII 1916).

⁴⁶ «Beogradske Novine», 13 II 1917, 1 III 1917.

⁴⁷ М. П е р о в и ч. Устанак на југу Србије 1917. Београд, 1954.

⁴⁸ DASRS, MGG-S, к. 19, 23 (Отчет генерал-губернатора за VI, VII, VIII 1917 г.).

На конец декабря 1917 г. в районе Крагуевац — Ягодина намечалось революционное выступление. Однако оккупационным властям удалось предотвратить его. Окружной военный комендант Крагуеваца издал строжайший приказ об ответственности местного населения за помощь повстанцам. В приказе говорилось, что в случае, если крестьяне будут поддерживать повстанцев или даже предоставят четнику убежище, будет расстреляна вся семья крестьянина, а жители деревни обложены контрибуцией.

За поимку Воиновича было назначено вознаграждение в 20 тыс. крон. В дальнейшем оно было увеличено до 40 тыс. крон. Была обещана награда в 1 тыс. крон за каждого взятого в плен четника и по 500 крон за каждого убитого четника. Против Воиновича и других четников были посланы усиленные отряды жандармерии⁴⁹. Повсеместно были посланы мобильные патрули по 12—15 жандармов в каждом отряде⁵⁰. Жителям деревень в принудительном порядке предписывалось произвести вырубку лесов на 100 м по обе стороны от дорог, чтобы затруднить неожиданное появление отрядов повстанцев на дорогах⁵¹. Несмотря на эти меры, оккупантам долгое время не удавалось разбить отряд Воиновича. Только после гибели самого Воиновича, в декабре 1917 г., его отряд прекратил свое существование. К концу 1917 г. действия повстанцев в Сербии на некоторое время почти прекратились.

Но уже в начале следующего года снова начались выступления чет. В это время в стране наблюдался общий подъем революционной активности народных масс, вызванный влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинская мирная программа, предусматривавшая освобождение аннектированных территорий и предоставление народам права самим решать вопрос о будущем государственном устройстве, произвела колоссальное впечатление на прогрессивную общественность оккупированной Сербии.

«В Белграде царит возбуждение. Все надеются на окончание войны», — констатировал генерал-губернатор Сербии в конце января 1918 г.⁵² Верховное командование со своей стороны отмечало рост революционной пропаганды и социалистических идей в австро-венгерской армии и предписывало принять самые срочные меры для их пресечения на территории генерал-губернаторства⁵³.

Чрезвычайно показателен также еще один документ — секретное распоряжение генерал-губернатора местным властям от 30 января 1918 г. В нем говорилось о необходимости усиления борьбы с «разрушительными идеями» Октябрьской революции и содержалось признание того, что социалистическая пропаганда оказывала все возрастающее влияние на население генерал-губернаторства⁵⁴.

Донесения с мест — рапорты военных комендантов городов и начальников военных гарнизонов и жандармско-полицейских постов — свидетельствуют об усилении в то время действий чет. Так, комендант г. Крагуевац 16 января 1918 г. сообщал о передвижении чет в районе Крагуевац — Морава на юг до линии Крушевац — Трстеник — Ибар — Митровица —

⁴⁹ Так, батальон жандармерии под командованием гусарского капитана Рупчика (означен шифром «С») имел 990 солдат и 15 офицеров, карательный батальон «33», перебросенный из Далмации, 803 солдата и 18 офицеров. Воинович же имел всего 40—50 четников (М. Перович. Указ. соч., стр. 173—174).

⁵⁰ A. E h r h a r d t. Op. cit., S. 71.

⁵¹ М. Перович. Указ. соч., стр. 188.

⁵² DASRS, MGG-S, к. 19 (Генерал-губернатор Сербии — Верховному командованию 28 I 1918).

⁵³ Там же, к. 34 (Верховное командование — генерал-губернатору 26 I 1918).

⁵⁴ ВИАВ, ф. 3263 (Окружное военное командование Нови-Пазара, 6 II 1918).

Вучитри. В том же рапорте сообщалось о действиях чет в районе Прокупле⁵⁵.

Начальник военного гарнизона в Нови Пазаре в донесениях от 23 и 25 января 1918 г. уведомил о выстулениях четнических отрядов в этом районе⁵⁶. Согласно донесениям начальников жандармских постов северо-западной Македонии, в январе в районе близ Дебара произошли крестьянские волнения. В них наряду с сербами приняло участие албанское население. Крестьяне отказались отдавать скот и зерно реквизиционным отрядам и скрывались от принудительной мобилизации на вспомогательные работы. Выдвигались требования образовать независимый Дебарский район. Военные власти, опасаясь распространения восстания на Албанию и Приморье, подавили движение⁵⁷.

Командование оккупационных войск генерал-губернаторства в докладе Верховному командованию австро-венгерской армии за февраль месяц сообщало о «неблагоприятном положении в районах Крушевац, Крагуевац, Митровица и Чачак» в связи с действиями четников. Такие же сведения поступали в марте и апреле 1918 г.⁵⁸ Непокойно было и в горах Ястребац, где скопилось много боснийцев, дезертировавших из австро-венгерской армии и присоединившихся к четам. Эти отряды были хорошо вооружены, имели даже пулеметы⁵⁹.

Военное командование австро-венгерских оккупационных войск в Сербии издало 28 апреля 1918 г. приказ о создании особых судов для ускоренного рассмотрения дел четников⁶⁰. Судам предоставлялось право применять любые меры наказания, вплоть до расстрела, не только по отношению к четникам, но и населению за оказание им помощи.

Введение чрезвычайных судов и другие террористические методы не остановили, однако, освободительной борьбы. Она продолжала развиваться. В мае и июне 1918 г. состоялся ряд новых выстулений чет в тех же районах, где еще недавно действовали чрезвычайные суды и где карательные отряды, казалось, выловили всех четников⁶¹. Четы вырастали словно из-под земли: едва успевали карательные отряды уйти из той или иной деревни, жестоко наказав крестьян, как в нее входили четники, и крестьяне снова предоставляли четникам убежище, хотя это им грозило еще более страшными карами. Среди новых чет действовал отряд С. Бутцеваца, бывшего соратника знаменитого Косты Воиновича; он был составлен из сербов и турок. Переодетые в форму австрийских солдат и жандармов четники долго вводили в заблуждение карательные войска⁶².

Оккупационные власти были бессильны приостановить действия повстанцев. Тогда они прибегли к созданию ополчения из кулацких элементов деревни. В конце мая всем местным отделениям полиции была разослана инструкция об организации в общинах отрядов помощи жандармерии из зажиточных крестьян. От каждых шести дворов выделялся один ополченец. Отряды вновь сформированной сельской полиции получали жалованье; им было роздано оружие⁶³. Но и это не помогло. Крестьянская

⁵⁵ DASRS, MGG-S, к. 10 (Рапорт военного коменданта г. Крагуеваца 16 I 1918).

⁵⁶ ВИАВ, ф. 3263, 79, 126 (Донесение окружного военного командования г. Нови Пазара 23 и 25 I 1918).

⁵⁷ AVJJ, п. 3, к. 22, № 2 (Донесения 17 II, 2 III 1918 г.).

⁵⁸ DASRS, MGG-S, к. 10, 19 (Отчеты генерал-губернатора за II, III и IV 1918).

⁵⁹ Там же, к. 19 (Генерал-губернатор — Верховному командованию 29 IV 1918).

⁶⁰ ВИАВ, ф. 3262, № 595 (Распоряжение по генерал-губернаторству 28 IV 1918).

⁶¹ Там же, № 681 (Донесение окружного военного командования Нови Пазара 30 V 1918).

⁶² Там же, № 688 (Донесение окружного военного командования Нови Пазара 29 V 1918).

⁶³ ВИАВ, ф. 3262, № 696.

беднота стала нападать не только на австрийских и венгерских сборщиков налогов и жандармов, но и на своих сельских полицейских. Классовая борьба в деревне обострилась.

В июне 1918 г. обстановка еще более усложнилась. В Австро-Венгрии и оккупированной Сербии после решения властей о сокращении хлебной нормы произошел ряд голодных волнений, а в Австро-Венгрии вслыхнула всеобщая забастовка рабочих. Она вскоре приняла политический характер: рабочие выдвинули требование о немедленном прекращении войны и заключении мира.

Движение стало распространяться на армию, в том числе на части, расквартированные в Сербии. Военное командование округа Нови Пазар 2 июня 1918 г. сообщало Верховному командованию австро-венгерской армии о распространении среди солдат «большевистской пропаганды за возвращение домой и заключение мира»⁶⁴.

18 июня под теми же лозунгами было поднято восстание в пехотном полку, расквартированном в Крагуеваце. Военно-полевой суд приговорил к расстрелу 44 человека⁶⁵. В ряде воинских частей генерал-губернаторства в июне были обнаружены революционные листовки⁶⁶.

Цензурное управление приняло решение о перлюстрации корреспонденции⁶⁷. 25 июня Верховное военное командование издало приказ об установлении контроля за частной перепиской, дневниками и личными записками в армии⁶⁸.

В деревне прошла новая волна массовых репрессий и интернирования населения. 22 июля оккупационные власти издали строжайшее распоряжение «о борьбе с саботажем». Согласно распоряжению, за несвоевременную сдачу зерна, затяжку с уплатой налога и пр. крестьяне предавались военному суду, который имел право выселить неповинующихся в административном порядке и наложить на сельскую общину денежный штраф до 50 тыс. крон⁶⁹. Дома крестьян, обвиненных в саботаже, сжигались, вводилась круговая порука: за неповиновение хотя бы одного крестьянина отвечала община в целом и власти могли выселить всех крестьян в возрасте от 16 до 60 лет⁷⁰.

Издав эти чудовищные распоряжения, власти приступили к реквизициям. Они были еще более грабительскими, чем все предыдущие. Реквизиционные отряды забирали у крестьян последний скот, под метелку выгребали зерно, заставляли отдавать лошадей, шерсть, табак, вино. В результате реквизиций разорялись целые деревни, по миру пускались десятки и сотни крестьянских семей.

Крестьяне, даже в условиях жесточайшего террора, оказывали сопротивление: прятали зерно, угоняли в горы скот, уходили к четникам.

По официальным данным, в июле в трех округах — Крагуевацком, Крушевацком и Нови-Пазарском — реквизиционные отряды не смогли выполнить свою задачу из-за сопротивления населения. «Реквизиции скота и зерна в этих округах, — говорилось в докладе генерал-губернатора за

⁶⁴ Там же, № 713 (Донесение окружного военного командования Нови Пазара 2 VI 1918).

⁶⁵ Там же, ф. 3583, № В-1-313 (Донесение окружного военного командования г. Белграда 18 VI 1918).

⁶⁶ DASRS, MGG-S, к. 34 (Приказ Верховного командования австро-венгерской армии 17 VI 1918).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же (Секретный приказ Верховного командования 25 VII 1918).

⁶⁹ Там же, к. 34 (Распоряжение генерал-губернатора 22 VII 1918).

⁷⁰ Там же, к. 22 (Донесение окружного военачальника Крагуеваца 24 VII 1918).

июль 1918 г., — проходят с большим трудом. Население возбуждено. Оно рассматривает это как окончательную экономическую катастрофу»⁷¹.

В августе и сентябре 1918 г. освободительная борьба достигла еще большего размаха (в одном только Нови-Пазарском санджаке было зарегистрировано 105 выступлений)⁷².

В округах Крагуевац, Ужице, Крушевац развернулась настоящая партизанская война и наряду с мелкими отрядами и группами, действовавшими раньше, появились крупные отряды в 100—200 человек, которые вступали в бой с регулярными австро-венгерскими войсками⁷³.

К старым центрам герильи прибавились новые — Паланка, Шабац, Пожега, Чачак. Даже в окрестностях Белграда было отмечено передвижение чет⁷⁴.

После прорыва Салоникского фронта наступил период наибольшего подъема освободительного движения, которое переросло во всеобщее восстание населения Сербии против оккупантов и завершилось изгнанием чужеземных захватчиков из страны⁷⁵.

⁷¹ DASRS, MGG-S, к. 19 (Генерал-губернатор — Верховному командованию. 1 VIII 1918).

⁷² ВИАВ, ф. 3260, № 1355 (Генерал-губернатор — Верховному командованию 23 IX 1918 г.).

⁷³ Там же, ф. 3262 (Донесение окружного военного командования Нови Пазара 30 IX 1918).

⁷⁴ Там же, ф. 3260, № 1355 (Генерал-губернатор — Верховному командованию 23 IX 1918 г.).

⁷⁵ Б. Х р а б а к. Указ. соч.

Н. Д. РАТНЕР

АВСТРИЙСКИЙ ПАНГЕРМАНИЗМ И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ АВСТРИИ

Объектом особого внимания историков на Западе в последнее время стала многонациональная монархия Габсбургов.

Населенная различными народами, ни один из которых не составлял большинства, раздираемая социальными и национальными противоречиями, эта монархия, переживавшая с конца XIX в. перманентный внутриполитический кризис, приведший к распаду ее в 1918 г., стала превозноситься как образец содружества народов в едином государственном органе, как «модель» многонационального государства, которое могло бы служить в известной степени прообразом будущей интегрированной Европы¹.

Оценивая попытки федералистического переустройства австрийской части монархии, предпринятые в 1871 г. министром-президентом графом Гогенвартом, известный австрийский историк реакционного направления Гуго Гантч писал в 1953 г.: «Сегодня мы скорее можем понять, что в преобразовании (Австрии.— Н. Р.) в федералистическом духе был бы заложен секрет новой идейной направленности монархии, осуществление национального государственного устройства, которое могло бы стать моделью общеевропейского значения»².

Этот тезис особенно распространен среди буржуазных историков Западной Германии, политические деятели которой и являются глашатаями пресловутой интеграции.

Вот почему многие западные историки, искажая историческую действительность, продолжают расточать похвалы империи Франца-Иосифа. Такая фальсификация призвана служить определенным политическим целям в борьбе буржуазного мира с миром демократии и социализма.

Со своей стороны ученые социалистического лагеря, анализируя социально-экономическое и национальное положение монархии Габсбургов, показывают, что это государство — конгломерат различных национальностей, раздираемое классовыми и национальными противоречиями, — было нежизнеспособным и неминуемо должно было распасться.

В. И. Ленин в статье «О брошюре Юниуса» писал: «Про Австрию, например, Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только „экономическое“, а и своеобразно политическое, отмечая „внутреннюю нежизнеспособность Австрии“, признавая, что „габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов“, и что „ликвидация

¹ В. М. Турок. Австро-Венгрия — «модель» интеграции Европы. — «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 55—65.

² H. H a n t s c h. Die Geschichte Österreichs. Bd. 2, 2. Auflage. Graz — Wien — Köln, 1953, S. 412.

Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ними является требованием исторического процесса развития»³.

Идеализируя австрийскую «тюрьму народов», буржуазные историки «забывают» концепцию, выдвинутую австрийскими пангерманистами еще в конце XIX в., согласно которой Австро-Венгрия была нежизнеспособным государством, так как не могла «защитить» немцев Австрии, этих представителей «высшей расы и культуры», от угрозы славянского натиска.

Апологет австрийского пангерманизма Э. Пихль лицемерно жалуется, что в то время, когда славяне всюду продвигались вперед (60—70-е годы XIX в.), немецкий Михель якобы только и делал, что защищал конституцию, австрийскую государственную идею и целостность государства, о котором другие национальности монархии и думать не хотели⁴. Поэтому спасение Австрии пангерманисты видели только в одном — в присоединении к Германской империи, т. е. в аншлюссе. Эта точка зрения, претерпевая в различные исторические периоды известные изменения, существует и в наши дни.

В связи с попытками изобразить Австро-Венгрию образцом многонационального государства, несомненный интерес представляет австрийский пангерманизм, который всем своим существом разоблачает легенду о якобы мирном сосуществовании наций в рамках габсбургской монархии.

Представляя самое крайнее направление среди немецких шовинистических группировок Австрии, пангерманизм не играл в политической жизни монархии первостепенной роли. Исключение составляет, пожалуй, конец XIX — начало XX в., — период острого внутривнутриполитического кризиса Австрийской монархии, связанного с борьбой против языковых декретов Бадени, когда мутная волна шовинизма вынесла на поверхность Георга Шёнерера и его сторонников.

Безусловно, влияние других шовинистических течений среди австрийских немцев было более значительно (например, христианско-социальное движение Люгера, немецкая Народная партия и т. п.). Однако политические идеи пангерманистов сыграли немалую и довольно активную роль в дальнейшей судьбе Австрии⁵.

Призыв австрийских пангерманистов к аншлюссу с Германией, вначале очень непопулярный среди австрийских немцев, с течением времени, в ходе дальнейшего подчинения Австро-Венгрии интересам вильгельмовской Германии, и как реакция на рост национально-освободительного движения среди славян Австрии, все больше укоренялся и содействовал созданию той политической атмосферы, которая привела к захвату Австрийской республики гитлеровской Германией.

Пропаганда аншлюсса вкупе с расистской (антиславянской и антисемитской) пропагандой и крикливой социальной демагогией австрийских пангерманистов лишней раз свидетельствует об идейной близости гитлеровского фашизма и австрийского пангерманизма⁶.

Недаром в гитлеровской Германии торжественно отмечалось столетие со дня рождения Георга Шёнерера, и публиковались работы, прославлявшие австрийский пангерманизм⁷.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 8.

⁴ Herwig (E. Pichl). Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschtums in der Ostmark. Ein Lebensbild. Bd. 1. 2. umgearbeitete Auflage. Wien, 1921, S. 17.

⁵ A. Fuchs. Geistige Strömungen in Österreich. 1867—1918. Wien, 1949, S. 165.

⁶ Ф. А. Ротштейн. Из истории прусско-германской империи М.—Л., 1948; А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М.—Л., 1948.

⁷ Например: R. Lochner. Georg von Schönerer ein Erzieher zu Grossdeutschland. Bonn, 1942; F. Stein. Der Rufer der Ostmark. Georg Schönerers Leben und Wirken.

Австрийский пангерманизм возник в 70-х годах прошлого века. Отождествлять его с пангерманизмом Германской империи нельзя: это, конечно, идейно связанные течения, но каждое из них было обусловлено историческим развитием своей страны⁸.

Нет сомнения, что австрийские пангерманисты зависели от своих германских единомышленников, объединившихся в 1890 г. в такую мощную организацию как Пангерманский союз. Многие австрийские пангерманисты были его членами. Лидеры австрийских пангерманистов всегда присутствовали на собраниях и съездах Пангерманского союза. Однако шённерерианство представляло собою особое, специфически австрийское явление.

Два фактора содействовали его появлению в габсбургской монархии.

Во-первых, поражение Австрии в войне с Пруссией в 1866 г., в результате чего Австрия оказалась за бортом Германского союза. Характеризуя положение габсбургской монархии в этот период, В. И. Ленин писал, что она «...не только была долгое время государством с преобладанием немцев, но австрийские немцы претендовали на гегемонию среди немецкой нации вообще. Эта „претензия“... разбита войной 1866 года. Господствующая в Австрии нация, немецкая, оказалась *за пределами* самостоятельного немецкого государства, создавшегося окончательно к 1871 году»⁹.

С образованием в 1871 г. вильгельмовской империи Германский союз, являвшийся в течение долгого времени надежным оплотом для немецкой политики габсбургской монархии, перестал существовать. Австрийские немцы оказались господствующей нацией в стране, в которой они составляли меньшинство населения. Рядом же возникло единое немецкое национальное государство, не знавшее тех острых национальных противоречий, которые характерны для габсбургской монархии. Естественно, что бисмарковская Германия стала для многих в Австрии притягательной силой.

Во-вторых, после военного разгрома 1866 г. в самой Австрии национально-освободительное движение ненемецких национальностей, среди которых больше всего угрожали целостности монархии венгры, значительно усилилось. Это заставило немецких помещиков и немецкую буржуазию Австрии пойти в 1867 г. на компромисс и, призвав себе в союзники господствующие классы венгерской национальности, создать вместо единой Австрии — Австро-Венгрию.

Во вновь созданной дуалистической монархии власть разделили господствующие классы двух народов — немцев и венгров — для того чтобы, укрепив свои позиции, совместно угнетать остальное население страны. Но дуализм не смог остановить рост национального движения в монархии. Он в какой-то степени послужил толчком для цепной реакции. Пример венгров был заразителен, и господствующие классы славянских народов (в первую очередь речь идет о поляках и чехах) стали заявлять о своих правах. Чешские помещики и чешская буржуазия не преминули заявить, что права короны св. Вацлава не менее значительны, чем права короны св. Стефана. Польские помещики Галиции потребовали расширения земской автономии. Подняли голову и южные славяне монархии.

Wien, 1941; Н. Schne e. Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für Alldeutschland. 3. verbesserte und ergänzte Auflage. Reichenberg, 1943; в фашистской Германии была переиздана шеститомная биография Шённера, написанная австрийским пангерманистом Гервигом (Э. Пихлем).

⁸ J. Kuczyński. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. 2. Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin, 1950; A. Kruck. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1938. Wiesbaden, 1954.

⁹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 270.

Было очевидно, что хотя немецкие господствующие классы еще крепко держат власть в своих руках, их гегемония в Австрии находится в опасности.

Все это и было причиной того, что на арену общественно-политической жизни Австрии вступают пангерманисты во главе с Георгом фон Шённерером. С 1873 г., в течение более 30 лет, он был лидером этого движения, как бы олицетворяя его. Не случайно австрийских пангерманистов называли также шённерерианцами.

Пропаганда националистической и расистской идеологии пангерманизма отнюдь не была изобретением Шённерера. Подобного рода «теории» были в ходу и до него¹⁰, но в Австрии, в конкретно-исторической обстановке того времени эта пропаганда попала на благоприятную почву и получила свое специфическое австро-пангерманское направление.

Для националистов Германской империи славянский вопрос не был вопросом № 1. Безусловно, в стремлении германских империалистов к мировому господству он играл наряду с другими вопросами существенную роль, но в самой Германии немцам как господствующей нации славяне непосредственно не угрожали, что не мешало, правда, прусским властям очень рьяно проводить германизацию польских и сербо-лужицких земель.

В Австрии же для помещиков и буржуазии немецкой национальности славянский вопрос имел чрезвычайно важное значение. Для их гегемонии в Цислейтании (земли, входящие в австрийскую часть двуединой монархии) он был вопросом жизни и смерти, поскольку немецкое господствующее меньшинство сталкивалось со все усиливающимся национальным движением немецкого (в основном славянского) большинства населения монархии.

Немецкая буржуазия и немецкие помещики Цислейтании крепко держались за свое господствующее положение в экономически развитых чешских землях, не желая уступать позиций крепнущей чешской буржуазии. Свои права на господство они мотивировали не только тем, что Чехия и Моравия входили в состав австрийского государства, но и тем, что они являлись исконными землями Германского союза.

Для немецких правящих классов области южной Австрии, населенные в основном словенцами, имели большое стратегическое значение: это был выход к Адриатике. И хотя пангерманист К. Прёлль в конце века с издевкой писал о словенском национальном движении, заявляя, что оно «...заслуживает внимания только, как вспомогательный отряд каждого враждебного немцам (Австрии.— Н. Р.) правительства»¹¹, тем не менее немецкие господствующие классы в Австрии с беспокойством следили за ростом национального движения славян в южных областях монархии, встречая единым враждебным фронтом их даже самые минимальные требования. В качестве примера можно привести так называемый «случай в Целье» (Der Fall «Cilli»), когда вопрос об учреждении словенско-немецкой гимназии в этом маленьком городке Штирии вызвал в 1894 г. отставку министерства Виндпигреца¹². Кроме того, немецкие националисты боялись объединения южных славян габсбургской монархии с южными славянами Балканского полуострова.

¹⁰ А. М. Деборин. К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти. В кн.: Славяно-германские исследования. М., 1963.

¹¹ K. Pröll. Die vier letzten Dinge in Oesterreich. Aus dem neuen Katechismus des deutschen Volk. München, 1898, S. 10—11.

¹² Современный австрийский историк Бертольд Зуттер в книге «Die Badenischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer». Bd. 1, Graz — Köln, 1960, немецко-националистическая направленность которой очевидна, не скрывает того, что австрийские немцы

В связи с этим перед немецкими господствующими классами встал вопрос о дальнейшем политическом курсе. Стремиться ли к упрочению многонациональной монархии в сотрудничестве с господствующими классами славянских народов для совместной борьбы с революционным движением трудящихся всех народов Австро-Венгрии? К этому с разными оговорками склонялась группа преданных династии консервативнонастроенных немецких помещиков-клерикалов, для которых основным и главным было сохранение реакционной габсбургской монархии. Либо стоять на позиции укрепления немецкой гегемонии, основного традиционного направления внутренней политики Дунайской монархии? За это стояли почти все партии немецкой буржуазии и капитализирующегося дворянства Австрии.

Немецко-шовинистические группировки всех оттенков, влияние которых в монархии с течением времени усиливалось, считали, что следует самым решительным образом положить конец «славянской агрессии», перестроить монархию, превратить ее в «немецкую страну». К самому крайнему направлению этого течения принадлежали австрийские пангерманисты.

Для реализации своих планов пангерманисты предлагали выделить из Цислейтании три славянские области — Галицию, Буковину и Далмацию — путем предоставления им «особого положения» (*Sonderstellung*), укрепить союз с Германией, который в конечном итоге должен привести к аншлюсу. Считая, что дуалистическая система будет препятствием к выполнению этих требований, они хотели существующие отношения заменить личной унией Австрии с Венгрией.

Согласно планам пангерманистов Галиция и Буковина должны были получить автономию в составе Цислейтании на правах Хорватии в Венгрии; эти автономные области предполагалось отстранить от вмешательства во внутриаустрийские дела.

Несколько сложнее было с Далмацией. После 1867 г. она находилась под управлением Австрии, однако, в силу ее географического положения, на нее претендовали Венгрия и Хорватия¹³.

Выделение Галиции имело целью воспрепятствовать возможности создания славянского блока внутри Австрии и столкнуть поляков с другими славянскими народами монархии. «Особое положение» Галиции путем предоставления ей автономии было бы логическим завершением той политики, которую именно в целях разобщения славян Австрии стало с конца 60-х годов проводить австрийское правительство. Гантч откровенно отмечает, что в Галиции украинцы были отданы во власть польской шляхты и это мало кого интересовало, — автономия Галиции была платой за то, что в рейхсрате польские депутаты стали поддерживать правительство¹⁴.

боялись усиления национально-освободительного движения южных славян Австрии. Он указывает, что всегда стоял вопрос: в случае удовлетворения чешских требований, как отреагируют на это словенцы, не начнут ли они выставлять подобные требования?

¹³ В отчете о 3-м очередном собрании Пангерманского союза в Майнце указывалось, что в вопросе «особого положения» Далмации мнения немецких националистов расходятся, так как Далмация обладает очень важными морскими портами; вопрос о Далмации тесно связан с окончательным решением вопроса о Боснии и Герцеговине и, во всяком случае, Далмация... «для современного парламентаризма еще не созрела». — «Alldeutsche Blätter», 1900, № 25, S. 246; E. Zöllner. Geschichte Österreichs. Von Anfängen bis zur Gegenwart. Wien, 1961, S. 413.

¹⁴ Н. Hantsch. Ibid., S. 410; западногерманский историк Мартин Брошат подчеркивает, что поляки в Галиции находились в национальном отношении в лучших условиях, чем их соплеменники в Пруссии или другие славянские народы в самой Австрии. M. Broszat. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963, S. 97—101; «Unverfälschte Deutsche Worte», 1899, № 5, S. 55; возможность путем «особого поло-

Выставление немецкими шовинистами требования «особого положения» Галиции, которое оставалось долгое время неотъемлемой частью их программы, конечно, носило элементы заигрывания с польскими помещиками. Это не скрывал сам Шённерер, когда, выступая на собрании «Союза немецких сельских хозяев» (*Bund Deutscher Landwirte*), указывал, что целью «особого положения» было добиться отхода поляков от остальных австрийских славян и поддержки ими требований немцев. Таким образом требование «особого положения» для трех славянских областей преследовало лишь одну цель: создать такую Австрию, в которой немцы при всех обстоятельствах составляли бы пусть незначительное, но все же большинство населения, что, по мнению пангерманистов, обеспечило бы господствующее положение немецкой буржуазии и немецких помещиков Австрии. К созданию такой Австрии стремились как Шённерер и его сторонники, так и немецкие шовинисты более умеренного толка, вскоре отошедшие от пангерманистов.

Надо подчеркнуть, что для шённерерианцев с их расовой теорией все славяне были людьми низшего сорта. Но в той конкретной исторической обстановке интересы немецких господствующих классов диктовали сосредоточение сил против чехов, и на это и было направлено тогда острие шённерерианской шовинистической агитации. Предлагая включить в немецкую Австрию земли чешской короны (Чехия, Моравия и Силезия), пангерманисты не скрывали своих истинных планов по отношению к этим, населенным славянами, областям. «...Мы смогли бы тогда (в случае отделения Галиции.— *Н. Р.*) дать отпор чехам, скрутить их в бараний рог», — так много лет спустя раскрыл намерения пангерманистов депутат рейхсрата от их партии К. Тюрк¹⁵.

Антиславянская суцность «особого положения» не вызывала сомнения у большинства историков — как противников, так и защитников пангерманизма. Тем не менее западногерманский историк А. Крук, автор большой и интересной по собранному в ней материалу работы о Пангерманском союзе, решил обосновать неприкрытый национализм этого пункта программы австрийских пангерманистов экономическими мотивами. Кстати, к этой мотивировке не раз прибегали и сами шённерерианцы¹⁶. Крук указывает, что из-за слабых в экономическом отношении областей Австрии (Галиция и др.) усиливался налоговый гнет в остальных экономически более развитых частях монархии¹⁷.

Другого западногерманского автора, реваншиста Э. Францеля, напротив, совершенно не смущает откровенно шовинистическая направленность «особого положения». Его раздражает игра в демократию, когда немцам для утверждения своего господства над другими народами необходимо было добиваться численного перевеса над ненемецким населением, жертвуя при том даже частью территории. Францель осуждает выделение Галиции и других славянских областей, которое, давая, по его мнению, только мнимо-демократические гарантии гегемонии немцев в Австрии, было опасным примером для последующих поколений. «На этой „демократической основе“, — пишет Францель, — после 1918 года господствующие народы в государствах-наследниках майоризировали и угнетали свои национальные меньшинства»¹⁸.

жения» не допустить объединения австрийских славян понимал реакционный австрийский историк В. Библь. *V. Bibl. Der Zerfall Österreichs. Bd. 2. Von Revolution zur Revolution (1848—1918)*. Berlin — Wien, 1924, S. 373.

¹⁵ «Unverfälschte Deutsche Worte», 1899, № 22, S. 261.

¹⁶ Там же, № 5, S. 55; № 22, S. 261.

¹⁷ A. Kru ck. *Ibid.*, S. 105.

¹⁸ E. Franz el. *Der Donaauraum im Zeitalter des Nationalitätenprinzips (1789—1918)*. Bern — München. 1958, S. 126.

Но австрийские пангерманисты не скрывали, что национальный вопрос является для них вопросом не права, а силы. Шённерерианцы выступали против каких-либо уступок славянскому населению монархии («особое положение» было для них лишь средством укрепления своего господства) в смысле удовлетворения их даже умеренных национальных требований. Провозглашая немцев носителями высшей культуры, пангерманисты стремились всюду насаждать немецкие школы, немецкие культурно-просветительные и спортивные фереины и т. п. общества, германизаторские цели которых они и не думали скрывать.

Одним из основных требований австрийских пангерманистов было объявление в законодательном порядке немецкого языка государственным языком страны. Понятно, какое значение имел «языковый вопрос» в многонациональной монархии. Языковые декреты Бадени, вызвавшие бурю протеста среди австрийских немцев, были умело использованы шённерерианцами, объявившими Бадени борьбу не на жизнь, а на смерть. Раздувавшаяся ими среди немецкого населения чешских земель волна шовинизма перебросилась во внутренние австрийские области монархии. Именно в эти годы Шённерер и его сторонники (среди которых выделялись Вольф, Тюрк, Иро) стали глашатаями самой разнузданной античешской пропаганды, вызвавшей в ответ резкие антинемецкие выступления в чешских землях.

Пангерманская печать в Австрии, и в первую очередь газета Шённерера «Истинно немецкое слово»¹⁹, всегда в резком тоне выступала против славян. Направляя в основном свой огонь против чехов, она призывала всех «истинных» немцев к сохранению и укреплению «чистоты» немецкой расы, к защите от «славянской агрессии». Яркая выраженная антиславянская агитация пангерманистов Австрии, достигшая своего апогея в конце XIX в., во времена Бадени, не могла не привлечь внимание общественности европейских стран.

Мы уже указывали, что для австрийских пангерманистов в их борьбе со славянами первым этапом было образование немецкой Австрии. Такой Австрии они предназначали роль плацдарма для дальнейшего наступления в Центральной и Юго-Восточной Европе под эгидой Германской империи. После объединения Германии господствующие классы австрийских немцев, понимая, что теперь ни о каком реванше не может быть и речи, считали, что как внешнеполитическому, так и внутривнутриполитическому положению Австро-Венгрии больше всего соответствует союз с северным соседом.

С этим были согласны все группировки немецких господствующих классов Австрии. Но понимала этот союз каждая политическая фракция по своему.

Если немецких консерваторов и либералов в общем-то удовлетворял договор о союзе, заключенный 7 октября 1879 г. между Австро-Венгрией и Германией, то немецкие шовинисты, и в первую очередь пангерманисты, шли значительно дальше.

Шённерер не перестает подчеркивать необходимость такого союза с Германией, который привел бы к еще более тесному объединению обеих стран. Он говорит о государственно-правовом оформлении его, подразумевая под этим не только ратификацию такого союза парламентами обеих стран, но и включение его в конституции Австро-Венгрии и Германии. Он настаивает

¹⁹ «Unverfälschte Deutsche Worte» выходила с 1883 по 1903 г. Основной ее задачей была активная пангерманская пропаганда и совершенно неуместное прославление лидера австрийских пангерманистов — Георга Шённерера. Обращает на себя внимание культ Бисмарка: на первой странице каждого номера помещался портрет «железного канцлера».

вают на необходимости укрепления экономических связей обоих государств, в первую очередь на подписании таможенного союза.

Вопрос о таможенной унии между Германией и Австрией был выдвинут еще в 50-х годах и с тех пор не сходил с повестки дня, будучи предметом самых ярких дискуссий. Пангерманисты, как имперские, так и австрийские, всегда уделяли этой проблеме очень большое внимание, делая ее основой своих планов создания «Срединной Европы»²⁰.

Таким образом, Шёнерер и его единомышленники требовали проведения такой экономической политики, которая, по словам самого Шёнерера, в конечном итоге «...должна подготовить торгово-политическое слияние обоих государств»²¹.

Понятно, что планы полного слияния соответствовали экономическим интересам далеко не всех фракций австрийских господствующих классов²². Вопрос этот сложный и требует специального исследования.

Несмотря на то, что в Линцской программе австрийских пангерманистов ничего не говорится о присоединении Австрии к Германской империи, мысль об аншлюссе никогда не покидала Шёнерера. Еще в начале своей политической деятельности он с трибуны австрийского рейхсрата бросил фразу, что в немецких частях Австрии все чаще и чаще раздается вопль: «если бы мы уже принадлежали к Германской империи»²³.

Надо отметить, что в начале XX в. шёнерерианцы перестали придавать значение австро-германскому договору 1879 г., считая его даже тормозом для более тесного сближения обеих стран²⁴.

Наличие союза с Германией приводило Шёнерера и его сторонников к еще одному выводу, который далеко не способствовал их популярности среди господствующих классов габсбургской монархии. Заявляя, что союз с Германией дает возможность Австро-Венгрии отказать от положения великой державы, которое в силу ряда причин и прежде всего по финансовым соображениям ей просто не под силу, Шёнерер призывал в рейхсрате к сокращению военных расходов. Ратуя за ослабление военной мощи и без того слабой монархии, он по существу намечал путь превращения Австро-Венгрии в придаток Германской империи; Шёнерер стремился в последнее десятилетие XIX века ускорить тот процесс, который стал совершенно явственным во время первой мировой войны.

Но в годы, когда действовал на политической арене Шёнерер, австрийская буржуазия стремилась сохранить самостоятельность своей страны. Естественно поэтому, что призывы вождя пангерманистов к «разоружению» воспринимались без восторга не только императором²⁵ и придворными кругами, но и большинством немецких политических партий в Австрии. «Австро-Венгрия не хотела в этом союзе играть подчиненную и

²⁰ J. D r o z. L'Europe centrale. Évolution historique de l'idée de «Mitteleuropa». Paris, 1960; J. P a j e w s k i. «Mitteleuropa», *Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej*. Poznań, 1959.

²¹ H e r w i g. *Ibid.*, Bd. 3, S. 31, 66. Речь Шёнерера в рейхсрате 5 XII 1876 и 6 IV 1880.

²² H. B e n e d i k t. *Monarchie der Gegensätze*, S. 172; H. B e n e d i k t. *Der Deutsche Zollverein und Österreich*.— «Der Donauraum», 1961, № 1; H. G r o s s. *Mitteleuropäische Handelspolitik 1890—1938 und der Donauraum*.— «Der Donauraum», 1962, № 2—3, S. 103.

²³ Эта фраза обратила на себя внимание европейской общественности, в том числе и русской. Русская печать подробно комментировала ее. См. «Голос», 20 XII, 29 XII 1878.

²⁴ Крук указывает, что выработанная в 1906 г. Шёнерером новая программа (вместо Линцской программы 1882 г.) «Alldeutsche Zukunftsprogramm» исходит именно из этого. А. К р у к. *Ibid.*, S. 112.

²⁵ АВПР. Фонд Канцелярия, д. 114, 1897, л. 370 (донесение русского посла в Вене П. А. Капниста министру Н. М. Муравьеву, 12/24 XI 1897 г.).

жалкую роль», — писал чешский буржуазный историк З. Тоболка²⁶. Подчеркивавшееся шённерерианцами преклонение перед гогенцоллерновской Пруссией и Бисмарком²⁷ приводило к тому, что от них стали отходить другие группировки австрийских шовинистов, настроенных проавстрийски и прогабсбургски. Не малую роль в этом отходе сыграла и антикатолическая направленность политики Шённера, которая нашла свое выражение в движении «Прочь от Рима» (*Los von Rom*): в католической Австрии не было почвы для этого движения, и оно вызвало лишь отпор со стороны остальных группировок немецких националистов Австрии, настроенных прокатолически.

Австрийские пангерманисты были противниками дуализма. Они считали, что отношения Австрии с Венгрией должны быть перестроены на основе личной унии. Шённерерианцы понимали, что венгерские помещики, хотя и стояли в данной конкретной обстановке за союз с Германией (недаром одним из инициаторов австро-германского договора 1879 года был граф Андраши, тогда министр иностранных дел двуединой монархии), но ни в коей мере не стремились к более близким с ней отношениям, а тем более к аншлюсу.

Но имея в виду в конечном итоге аншлюс, австрийские пангерманисты стремились не только включиться в «Великую Германию» и раствориться в ней, но и преследовали конкретные, мы бы сказали, австро-пангерманские цели.

Несомненно земли венгерской короны, как и затем Балканы и Адриатика, стали бы объектом агрессии германо-австрийского империализма.

Такова была национально-шовинистическая программа шённерерианцев. Их социальная программа отличалась не меньшей реакционностью. Мы имеем в виду социальную демагогию, которую еще задолго до Гитлера хорошо применял его предтеча Шённерер.

Социальная демагогия Шённера была призвана прежде всего укрепить существующий капиталистический строй. Поэтому она была направлена прежде всего против революционного рабочего движения и его авангарда — революционной социал-демократии. Она была призвана сеять рознь между рабочими различных национальностей.

Не вызывает сомнений и антиславянская направленность социальной демагогии Шённера. Программа социально-экономических преобразований, которой он был намерен осчастливить Австрию, имела в виду только немецкое население, остальные народы для Шённера не существовали, их удел — быть поработченными представителями «высшей расы».

Шённерер изображал себя защитником интересов простого немецкого народа, «маленького человека», которому грозит гибель. Кто, по мнению пангерманистов, угрожал благосостоянию австрийских немцев? Крупный капитал с одной стороны, революционное движение пролетариата — с другой.

Средние слои города и деревни — мелкие торговцы, промышленники, ремесленники, крестьяне — по мере развития капитализма разорялись, пополняя ряды городского и сельского пролетариата. Этот закономерный процесс исторического развития капиталистического общества Шённерер

²⁶ Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa od roku 1848 až do dnešní doby. D. 2. 1860—1879. Praha, 1933, s. 381.

²⁷ «Прусско-гогенцоллерновские симпатии» Шённера, как мягко характеризует пруссофильство Шённера австрийский националист П. Молиш (P. Molisch, Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena. 1926, S. 91), бросались в глаза современникам. Русские журналисты в своих корреспонденциях не перестают подчеркивать восхищение Шённера Германией. Они называют его более «пруссским, чем австрийским немцем», «пруссак... боготворящим публично Пруссию». См. «Голос», 9 I 1883; Там же, 12 IV 1882.

и его сторонники считали делом крупного капитала и ему они объявляли войну. Но под крупным капиталом они подразумевали лишь часть его, в основном финансово-промышленную олигархию (онлот политических противников австрийских пангерманистов — немецких либералов), преимущественно немецкого и еврейского происхождения. Вот эту часть австрийских магнатов капитала (объектом непрерывных нападков Шёнераера был банкирский дом Ротшильда) шёнерерианцы объявили главным врагом простого немецкого населения Австрии, виновным в его обнищании и разорении. По существу это была борьба группы капиталистов против своих конкурентов.

Пангерманисты стремились уверить немецкое население Австрии, что как только Австрия станет действительно немецкой страной, во главе которой будут истинные немцы, положение трудового народа улучшится. Будут введены соответствующие законы, которые ограждают ремесленников, торговцев, крестьян, рабочих от эксплуатации со стороны сильных мира сего, т. е. ненавистных магнатов капитала (Шёнереер называет их всегда презрительно «биржевыми либералами» — Börsenliebhaber).

Австрийские пангерманисты выступали «защитниками» интересов немецких рабочих, обещая «оберечь» их от конкуренции со стороны более дешевой славянской рабочей силы, наконец, от «тлетворного» влияния революционной социал-демократии.

Цель, которую преследовала социальная демагогия пангерманистов, Шёнереер и не думал скрывать — это предотвращение революции, сохранение капиталистического общества: незначительными уступками в области рабочего законодательства отвлечь рабочих от революционной борьбы, обострить до пределов национальную рознь в многонациональной монархии, столкнуть немецких рабочих с рабочими других национальностей, прежде всего славянами, и сделать невозможным сплочение пролетариата Австрии. Эта сторона социальной демагогии была хорошо раскрыта еще в 80-х годах прошлого века русской прессой²⁸.

Все отмеченные черты австрийского пангерманизма — его воинствующий, доведенный до расистского человеконенавистничества, национализм, его стремление к европейской гегемонии и империалистическим захватам на прусско-милитаристской бисмарковской основе, его антиславянская направленность, его антисемитизм, наконец, служащая всем этим тенденциям и отражающая их социальная демагогия — представляли собою взаимосвязанный идеологический конгломерат, принятый в дальнейшем на вооружение крайне реакционными, шовинистическими элементами и «обогащенный» гитлеризмом. Следует подчеркнуть, что это чудовищное по своему содержанию и по своим тенденциям идейно-политическое течение родилось и нашло свою питательную среду в той самой Австрии, которую ныне пытаются выдать чуть ли не за государство всеобщего благоденствия. Австрийский пангерманизм был порождением мрачной действительности старой Австрии, и это одно из обстоятельств, вполне объясняющих, почему никакие усилия запоздалых ее восхвалителей не находят и не находят отклика у народов, для которых разрушение этой средневековой бастилии было важным этапом на пути к их социалистическому настоящему, свободному от кошмаров «интеграции» по шёнерерианско-гитлеровскому образцу.

²⁸ На бурную деятельность, развитую Шёнереером среди немецких рабочих Вены, указывают корреспонденты русских газет. Они подчеркивают, что Шёнереер был инициатором созыва ряда собраний рабочих, которым хотел придать ярко выраженный античешский и антисемитский характер. «Русские ведомости», 10 IV 1882; корреспондент «Голоса» утверждал, что Шёнерееру не удалось посеять рознь между рабочими различных национальностей: немцами, чехами, евреями. — «Голос», 14 IV, 9 IV, 2 XII 1882.

ГЕНРИК ЯБЛОНСКИЙ

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОЛЬШЕ¹

Предпринимая попытку оценить современное состояние исторической науки в Польше, я хотел бы напомнить, что в июне 1964 г. в Варшаве состоялась специальная сессия Комитета исторических наук ПАН, посвященная оценке развития исторических наук за двадцать лет Народной Польши. В работе сессии приняло участие около 200 ученых — представителей всех научно-исследовательских центров страны. Хотя вопросы, освещаемые в настоящем докладе, не совпадают полностью с тематикой сессии, многие суждения и оценки представляют собой выводы, к которым я пришел в результате дискуссии, имевшей место полгода назад в Варшаве.

Эту оговорку необходимо сделать по двум причинам: во-первых, для того чтобы отдать должное моим польским коллегам (Арпольду, Бардаху, Данишевскому, Кормановой и др.), чей вклад в подбор материалов, послуживших базой для дискуссии, был особенно велик; во-вторых, сессия, о которой была речь, свидетельствует о роли, какую играет в нашей Академии Комитет исторических наук. Комитет группирует представителей разных исторических дисциплин, как историков в узком значении этого слова, так и археологов, этнографов, историков искусства и т. п. И хотя работа Комитета нередко вызывает критические замечания и он еще не справляется со всеми своими задачами, однако именно в рамках этого Комитета специалисты по разным областям сопоставляют свои достижения, что облегчает самим историкам планирование и координацию работ, независимо от места их службы, а руководству Академии позволяет лучше ориентироваться в положении дел и потребностях исторической науки.

Проблемы исторической науки разрабатываются в настоящее время в разных научно-исследовательских учреждениях. Старейшие из них — это университетские кафедры. Такие кафедры имеются на историческом факультете Варшавского университета, на историко-философских факультетах Ягеллонского (Краков), Лодзинского, Познаньского и Вроцлавского университетов и на гуманитарных факультетах университетов в Люблине и Торунь. Исторические отделения имеются, кроме того, на историко-философских факультетах четырех высших педагогических училищ (в Гданьске, Катовицах, Кракове и Ополе). Историков готовят также историко-социологический факультет Высшей школы общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии и историко-педагогический факультет Военно-политической академии. Исторические кафедры есть и на других университетских факультетах и в некоторых высших учебных заведениях: экономических, сельскохозяйственных и т. п. Они, как прави-

¹ Доклад, прочитанный в Институте славяноведения АН СССР 20 января 1965 г.

ло, укомплектованы отличными специалистами; многие известные историки работают вне стей исторических и историко-философских факультетов. В качестве примера можно привести известных историков Юлиуша Бардаха и Богуслава Леснодорского, которые являются профессорами юридического факультета Варшавского университета, и Витольда Кулю — профессора факультета политэкономии этого же университета. Напоминаю об этом факте лишь для того, чтобы подчеркнуть, какое широкое распространение получили в нашей стране научные исторические учреждения. Кроме перечисленных здесь высших учебных заведений, в Польше имеются еще частное высшее учебное заведение с несколькими историческими кафедрами. Это — католический университет в Люблине.

Несомненно, кафедры вузов занимаются не только преподаванием истории; они ведут также широкую научно-исследовательскую работу. Особенно интенсивно, однако, она ведется в специальных научно-исследовательских учреждениях Польской академии наук, в частности Институте истории, Институте истории материальной культуры и нескольких специализированных учреждениях: секторе польско-советских отношений, кабинетах истории науки и техники, истории просвещения, истории журналистики и др. В польской исторической науке большую роль играет, кроме того, Институт истории партии при ЦК ПОРП, исследования которого охватывают рабочее движение в Польше. В последние годы широко развернул свою работу Военно-исторический институт. Учреждения, занимающиеся вопросами истории, имеются при Главном комитете Объединенной крестьянской партии, Центральном совете профсоюзов и других организациях.

Перечень важнейших интересующих нас учреждений не был бы полным, если бы мы не упомянули о группе институтов, которые не ограничиваются исключительно историческими исследованиями, но где история, тем не менее, занимает очень важное место. Это хорошо известные советским товарищам Западный институт в Познани, Силезский научно-исследовательский институт в Катовицах, Силезский институт в Ополе и Западно-поморский институт в Щецине. Эти институты издают свои научные труды и публикуют бюллетени.

Специальные задачи, главным образом прикладного характера, стоят перед Институтом международных проблем, где также весьма широко осуществляется историческая тематика.

И, наконец, следует упомянуть о Еврейском историческом институте, который, формально являясь научным обществом, фактически ведет научно-исследовательскую работу и находится на государственной дотации. Этот институт тоже выпускает свой бюллетень на польском языке, который выходит с периодичностью один раз в три месяца, и ежегодник («Блетер фар гешихте») — на еврейском языке. Исследовательскую работу в области истории ведет, кроме того, ряд государственных архивов, научных библиотек и музеев.

Особую роль играет Польское историческое общество; в его отделениях, имеющих в 39 городах, проходят оживленные дискуссии, а лекторы общества популяризируют историческую науку во всех уголках нашей страны. Общество издает 12 журналов и серийных изданий.

Историческая проблематика немало места занимает и в работе многих региональных (местных) научных обществ.

Такое обилие исследовательских учреждений привело естественно к необходимости выпуска большого количества периодических изданий по истории (их более 50, считая вместе с археологическими). Это создает широкие возможности для публикации научных работ. Наиболее важное периодическое издание, носящее характер центрального органа, — «Квар-

тальник хисторычный», издаваемый Институтом истории ПАН. Кроме того, в Польше широко распространены «Шпеглэнд хисторычый» — орган Польского исторического общества, «З поля вальки» — орган Института истории партии и «Войсковый шпеглэнд хисторычый».

Выпуском исторической литературы в Польше занимаются многие издательства. Крупнейшее из них — Государственное научное издательство — выпустило в период с 1959 по 1963 г. 149 наименований книг на исторические темы; издательство «Оссолинеум» — 135 книг того же характера, а партийное издательство «Ксёнжка и ведза» — 125 наименований книг. За это же время по несколько десятков томов исторической литературы выпустили: Издательство Крестьянской партии (Ludowa spółdzielnia wydawnicza), Издательство «Ведза повнешна», Издательство Министерства национальной обороны. Я называю лишь крупнейшие, так как трудно перечислить все те центральные или местные издательства, каждое из которых выпустило более 10 книг по истории.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что как в отношении количества исследовательских учреждений, так и возможностей публикации положение дел совершенно удовлетворительное. Однако это еще ничего не говорит о направлении и уровне научных работ.

Не буду останавливаться на подробном изложении споров о характере исторических наук, которые велись за время существования Народной Польши, так как это не входит в мою задачу. К тому же этот вопрос — по новостям для советских историков; многие из них принимали непосредственное участие в проходивших в Польше дискуссиях. Достаточно вспомнить хотя бы покойных академиков Грекова и Косминского. Информации на эту тему неоднократно появлялись в советской научной печати. Однако на одном вопросе, а точнее мероприятии, я считаю нужным остановиться, так как оно серьезно повлияло на направление и развитие научных работ в различных областях исторических наук и произвело настоящий переворот в деле популяризации исторических знаний среди польской общественности, особенно на периферии. Я имею в виду проходящие уже несколько лет юбилейные торжества в связи с тысячелетием Польского государства.

Постановлением от 26 февраля 1958 г. сейм Польской Народной Республики объявил период с 1960 по 1966 г. — периодом торжеств в ознаменование тысячелетия. В этом постановлении говорилось, в частности, что «торжества тысячелетия напомним нам о славной истории становления и развития государства первых Пястов, раскроют традиции творческой политической мысли, которая на протяжении десяти веков была фактором, укрепляющим общность народа и объединяющим его усилия в борьбе за освобождение. Польская Народная Республика претворила в жизнь великое дело общественной перестройки в тех границах нашей страны, которые были очерчены еще в начале нашего исторического существования. Мы вернулись на ископные земли отчизны благодаря победе над гитлеровским фашизмом Советского Союза, Войска Польского и сил союзников. Усилиями всей общественности эти земли были освоены и неразрывно воссоединены с организмом Польской Народной Республики».

Одновременно сейм предложил правительству обеспечить средства для реализации программы мероприятий, связанных с празднованием тысячелетия Государственным советом был создан Комитет по подготовке юбилейных торжеств, с секретариатом при Польской академии наук.

Согласно программе, разработанной Подготовительным комитетом и утвержденной Государственным советом, «торжества в связи с тысячелетием Польского государства затронут всю историю Польского государства и народа, включая и историю последних десятилетий. На период 1960—

1966 годов приходится юбилеи великих событий, оказавших существенное влияние на историю польского народа. Эти юбилейные даты станут узловыми пунктами торжеств:

1. Тысячелетие вступления Польши на историческую арену.
2. 550-я годовщина битвы под Грюнвальдом.
3. 600-летие Ягеллонского университета.
4. Годовщины, связанные с национально-освободительной борьбой польского народа.
5. Двадцатилетие Народной Польши.

Одновременно в плане торжеств предусматривалось «празднование других годовщин, повлиявших на развитие польской культуры и политической истории народа; юбилеи городов и населенных пунктов, которые дополняют упомянутые празднества, — все это важно для воспитания патриотизма путем осознания ценных традиций данного города или территории, а на Западных землях — понимания их прошлого, их исторической роли в первые века существования Польского государства, их роли в сохранении польского языка, обычаев и т. п. на протяжении позднейшего времени».

Затем Подготовительный комитет был преобразован в Научный комитет по торжествам в ознаменование тысячелетия при Всепольском комитете Фронта национального единства, которому было поручено руководство всеми мероприятиями, связанными с тысячелетием Польского государства.

При воеводских комитетах Фронта были организованы специальные исторические комиссии; такие же комиссии были созданы в крупных городах и даже во многих повятах.

Под знаком юбилейных торжеств были начаты две очень важные общественные кампании. Одна — под лозунгом: «Тысяча школ в честь тысячелетия», вторая — «Сто миллионов деревьев в тысячелетие».

Казалось бы на первый взгляд, что обе эти кампании не связаны с историческим характером празднования тысячелетия. Однако в представлении широких масс общественности они по существу объединились в единое целое, практически дополняя другие виды торжеств. Это нашло выражение и в пропаганде. Школы, строящиеся на собранные средства, были названы «памятниками тысячелетия». В то же время невероятно расширился интерес общественности к истории своего района, своего города и часто даже деревни. И как следствие этого — широкая инициатива в организации местных археологических и исторических изысканий, в устройстве выставок, проведении массовых мероприятий исторического характера, наконец, в выпуске различных публикаций. В связи с этим почти при всех местных исторических комиссиях были созданы издательские секции, которые должны были следить за планированием, подготовкой и печатанием исторических работ, посвященных их району или событиям, связанным с этим районом. О размерах проводимых мероприятий может свидетельствовать хотя бы один пример. Однако только Быдгоцкое воеводство запланировало издание свыше 40 наименований исторических книг на темы тысячелетия Польского государства.

Перед Научным комитетом по торжествам в ознаменование тысячелетия в таких условиях встала проблема: как обеспечить хороший уровень этих изданий? Ведь даже при самом интенсивном использовании наших научных кадров надлежащее выполнение издательских планов — дело необычайно трудное. С другой стороны, не хотелось бы слишком тормозить проявляющуюся инициативу, так как это могло бы обидеть местных общественных деятелей, а к тому же сам по себе огромный интерес к прошлому мы рассматриваем как чрезвычайно ценное средство общественного воспитания.

Готовность общественности к жертвованиям на цели, связанные с юбилейными торжествами, пробуждение огромного интереса к истории — все это, естественно, создало благоприятную почву и для централизованно проводимых исследовательских работ. Из года в год правительством выделяются на эти цели и предусматриваются бюджетом Польской академии наук большие суммы.

Этими фондами, разумеется, пользуются не только историки; из этих фондов субсидируются работы археологов, этнографов и т. п. Например, благодаря помощи, оказанной из этого источника, наши музыковеды могли приступить к инвентаризации музыкальных памятников.

Мероприятия, связанные с юбилеем тысячелетия Польского государства, оказывают огромное влияние на развитие исторических наук, создавая особенно благоприятное отношение к этим наукам со стороны народа и втягивая историков в широкую общественную деятельность.

Руководящие органы Польской объединенной рабочей партии придают большое значение развитию всех общественных наук, видя в них важное средство воспитания. Отсюда вытекает, что программа юбилейных мероприятий стала своего рода планом в области научных исследований и популяризации истории.

Этим объясняется и то, что в планах Подготовительного комитета, а затем Научного комитета по торжествам, а следовательно, и в планах научных учреждений, издательских организаций и т. п. особое внимание занимает изучение тех периодов, которые так много говорят современному поколению поляков. В связи с этим началась более интенсивная работа не только по изучению истоков польского государства или истории польской культуры, но и новой и новейшей польской истории.

Так, например, придавая важное значение торжествам, связанным с битвой под Грюнвальдом, Комитет рекомендовал, в частности, обратить внимание на историю связей Мазур и Вармии с колыбелью польской отчины, традиции единства, возникшего еще во времена участия в битве под Грюнвальдом. Юбилейные торжества в ознаменование 600-летия первого польского университета послужили практическим поводом для того, чтобы осветить весь путь прогрессивной польской науки и историю прогрессивного молодежного движения вплоть до последнего периода. Однако особое значение придается проблематике более близкого нам времени. Вот почему Комитет, рекомендуя интенсивнее изучать историю национально-освободительной борьбы, обратил внимание на то, что «раскрытие борьбы прогрессивных течений в польских восстаниях с реакционными стремлениями, показ сотрудничества польских патриотов с революционными силами России и движения солидарности всех прогрессивных сил в Европе напомнит современному поколению об интернациональных, патриотических традициях нации».

В научных и популярных работах рекомендовалось выявлять вклад польского народа в национально-освободительную борьбу и мировое общественное движение, освещать традиции участия поляков в войне американского народа за независимость, во Французской революции, революциях 1848 года, Парижской коммуне, в Великой Октябрьской социалистической революции, в боях в Испании — т. е. повсюду, где прогрессивные силы польского народа боролись «за вашу и нашу свободу».

Важнейшими с точки зрения влияния на постановку исследований были директивы, касающиеся новейшей истории. Планируя программу торжеств, составители исходили из предпосылки, что поворотным моментом в истории Польши было вступление польского народа в 1944 г. на путь социалистического развития. Именно Народная Польша является последним звеном в истории народа и ее увенчанием. Отсюда и задача истори-

ков — осветить пути, которые привели к образованию Народной Польши. Одновременно рекомендовалось развернуть работу по изучению достижений польского народа в социалистическом строительстве и выявлению различий между Польшей межвоенного периода и Народной Польшей.

Эти установки соответствовали той линии, которой и до этого времени старались придерживаться органы, направляющие развитие польской науки, что нашло свое отражение прежде всего в практике подготовки кадров историков, в организации научно-исследовательской работы и, наконец, в издательской деятельности.

Безусловно, вопрос о научных кадрах является одним из важнейших. Однако прежде чем коснуться этого вопроса, следует пояснить разницу между польской и советской терминологией. Звание доктора в Польше — это низшая ученая степень, соответствующая советской степени кандидата наук. Более высокое ученое звание — доцент. Оно присваивается в случае положительной оценки соответствующим Ученым советом факультета или института всего научного багажа кандидата по представлении им диссертационной работы и прохождении коллоквиума.

К концу 1961 г. в Польше в области истории (не считая археологии, этнографии и других родственных наук) работало 145 так называемых самостоятельных научных работников: 60 профессоров и 85 доцентов. В 1962 г. добавилось 7 доцентов (1 — по истории до XVIII в., 2 — по новой и новейшей истории, 2 — по экономической истории). В 1963 г. прибавилось еще 9 доцентов (1 — по древней истории, 1 — по истории до XVIII в., 3 — по новой и новейшей истории, 4 — по экономической истории). Такое распределение — результат проводившейся плановой политики укрепления кадрами специалистов секторов экономической, а также новой и новейшей истории.

Особенно наглядно это укрепление можно представить при сравнении количества защищенных докторских диссертаций на протяжении 1959—1963 гг.

Т а б л и ц а

	1959—1961	1962	1963
Древняя история	4	2	—
История Польши и всеобщая история до конца XVIII в.	40	10	13
Новая и новейшая история Польши и всеобщая история	62	28	27
Экономическая история	58	6	11
Вспомогательные исторические дисциплины	3	4	—
Итого	167	50	51

Как видно из таблицы, молодые историки проявляют все больший интерес к новой и новейшей истории, причем в этих границах увеличивается интерес к истории Народной Польши. Чтобы иметь исчерпывающее представление о притоке молодых научных кадров, следует учитывать и родственные дисциплины, например историю государства и права (глав-

ным центром научных исследований по государству и праву является соответствующее отделение Института истории ПАН). По этой дисциплине за период с 1959 по 1963 г. было защищено 30 докторских диссертаций.

Следует также остановиться на том, как решается в Польше вопрос о предоставлении работы. Дело обстоит так: вспомогательные научные работники (ассистенты, адъюнкты), научно-технические работники, специалисты, проводящие документацию, библиотекари служат только в одном месте. Зато значительная часть самостоятельных научных работников вынуждена совмещать службу в двух местах. Ведь еще недавно единственными центрами научной работы были высшие учебные заведения. Такое учреждение, как Институт истории ПАН, существует лишь с 1952 г.; по многим специальностям Институту приходится использовать университетских профессоров. Из числа 54 самостоятельных научных работников Института лишь 63% — 34 профессора и доцента — собственные сотрудники Института. Однако следует отметить, что положение постоянно улучшается и перспективы на будущее благоприятны, поскольку в Институте работает 48 докторов, многие из которых в недалеком будущем станут доцентами.

Распределение сил в исторической науке можно проследить по публикациям. Так в Институте истории партии и Военно-историческом институте почти все публикуемые работы относятся к истории XIX и XX вв. с решительным перевесом новейшей истории. Наиболее разнородны по тематике работы, подготовленные на университетских кафедрах. Результаты последовательно проводимой политики видны на примере Института истории. В 1963 г. здесь было издано 30 томов, из них 18 посвящены истории XIX и XX вв., а из этого количества 11 — периоду после 1918 г.

Вопросом о сдвиге интересов польских историков занялся проф. С. Арнольд, обративший внимание на то, что в 1961 г. из общего количества 236 наименований книг по истории Польши, опубликованных центральными издательствами, периоду 1864—1945 гг. посвящены 42 названия, причем истории XX в. — 31. В 1962 г. при таком же общем количестве публикаций события XX в. посвящено 70 наименований. Усиливается интерес историков также к проблемам польского рабочего движения. На эту тему издано в 1960 г. 12 наименований книг, в 1961 — 20, а в 1962 г. — 45.

Перейдем к оценке положения в исторической науке по существу.

Расширение сети научно-исследовательских учреждений, неизвестных предвоенной Польше (учреждения Польской академии наук, Институт истории партии и др.), находилось в тесной связи с переменами в методологическом облике польской исторической науки. После первого периода, когда восстанавливались вузы, архивы, библиотеки, комплектовались рассеянные научные кадры и развивалась учебная работа, пришло время для развертывания широкой дискуссии о проблемах методологии, для разработки долгосрочных исследовательских планов, определения программы работы историков и целых учреждений, которые нужно было создать для ее выполнения.

Результатов не пришлось долго ждать, а оценивая их ретроспективно, сопоставляя положение в этой науке с развитием других научных дисциплин, можно сказать, что перемены наступили исключительно быстро. Уже через несколько лет можно было отметить, что подавляющее большинство ученых-историков прочно стало на фундамент исторического материализма. Особенно важным было то, что эту методологию признали ученые старшего и среднего поколений, которые, имея разносторонний опыт исследовательской работы, обладали огромной эрудицией. Это позволило взяться за осуществление ряда серьезных задач, в первую очередь в области medie-

вистики и, частично, новой истории. Я хотел бы обратить внимание на две такие задачи. Первая — это подготовка многотомных работ синтетического характера, вторая — расширение изучения истории Западных земель, которым прежняя польская историография почти не уделяла внимания, а обширные труды немецких историков по этому вопросу были полны фальсификаций.

В этой области нам удалось достичь важных результатов. Семь уже изданных томов «Истории Польши» охватывают события до начала XX в., последующие части подготавливаются к печати. Вышли первые тома «Истории Силезии», широко развернулись работы над историей Поморья. «История государства и права Польши» уже вышла из печати. Продолжается работа по подготовке таких важных изданий, как «Исторический атлас Польши» и «Польский биографический словарь»; изданы новые специальные работы в области вспомогательных исторических наук: по польской хронологии, генеалогии, сфрагистике и т. п. Заострено внимание на тех периодах истории, которые особенно важны для польского народа. Так, например, благодаря мобилизации сил специалистов по разным историческим дисциплинам издана многотомная серия трудов, посвященная польскому Возрождению, которое сыграло выдающуюся роль в развитии польской культуры. Ряд интересных работ посвящен истокам польской государственности, реформации в Польше и эпохе Просвещения. Несравненно лучше нам теперь известна история польского национально-освободительного движения.

В этом ориентировочном перечне особое место принадлежит трудам специалистов по социально-экономической истории. Издан целый ряд ценных работ по истории промышленности и горного дела на польских землях, по истории производственных отношений в сельском хозяйстве, истории крестьянского движения. В последние годы появляется все больше работ по истории рабочего класса и рабочего движения и, наконец, трудов, посвященных второй мировой войне и Народной Польше. Больших достижений добились и специалисты родственных дисциплин: истории науки и техники, истории просвещения, истории искусства и т. п. В изучение древней истории Польши большой вклад внесли археологи, в углубление знаний по новейшей истории — этнографы и социологи.

Большое внимание уделено также изданию источников, начиная от древнейших источников по истории Польши и кончая материалами по новейшей истории. Два такие издания: источников по истории восстания 1863—1864 гг. и польско-советских отношений — являются результатами совместного труда советских и польских историков. Значение изданий источников в Польше совершенно исключительно из-за огромных потерь, которые понесли во время последней войны польские архивы и библиотеки. Для примера приведу такой факт: ни в одной из стран нет полного комплекта редактировавшейся Адамом Мицкевичем «Трибуны народов» (*La Tribune des Peuples*). Недавно удалось издать фототипическим способом комплект «Трибуны», использовав для этого разрозненные экземпляры из польских и зарубежных библиотек.

В сумме баланс работ по истории Польши позитивен, хотя и не лишен на многих участках пробелов и недостатков.

К сожалению, иначе приходится оценивать итоги в области всеобщей истории. Безусловно, за двадцать лет в Польше появился ряд ценных трудов и по всеобщей истории. В области древней истории велики заслуги покойного Рафала Таубеншляга и его учеников; известны достижения польских медиевистов; в области новой и новейшей истории есть также несколько ценных работ, особенно по истории Германии, а также польско-русских и польско-советских отношений. И все же общий размах исследований в

этой области несравненно слабее, чем по истории Польши. Можно найти много причин такого положения, но главное — это недостаточные усилия по организации работы, или, говоря иначе, недостаточная опека со стороны органов, в задачу которых входит организация науки. Правда, во всех университетских центрах имеются кафедры всеобщей истории и истории народов СССР, но и они отдают большую часть своих сил скорее контактам Польши с другими странами, чем собственно всеобщей истории. Впрочем, период торжеств в ознаменование тысячелетия склонял именно к таким исследованиям, поскольку продолжает ощущаться необходимость пересмотра оценок старой польской историографии в области отношений Польши с другими странами. Развитию исследований по всеобщей истории препятствует также узость документальной базы, что создает потребность в длительных заграничных командировках. При всем том следует отметить, что использованы не все возможности. Ценные кадры специалистов по всеобщей истории, которыми располагают наши университеты, не были окружены должной заботой, а в академических учреждениях в течение долгого времени не удавалось создать соответствующего коллектива, занимающегося всеобщей историей.

В последнее время предприняты меры с целью поправить положение и на этом участке исторического фронта. В Институте истории ПАН создано отделение истории СССР и стран Центральной и Восточной Европы, организуется Кабинет по истории колониализма. Кабинет (сектор) востоковедения ПАН, а частично Кабинет общественных и культурных проблем современной Африки ПАН тоже начнут заниматься историческими проблемами.

Над вопросами истории и языкознания Африки работает также соответствующая ячейка Варшавского университета. Постепенно укрепляются университетские кафедры всеобщей истории. Этот процесс ускоряется благодаря тем оживленным контактам, какие поддерживают польские историки с различными зарубежными центрами, особенно с тех пор, как органы, руководящие польской наукой, да и сами историки отдали себе отчет в имеющихся недостатках.

Однако, если говорить о слабостях польской исторической науки, то главное беспокойство должны вызывать не те или иные пробелы в области исследований. Тематические пробелы уже замечены; они, кстати, обсуждались и на последнем съезде историков и на упомянутой в начале настоящего доклада сессии. Уже предприняты меры к их ликвидации.

Главная задача, которая стоит сегодня перед всеми, кто отвечает за развитие исторической науки, заключается в усилении общественной роли исторических наук, увеличении их влияния на формирование общественного самосознания граждан страны, строящей социализм. Если принять во внимание лишь число научных учреждений, количественный состав кадров, листаж изданий и т. п., то нам не осталось бы ничего иного, как выразить полное удовлетворение. Однако это не конец, а лишь самое начало дела.

Хочу сделать несколько замечаний общего характера, чтобы только что высказанная мною мысль стала более понятной.

Одна из прекраснейших черт марксистской методологии общественных наук, один из важнейших источников ее огромной познавательной силы заключается в том, что явления рассматриваются в их развитии и изменчивости, а это, со своей стороны, тесно связано с созданием теории на конкретном историческом материале. Отсюда — значение исторических наук и результатов их достижений для всех общественных наук и для практики общественной жизни.

Чаще всего обращают внимание только на один аспект общественного значения истории: на ее участие в формировании сознания и общественной позиции людей, причем наиболее распространенным фактором влияния является исторический опыт своего собственного народа. Несомненно, это вопрос первостепенного значения. Если этой роли не выполнит научная истина, раскрытая в результате честных исследований, то ее место займет какая-нибудь псевдоистория.

Мне все же кажется, что общественное, в некотором смысле практическое значение истории несравненно шире. История может и должна сыграть выдающуюся роль в выяснении многих животрепещущих вопросов современности. На исторической арене появились, как самостоятельный фактор, народы с иной, чем европейские, структурой, с совершенно иными историческими традициями. В этих условиях необходима помощь историка. Но и это еще не все. Как без истории, без ее помощи правильно разрешить волнующие сегодня наиболее прогрессивную часть человечества споры о войне и мире, о понятиях нации и национально-освободительной борьбы, об общественной роли масс и формах их активного участия в формировании исторического процесса и т. д. и т. п.? Иначе говоря, без истории, без ее помощи не может быть создан правильный образ современности, так как определить характерные для нашей эпохи черты можно только в сравнении с другими эпохами. А определить черты современной эпохи — это значит приблизить к себе образ завтрашнего дня. И что еще важнее: только на такой основе можно правильно наметить пути действия, чтобы с максимальным эффектом в интересах общества использовать возможности, которыми мы располагаем.

Безусловно, для этого недостаточно одной только истории. Тем не менее утверждение, что можно было бы обойтись без истории, бессмысленно. Так думают некоторые специалисты, ничего не видящие, кроме развития социологических методов исследований, которые хотели бы сдать историю в архив, обольщаясь тем, что с помощью социологии они смогут получить ответы на все важнейшие вопросы современности и предвидеть будущее.

Доказать несостоятельность этой точки зрения нетрудно. Развитие истории народов и обществ не происходит прямолинейно и равномерно по заранее установленным схемам. Если бы так могло быть, то, действительно, достаточно было бы овладеть наукой об общественных формациях, установить место того или иного общества в определенном отрезке времени в рамках принятой схемы — все стало бы абсолютно ясно и в данный момент, и в перспективах, только бы не изменять при этом основ логики. Но в том-то и дело, что это совершенно невозможно. Высоко ценя огромные успехи социологии, мы должны отдать себе отчет в ограниченности ее познавательных возможностей, если результаты социологических исследований не будут как можно теснее связаны с научными исследованиями историков. Ибо только при выполнении этого условия можно ориентироваться в массе явлений, найти среди них всеобщее и единичное, что позволит выявить законы и закономерности противоречивых и взаимно влияющих явлений.

Все это приводит нас к признанию огромного значения гуманитарных наук вообще и исторических наук в частности, но при условии, что слово «наука» мы употребляем в надлежащем значении. Упорядочивать факты, извлекать их из мрака прошлого, освещать и находить действительные связи между ними можно лишь базируясь на научной методологии, т. е. той методологии, которая является высшим достижением философии.

Но история, а также и историки не должны и не могут быть в этом случае только потребителями. Пользуясь марксистским методом, базируясь на нем в своих исследованиях, они могут и должны стараться непре-

ривно обогащать его, систематически совершенствовать. И величие марксизма не только в том, что он является высшим достижением философии, но и в том, что он остается всегда живым, что по сути своей является отрицанием косности и схематизма.

Именно поэтому исторические исследования, основанные на марксистской методологии, полностью заслуживают наименования науки, науки огромного общественного и политического звучания, которое, впрочем, было присуще истории всегда и везде, — но именно науки.

Эта наука — оружие борьбы со всем тем, что пыталось бы исказить прошлое, и благодаря этому она активно включается в борьбу прогресса с реакцией и отсталостью. Чем лучше понимает историк общественное значение своей дисциплины, тем более активна его позиция. Он должен помнить, что служить прогрессу лучше всего научной правдой, не искаженной никакой ложью, а он сам или будет служить этой правде и прогрессу, или сделается бесполезным и ненужным. В этом духе мы давно уже стараемся формировать мировоззрение наших историков.

Между тем до недавнего времени, а частично еще и теперь наряду с большими успехами в расширении объема исследований, в увеличении всеобщего интереса к истории, а значит, и в возросшей возможности влияния истории, можно было наблюдать явления отрицательные, которые мешали полностью использовать эту благоприятную ситуацию. Не надо забывать, что в создавшихся условиях перед польской исторической наукой можно и следует ставить задачи, несравненно более трудные и важные, чем это было возможно еще несколько лет назад до торжеств в честь тысячелетия.

Нельзя, конечно, не отметить, что подавляющее большинство историков декларирует, и несомненно искренно, свою связь с марксизмом, старается применить марксистскую методологию в научных исследованиях, но на практике мы подчас видим уступки чуждой методологии, возможно неосознанные, еще чаще встречаем в работах отсутствие связи исторических исследований с выводами близких наук: философии, политической, экономики, социологии и др. Хуже всего, что наступательная активность в борьбе с враждебными научными теориями или с враждебными, написанными с антикоммунистических позиций, зарубежными публикациями была, а частично остается и сейчас недостаточной.

Бесспорно, эти отрицательные явления были следствием ослабления интереса к проблемам методологии исследований, чему способствовало и ослабление методологических дискуссий. Причины можно искать в ошибках и проявлениях схематизма прошлого периода, в возникновении своего рода боязни догматических перегибов. Если даже в этом и есть доля правды, это отнюдь не значит, что мы можем примириться с этим фактом.

Нельзя не отметить, что методологическая и политическая (пусть нас не пугает это слово) слабость исторического фронта неминуемо ведет к все большему ослаблению связи деятельности историков с потребностями страны, так как историки, плохо разбирающиеся в актуальных политических проблемах, не будут в состоянии определить, какие именно исторические вопросы подлежат исследованию в связи с необходимостью подлежащего формирования облика современного поколения, что именно нужно исследовать в прошлом, чтобы выявить суть явлений современности.

Масштаба этих явлений, конечно, не следует преувеличивать. В связи с юбилейными торжествами польская историческая наука выполнила много нелегких задач, которые ставил перед ней «общественный заказ». Эти торжества и связанные с ними научные работы планируются и осуществляются под направленным руководством. Такая своеобразная «связь с

жизнью» служит лучшей гарантией против упомянутых недостатков. Но хотя достижения велики и бесспорны, было бы ошибкой проходить мимо отрицательных явлений; чем раньше мы начнем их устранять, тем большие возможности откроются для дальнейшего развития исторических наук.

С огромным удовлетворением следует приветствовать тот факт, что быстрая реакция на эти отрицательные явления стала уже приносить свои плоды. Сознательно направленные усилия привели в последнее время к новому оживлению методологических дискуссий, а научный секретариат ПАН, руководствуясь стремлением расширить эти дискуссии, 6 октября 1964 г. принял решение об организации специального журнала «Методологические проблемы исторических наук».

Эти усилия в комплексе с плановым развитием дальнейших исследований, расширением их объема и тематики позволяют верить в то, что исторические науки не только не утратят завоеванных позиций, но еще и укрепят их. Давно принято считать, что исторические науки в Польше — это сильнейший участок гуманитарных наук. И дело чести каждого польского историка постараться, чтобы это утверждение и впредь не расходилось с истиной.

А. И. ЧЕРНИЙ

К ВОПРОСУ О РАБОЧЕМ КОНТРОЛЕ В БОЛГАРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(сентябрь 1944 — декабрь 1947 г.)

Победа сентябрьской революции знаменовала собой политическое крушение капитализма в Болгарии. Народной власти предстояло решить самую трудную задачу — ликвидировать капиталистические производственные отношения и добиться победы социалистических производственных отношений.

В первые годы после победы народно-демократической революции в экономической жизни Болгарии сложилась весьма сложная обстановка.

На протяжении трех с лишним лет (до конца 1947 г.) в болгарской промышленности сохраняла значительные позиции буржуазия. Почти $\frac{4}{5}$ всех крупных промышленных предприятий страны находилось в руках частных капиталистов, государству принадлежало лишь 16,6% крупных фабрик и заводов. В этих условиях перед народной властью стояла крайне трудная задача: восстановить разрушенную хозяйничавшем гитлеровцев экономику страны, добиться увеличения производства, преодолеть яростное сопротивление буржуазии, чтобы затем перейти к осуществлению социалистической индустриализации.

«Необходимо привести в полную исправность и пустить в ход всю болгарскую промышленность,— говорил Г. М. Димитров в январе 1945 г.,— пресекая самым быстрым и решительным образом всякую возможность саботажа и дезорганизации. Мы должны создать свою собственную здоровую экономику, свою собственную жизнеспособную промышленность, в том числе и тяжелую»¹.

Хотя частная капиталистическая собственность в значительной части промышленности сохранялась до конца 1947 г., она, однако, была сильно ограничена народной властью, регламентировавшей производство и распределение продукции, размеры прибыли, распределение сырья и т. д.

Большую роль играл при этом общественный контроль. О необходимости введения рабочего контроля говорилось уже в решении ЦК БРП (к) от 10 ноября 1944 г.: «Введение эффективного общественного контроля над всей хозяйственной жизнью необходимо для того, чтобы пресечь спекуляцию на черном рынке, чтобы можно было проводить в жизнь программу Отечественного фронта и все конкретные мероприятия власти без исключения»².

Одной из главных задач рабочего контроля являлось пресечение саботажа буржуазии, которая, сохраняя за собой все еще сильные экономические позиции, всячески препятствовала хозяйственным мероприятиям на-

¹ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 41.

² ЦПА, ф. 1, оп. 8, д. 10, л. 3.

родно-демократической власти, занималась вредительством и расстраивала производство.

Уже через пять дней после победы народного восстания Софийский областной комитет Отечественного фронта сообщал Национальному комитету Отечественного фронта, что «на многих предприятиях существующее фашистское руководство не проявляет никакого желания работать. Напротив, проводится активный саботаж, умело замаскированный...»³.

Формы саботажа буржуазией хозяйственных мероприятий народной власти были весьма разнообразны. Одной из них являлось укрытие на предприятиях готовой продукции или ее уничтожение.

Так, Тырновский комитет Отечественного фронта сообщил 4 декабря 1944 г. Национальному комитету Отечественного фронта, что на ткацкой фабрике «Л. Владков» обнаружено более 13 тыс. м различных видов хлопчатобумажной ткани⁴. Русенский комитет Отечественного фронта установил, что большое количество товаров, полученных из Советского Союза, искусственно задерживалось на складах порта и не распределялось между предприятиями⁵.

Некоторые владельцы предприятий специально устраивали пожары, сжигая сырье и готовую продукцию. Так, 27 декабря 1944 г. сгорела табачная фабрика в г. Шумене (ныне Коларовград). Пожар уничтожил 23 т табака, который, как писали рабочие фабрики первому секретарю Национального комитета Отечественного фронта, «был приготовлен для Красной Армии, наших дорогих освободителей»⁶.

Владелец кожевенной фабрики «Пенков и Пенев» (г. Русе) уничтожил 2820 кг кожи и 1234 овечьих шкурки⁷, на Софийской текстильной фабрике «Платно» сгорело 3 т хлопка⁸, а на текстильной фабрике «Х. Райков» (г. Плевен) — 11 892 кг шерсти и много другого сырья⁹.

Враждебная деятельность буржуазии, как отмечалось в декларации Национального комитета Отечественного фронта от 3 мая 1945 г., проявлялась в «компрометации хозяйственных мероприятий народного правительства и экономической программы Отечественного фронта, в саботаже реквизиций, государственных поставок, народного «Займа Свободы», в выдвигании демагогических лозунгов о чрезмерном увеличении цен на товары, в выступлениях против заключения торгового договора с Советским Союзом»¹⁰.

Пытаясь самовольно закрыть предприятия, «промышленники, — говорится в протоколе заседания ЦК БРП(к) от 3—4 апреля 1945 г., — руководствуются при этом и политическими соображениями: хотят остановить производство, уволить массу рабочих, вызвать безработицу и недовольство»¹¹.

Народная власть решительно пресекала эти попытки. Так, когда в ноябре 1944 г. собственники многих предприятий в г. Русе провокационно заявили, что будет закрыто 100 предприятий и без работы останутся 12 тыс. человек, областной комитет Отечественного фронта созвал специальную конференцию. На ней были рассмотрены все вопросы, касающиеся производства, и «результатом этого было то, что ни на одном предприятии не была остановлена работа. На многих предприятиях увеличилась

³ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 300, л. 2.

⁴ Там же, д. 333, л. 42.

⁵ «Отечествен фронт», 1946, 10 ноября.

⁶ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 330, л. 241.

⁷ «Работническо дело», 1946, 7 марта.

⁸ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 339, л. 107.

⁹ ОДА-Плевен, ф. 32, оп. 1, д. 35, л. 46.

¹⁰ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 55, л. 64.

¹¹ ЦПА, ф. 1, оп. 9, д. 26, л. 13.

производительность труда, возникшие мелкие конфликты были скоро урегулированы»¹².

Все это заставило органы народной власти, комитеты Отечественного фронта и профсоюзы организовать неослабный контроль над деятельностью частных промышленных предприятий. В первую очередь было обращено внимание на работу бухгалтерий. «Если бухгалтерия предприятия будет контролироваться комитетом Отечественного фронта,— отмечалось на конференции комитетов Отечественного фронта по экономическим вопросам в ноябре 1944 г.,— тогда контроль будет всеобъемлющим, тогда мы сможем обуздать собственников предприятий»¹³.

В этой области рабочим и их профорганизациям пришлось преодолеть большие трудности. Рабочий класс не обладал тогда еще достаточным опытом и умением, чтобы глубоко вникнуть в финансовую деятельность предприятий. Трудности возрастали и в связи с тем, что хозяева принимали все меры, чтобы сохранить финансовую деятельность в своих руках. Буржуазия старалась подобрать себе надежный и послушный финансовый аппарат. С его помощью собственники предприятий составляли фальшивые калькуляции на выпускаемые товары, обсчитывали рабочих, ухитрились получать большие прибыли за счет незаконного повышения цен и т. д.

Контроль над финансовой деятельностью капиталистических предприятий Коммунистическая партия рассматривала в то время как одну из своих центральных задач. В решении ЦК ВРП(к) от 11 ноября 1944 г. указывалось, что доходы капиталистов необходимо ограничить до нормальных размеров, а для этого следует пересмотреть калькуляционные нормы. Большая роль в этом отводилась комитетам Отечественного фронта на предприятиях¹⁴.

В резолюции, принятой на первом расширенном пленуме Центрального комитета профсоюзов в январе 1946 г., подчеркивалось, что «профсоюзы должны и впредь принимать все меры для контроля над составлением смет, вести решительную борьбу со вздуванием цен на товары и содействовать обеспечению государственного и общественного контроля над производством и потреблением»¹⁵.

Выполняя решения ЦК ВРПС (Всеобщий Рабочий Профессиональный Союз), профкомитеты на местах приняли самое активное участие в определении цен на товары. Эта деятельность профсоюзов была встречена капиталистами с нескрываемой злобой. В письме от 9 декабря 1946 г. председателю Совета Министров Союз промышленников протестовал против того, что решающим фактором при определении цен является мнение ВРПС¹⁶. В другом письме этот же Союз, решительно возражая против участия профсоюзов в установлении цен на товары, писал, что «профсоюзная организация не должна вмешиваться в государственную работу», что это вмешательство якобы «умалняет престиж народной власти» и может привести к «катастрофическим последствиям для промышленности»¹⁷.

Но рабочий класс решительно взял под свой контроль всю финансовую деятельность капиталистов. Так, например, Плевенский околийский Совет профсоюзов сообщал Верховному экономическому совету о попытках владельцев трех резиновых фабрик в г. Плевене утвердить фиктивные калькуляционные нормы на выпускаемые товары, что дало им до 6 млн. левов прибыли¹⁸.

¹² ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 284, л. 60.

¹³ Там же, л. 51.

¹⁴ ЦПА, ф. 1, оп. 8, д. 11, л. 2.

¹⁵ ЦДА на НРБ, ф. 53, оп. 1, д. 4, л. 165.

¹⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 151, л. 17.

¹⁷ Там же, л. 142.

¹⁸ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 225, л. 105.

В отчете комиссии по контролю над ценами на заседании ЦК ВРПС 6 июня 1945 г. отмечалось, что на многих предприятиях с помощью рабочих были пересмотрены калькуляционные нормы на многие виды товаров, в результате чего путем отчислений в «урavnительный фонд цен» народное хозяйство получило экономию около 500 млн. левов¹⁹.

Нередко хозяева фабрик под предлогом увеличившихся расходов самовольно повышали цены на выпускаемую продукцию. Так, владелец мармеладной фабрики в г. Пловдиве без согласия рабочих повысил цены и в кратчайший срок получил 5 млн. левов прибыли. При проверке оказалось, что наряду с другими расходами фабрикант включил в смету расходов зарплату своих братьев, жены и детей, которые в то время находились за границей. По требованию комитета Отечественного фронта были приняты срочные меры для нормализации положения²⁰.

Рабочий контроль над финансовой деятельностью капиталистов содействовал более эффективной борьбе со спекуляцией и ростом цен, воспитывал опытных работников финансового аппарата.

Нередко капиталисты саботировали заключение трудовых договоров или срывали их выполнение, отказывались выработать калькуляционные нормы, что давало им возможность продавать товары по спекулятивной цене и тем самым не только наживать огромные прибыли, но и мешать народной власти проводить в жизнь правильную политику цен. Например, владелец стекольной фабрики «Надежда» систематически срывал заключенный между ВРПС и Союзом промышленников договор, за счет вычетов из зарплаты рабочих покрывал расходы по содержанию столовой и уплачивал налоги. Невыполнение капиталистом договора послужило причиной стачки рабочих 14 мая 1946 г.²¹

Об огромных, незаконно нажитых богатствах в трудное для народа время свидетельствует такой факт: владельцы акционерного общества «Първа Българска стъкларска фабрика Гебедже» систематически продавали товары на черном рынке и за период с января 1945 г. по февраль 1947 г. получили 15 млн. левов прибыли. Эта афера была раскрыта органами хозяйственной милиции. Трех главным преступникам суд вынес смертный приговор. Фабрика перешла в собственность государства²².

Одной из форм саботажа являлось установление хозяевами таких трудовых норм, которые рабочие при всем своем желании не могли выполнить, и снижение на основании этого заработной платы рабочих. Подобные случаи, например, часто имели место на керамической фабрике «Бр. Иванови» (г. Попово)²³. Хозяева под различными предлогами увольняли с работы квалифицированных рабочих, активных общественных и профсоюзных деятелей. Например, собственник шахты «Бъдеще» систематически увольнял негодных ему рабочих, не заботился о безопасности труда, игнорировал сотрудничество с профкомитетом и смотрел на него как на врага²⁴.

Капиталисты особенно стремились избавиться от активистов Отечественного фронта и членов профкомитетов. Владелец завода «Сименс», например, в июле 1945 г. из трех членов комитета Отечественного фронта сократил двоих, в том числе секретаря²⁵; собственник фабрики «Камелия» в апреле 1947 г. уволил секретаря профкомитета и восемь рабочих-акти-

¹⁹ Там же, д. 8, л. 44.

²⁰ Там же, ф. 28, оп. 1, д. 2, л. 156.

²¹ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 311, л. 53.

²² «Работническо дело», 1947, 17 мая и 7 декабря.

²³ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 330, л. 126.

²⁴ «Труд», 1947, 20 декабря.

²⁵ ЦДА на НРБ, ф. 55, оп. 1, д. 306, л. 9.

вистов²⁶; под предлогом, что они еще не достигли совершеннолетия, летом 1946 г. было уволено 100 рабочих водохранилища «Бели Искър»²⁷.

В то же самое время капиталисты принимали на работу отъявленных фашистов, назначали на руководящие посты некомпетентных в производстве людей. Владелец химического предприятия «Х. Бакиш», например, принимал на работу ранее уволенных фашистов²⁸, хозяин варненской текстильной фабрики им. 1 Мая назначил директором фабрики двадцатилетнего юношу, только что окончившего гимназию и не имевшего ни малейшего представления о производстве²⁹.

Акционеры фабрики «Троица» в письме Союзу промышленников от 28 марта 1946 г. просили разрешения принять на работу уволенного по требованию рабочих фашиста. «В противном случае, — угрожали они, — мы будем вынуждены обратиться в ВХС, который должен будет снять с нас ответственность за невыполнение государственного плана»³⁰.

Трудящиеся давали решительный отпор проискам капиталистов, саботировавших налаживание производства, препятствовавших демократизации жизни в стране. Так, рабочие текстильной фабрики «Гебедже» на митинге 3 июля 1946 г. потребовали немедленного увольнения управляющего фабрикой, в прошлом отъявленного фашиста, который «систематически саботирует производство, грубо относится к профкомитету, взял себе в помощники еще одного фашиста, а 21 июня 1946 г. выгнал представителей 450 рабочих из своей канцелярии и отказался руководить производством, заявив, что все идет для государства, все идет для Отечественного фронта»³¹.

Цель подобных форм саботажа, как указывалось в резолюции общего собрания рабочих и служащих г. Дупницы (ныне Станке Димитров), ясна: «капиталисты хотят расстроить производство и скомпрометировать наш славный и творческий Всеобщий Рабочий Профессиональный Союз»³².

Решающую роль в удалении с предприятий фашистских элементов, злостных нарушителей трудовой дисциплины сыграли профкомитеты. Резолюции многих рабочих собраний и решения профкомитетов ярко свидетельствуют об этом. Так, по решению профкомитета фабрики «Св. Георги» было освобождено от работы 5 сотрудников, занимавшихся саботажем³³, с фабрики «Карапетков» было уволено 5 человек, которые «систематически собирались в канцелярии шефа и проводили в жизнь его директивы против прогрессивных рабочих, против Отечественного фронта»³⁴, в софийской таможне по требованию рабочих были уволены профашистские элементы, разлагавшие коллектив, выступавшие против профкомитета, тормозившие его инициативу³⁵.

Крайней формой борьбы рабочих с собственниками предприятий за удовлетворение своих справедливых требований являлась забастовка. Некоторые болгарские историки, касаясь проблемы рабочего контроля в рассматриваемый период социалистической революции, считают, что стачки будто бы мешали рабочим бороться против капиталистов, что они якобы

²⁶ ЦДА на НРБ, ф. 23, оп. 1, д. 30, л. 59.

²⁷ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 424, л. 32.

²⁸ СГОДА, ф. 22-к, оп. 1, д. 58, лл. 59, 88.

²⁹ ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, д. 330, л. 107.

³⁰ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 53, л. 125.

³¹ Там же, ф. 28, оп. 1, д. 399, л. 164.

³² Там же, д. 330, л. 66.

³³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 118.

³⁴ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 306, л. 29.

³⁵ Там же, л. 25.

содействовали капиталистам в саботаже производства. Об этом, в частности, говорит В. Радойков³⁶.

С подобным утверждением вряд ли можно согласиться. Г. Димитров указывал, что в условиях новой Болгарии, когда собственники предприятий не претендуют на роль абсолютных хозяев и не стремятся жить по старому фашистскому образцу, стачек следует избегать. Но в случаях, если собственники предприятий не желают понять, что они живут в новой обстановке, не хотят считаться с интересами и правами рабочих, стачки могут применяться. «Поэтому,— подчеркивал Г. Димитров,— наличие у нас профессиональных союзов не исключает и не может исключать стачек, когда они вызываются условиями обстановки»³⁷.

Стачки в тот период были разрешены народно-демократической властью. В параграфе 4 (пункт «Г») Устава ВРПС, принятого на его первом съезде, говорилось, что ВРПС поддерживает всяческую инициативу трудящихся и организует их борьбу, до стачек включительно, для защиты их интересов³⁸.

Конечно, прибегать к стачке надо было в исключительных случаях и проводить ее так, чтобы не нарушался нормальный ход производства. Умело организованные стачки действовали на владельцев предприятий отрезвляюще и разрушали их иллюзии о «скором возвращении» фашистских порядков.

О положительной роли стачек в рассматриваемый период говорят многие факты. 8 июля 1946 г. произошла стачка на шахте «Лигнит», хозяин которой не выполнял коллективного договора: не выдавал рабочим пайков, не обеспечил шахтеров одеждой, не захотел открыть рабочую столовую и завести трудовые книжки. Требования шахтеров были немедленно удовлетворены после объявления стачки³⁹.

Победой рабочих окончились стачки на стекольной фабрике «Надежда»⁴⁰, Тырновской кожевенной фабрике⁴¹, Габровской фабрике «Х. Метев»⁴², фабрике «Текстилна индустрия»⁴³ и др.

Рабочий класс осуществлял неослабный контроль над проведением в жизнь трудового законодательства. Эту работу проводили инспекции труда, организованные из передовых рабочих, членов профкомитетов и членов комитетов Отечественного фронта, а также из представителей высших государственных органов.

Так, Троянский околийский совет профсоюзов в 1945 г. провел на предприятиях 395 ревизий, целью которых была проверка выполнения трудового законодательства⁴⁴; Коларовградский околийский совет профсоюзов провел в марте 1945 г. ревизии на всех предприятиях околии и установил, что в результате нарушения трудового законодательства собственники предприятий ограбили рабочих на 800 тыс. левов⁴⁵.

На основании совместного решения ЦК ВРПС и Главной дирекции труда в ноябре 1945 г. была проведена повсеместная проверка предприятий с целью проконтролировать проведение в жизнь трудового законодательства народно-демократической власти. Было проверено 15 665 пред-

³⁶ В. Р а д о й к о в. Работническият контрол в нашата промишленост през първия етап на народната демокрация.— «Исторически преглед», кн. 5, 1955, стр. 23.

³⁷ Т. Д и м и т р о в. Там же, стр. 140.

³⁸ ЦДА на НРБ, ф. 55, оп. 1, д. 2, л. 412.

³⁹ СГОДА, ф. 15, оп. 1, д. 72, л. 141.

⁴⁰ ЦДА на НРБ, ф. 55, оп. 1, д. 311, л. 53.

⁴¹ Там же, д. 232, л. 89.

⁴² Там же, д. 325, л. 5.

⁴³ Там же, д. 424, л. 68.

⁴⁴ ОДА-Плевен, ф. 32, оп. 1, д. 35, л. 52.

⁴⁵ ОДА-Коларовград, ф. 18, оп. 1, д. 22, л. 5.

приятий (или 31% всех предприятий), на которых работало 143 342 человека (или 35% всех рабочих). В ходе проверки было составлено 3 870 актов о нарушении трудового законодательства: невыполнении собственниками предприятий коллективного трудового договора, отказе оплачивать сверхурочные работы и отпуска, неудовлетворительной охране труда и т. д.⁴⁶

Всего за период с 9 сентября 1944 г. по 1 августа 1946 г. Главная инспекция труда при активной помощи рабочих провела 106 731 ревизию на предприятиях, где работало 340 310 человек. О фактах нарушения трудового законодательства было составлено 19 995 актов⁴⁷.

Особенностью рабочего контроля в Болгарии в первые годы народной власти было то, что он первоначально осуществлялся комитетами Отечественного фронта, а затем профкомитетами на предприятиях.

Рабочий контроль, существовавший в болгарской промышленности до национализации в декабре 1947 г., носил общенародный характер, отвечал интересам всего трудового народа, поэтому он, как указывал В. Коларов, был «экономически возможен и социально необходим»⁴⁸.

Активное участие передовых рабочих новой Болгарии в борьбе за восстановление и развитие производства, в пресечении саботажа буржуазии сыграло большую роль в утверждении новых социалистических форм ведения хозяйства в первые послевоенные годы.

Будучи по своей сущности социалистическим мероприятием, рабочий контроль был одним из методов привлечения масс к управлению государством, служил великой школой социалистического воспитания народа.

⁴⁶ И. Бонев. Участието на българските професионални съюзи в осъществяване работнически контрол над производството на капиталистическата промишленост (1944—1947).— «Трудове на Висшия икономически Институт „Карл Маркс“», София, кн. 3, 1963, стр. 594.

⁴⁷ П. Петков. Държавният и работнически контрол над производството в капиталистическата промишленост у нас (1944—1947).— «Известия на института по история на БКП», София, 1961, № 8, стр. 187.

⁴⁸ ЦПА, ф. 1, оп. 9, д. 58, л. 23.

*Светлой памяти
Т. Лер-Сплавинского*

В. В. МАРТЫНОВ

ПРОБЛЕМА СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА И МЕТОДЫ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Для того чтобы определить место лингвистики среди других наук, занимающихся вопросами этногенеза, необходимо сформулировать с достаточной строгостью ее задачи и методы применительно к данной области. Полный охват этногонической проблематики предполагает широкое сотрудничество археологов, антропологов, этнографов и лингвистов, однако каждая из этих наук имеет свои, свойственные только ей задачи и методы. Именно эта их относительная самостоятельность создает основу для полезного сотрудничества и взаимной корректировки полученных результатов.

Центральная задача лингвистики в области этногенеза — установление серии пространственно-временных характеристик исторически известной нам этнической группы. Иными словами, для этнической группы, существование которой может быть подтверждено прямыми историческими свидетельствами, ретроспективно определяется доистория в виде временной последовательности локализаций по отношению к географическим ареалам и другим этническим группам.

Подобная постановка задачи определяется не столько соображениями общетеоретического характера, сколько теми возможностями, которыми располагает лингвистика. В этом нетрудно убедиться, если мы обратимся к рассмотрению лингвистических средств решения этногонических задач.

В настоящее время наблюдается сосуществование двух основных типов лингвистической аргументации в этногонических исследованиях. Условно их можно соотнести с традиционным и достаточно проблематичным разделением лингвистики на внешнюю и внутреннюю.

Внешнелингвистической аргументацией мы называем аргументацию, использующую межъязыковые сопоставления. Сюда относятся следующие основные методы:

1. Статистический анализ ареальных изоглосс.
2. Этимологический анализ географических и этнических названий.
3. Анализ ботанических и зоологических названий.
4. Анализ лексических проникновений древнейшей поры.

Нам уже приходилось говорить о недостатках и путях усовершенствования этих методов и о приведении их в соответствие с достижениями современного теоретического языкознания¹.

¹ См. В. В. Мартынов. Лингвистические методы обоснования гипотезы о вислоордской прародине славян. Минск, 1963, стр. 15—20; Е го же. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 18—24.

Внутрилингвистической аргументацией мы называем аргументацию, использующую системный анализ и средства внутренней реконструкции. Сюда относятся следующие основные методы:

1. Фонологический анализ.
2. Анализ по семантическим микроструктурам.
3. Топонимическая и этнонимическая стратиграфия.

Оба типа лингвистической аргументации теснейшим образом взаимосвязаны. Сам факт использования внутрилингвистической аргументации для этногонических исследований предполагает сравнительно-типологическое изучение результатов системного анализа, а следовательно, на каком-то этапе всегда имеет место межъязыковое сопоставление.

Применение большинства перечисленных выше методов исследования таит в себе ряд неиспользованных возможностей, прежде всего в отношении территории, привлекающей пристальное внимание наших археологов и лингвистов. Мы имеем в виду Припятское Полесье.

Припятское Полесье с лингвогеографической точки зрения чрезвычайно важно для решения проблемы этногенеза славян. В зависимости от того, какой из двух гипотез о локализации прародины славян (днепровско-припятской или висло-одрской) оказывается предпочтение, Припятское Полесье может рассматриваться либо как часть славянской прародины, либо как район первой славянской миграции. Во всяком случае западная часть Полесья является, по-видимому, своеобразным мостом, по которому проходило древнейшее переселение славян. С востока на запад или с запада на восток? Решение этой дилеммы, очевидно, следует поставить в зависимость от создания лингвистического атласа Припятского Полесья с тремя его частями (фонологической, семантической и топонимической). Такого рода лингвистический атлас мог бы оказаться сопоставимым с археологическим².

Предполагаемые три части лингвистического атласа Припятского Полесья, как нетрудно заметить, соответствуют трем упоминавшимся выше внутрилингвистическим методам этногонических исследований. Наше ограничение неслучайно. В дальнейшем мы постараемся показать плодотворность именно этих методов.

Но сначала о методах, которые, с нашей точки зрения, себя исчерпали. Это прежде всего так называемый статистический анализ ареальных изоглосс. О статистическом, в строгом смысле этого слова, анализе здесь вообще говорить нельзя. Число ареальных изоглосс, используемых обычно при такого рода анализе, настолько ничтожно, что, разумеется, ни о какой статистике не может быть и речи. Положение станет еще хуже, если мы попытаемся дифференцировать ареальные изоглоссы. Нам неизвестны объективные критерии подобного рода дифференциации, поэтому мы не можем приписать разным видам изоглосс (фонетических, морфологических, синтаксических, лексических) относительные стоимости (весá). Существо вопроса, по нашему мнению, кроется, однако, не в незнании такого рода критериев, а в их принципиальной невозможности. Ведь так называемые ареальные изоглоссы — это изолированные, случайно лежащие на поверхности явления, часто разного происхождения и разного значения, несмотря на кажущееся сходство. Предположим, однако, что в качестве ареальных изоглосс у нас фигурируют важнейшие определяющие факты языков, установленные путем строгого системного анализа. В этом идеальном случае нам следовало бы их распределить по уровням языкового ана-

² Ср. Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. — «Советская археология», 1960, 1, карта на стр. 298; Его же. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961; Его же. Первобытные памятники Полесья. М., 1962.

лиза, приписав каждому уровню определенную относительную стоимость (вес). Но как определить относительную стоимость (вес) уровня (resp. подуровня)? В нашем случае относительная стоимость или вес зависит от существенности данного уровня (resp. подуровня) для определения пространственно-временной близости сопоставляемых языков. И здесь мы сразу же сталкиваемся с непреодолимыми препятствиями. «Фонетическая близость» не является показателем генетической близости, а генетическая близость не предполагает фонетической близости. В таком случае важнейший в силу своей практической обозримости уровень сопоставительного анализа языков оказывается исключенным. В последнее время все чаще высказываются в пользу преимущественного анализа лексических ареальных изоглосс в этногонических исследованиях³. Но из-за трудностей, связанных с необозримостью материала, приходится довольствоваться сопоставлением отдельных лексем. Предположим, однако, что в этом случае изолированность фактов может быть компенсирована их числом, т. е. возможностью подлинно статистического анализа. Однако что собственно означает сам факт наличия некоторой лексической изоглоссы? То, что в двух сопоставляемых языках данная лексема сохранилась в качестве праязыкового архаизма? Но это не свидетельство в пользу их пространственно-временной близости. То, что в двух сопоставляемых языках данная лексема возникла независимо? Но это также не свидетельство в пользу их пространственно-временной близости. То, что данная лексема возникла в одном из двух сопоставляемых языков, а затем проникла в другой территориально смежным? Это несомненное свидетельство в пользу их пространственно-временной близости. Но ведь здесь мы незаметно перешли от анализа ареальных изоглосс к анализу лексических проникновений древнейшей поры⁴.

Все сказанное свидетельствует, как нам представляется, о том, что статистический анализ ареальных изоглосс как метод этногонических исследований себя исчерпал.

Мы полагаем, что исчерпал себя как метод этногонических исследований и этимологический анализ географических и этнических названий. Попытки этимологического истолкования названия, сводящиеся к попыткам восстановления его внутренней формы, в конечном счете должны рассматриваться как реликты донаучной ономастики, во всяком случае в такой же мере, в какой реликтами донаучной фонетики являются исследования по звуковому символизму.

Этимология названия — это соотнесение ономастической единицы с апелятивом известного языка и тем самым включение ее в лексический фонд данного языка. Никто не сомневается в том, что каждое название в конечном счете восходит к некоторому апелятиву, но с того момента, как оно стало названием, его внутренняя форма потеряла всякое коммуникативное значение и поэтому со всей неизбежностью подверглась многократной смене этимологизаций и деэтимологизаций. И если для апелятива восстановление внутренней формы наталкивается зачастую на огромные трудности, восстановление внутренней формы названия оказывается практически не осуществимым.

В последнее время все чаще и чаще высказываются в пользу преимущественного сопоставления названий с названиями⁵. Нет сомнений в том,

³ См., например, В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — «Известия АН СССР. Отд. лите-ратуры и языка», т. XIX, вып. 3, 1960.

⁴ В. В. Мартынов. Славяно-германские лексические изоглоссы. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXVII, 1963, стр. 134.

⁵ См. St. Rospond. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna slowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, s. 28 i n.

что этот путь перспективнее, однако что же здесь остается собственно от этимологии? Поскольку сопоставлением названия с названием исключается семантический анализ, усилия исследователя естественно переключаются на анализ словообразовательной структуры. А так как сопоставление с апеллятивом запрещено, восстановление словообразовательной структуры названия должно основываться на реконструкции территориально ограниченных словообразовательных типов путем обследования массового материала⁶. Но и здесь мы незаметно перешли от этимологического анализа географических и этнических названий к топонимической и этнонимической стратиграфии.

Наименее перспективным в качестве метода этногонических исследований оказался анализ ботанических и зоологических названий, что давно уже отмечали основоположники этногонических исследований⁷. В свете всего выше сказанного нетрудно увидеть причину этого. Названия растений или животного также склонны к максимальной дестимологизации. Объясняется это сменой географических зон в процессе миграции и действием табуистических замен, в связи с чем зооботаническая терминология в значительной мере теряет свои преимущества большей близости к апеллятивам. С другой стороны, зооботаническая терминология не располагает массовым материалом для реконструкции словообразовательных типов и не столь прикреплена к определенным ареалам в силу миграции животных и растений, не зависящих от миграций этнических групп.

Тем не менее, в качестве внешелингвистической аргументации некоторые отдельно взятые зооботанические термины все же, по-видимому, могут быть использованы. Что касается этногенеза славян или, точнее, их древнейшей пространственно-временной локализации, то более важными по сравнению с названиями деревьев являются названия проходных рыб, а среди них лосося и угря, первое из которых является общим для германобалто-славянского ареала, второе — для балто-славянского (ср. прус. *la-sasso*, лит. *lašišà*, латыш. *lasis*, др.-исл. *lax*, др.-англ. *leax*, др.-в.-нем. *lahs*; прус. *anguris*, лит. *ungurỹs*). Значение этих названий вполне понятно, так как, если предположить, что прародина славян находилась вдали от Балтики, промысел на лосося и угря исключался⁸.

Единственным внешелингвистическим методом этногонических исследований, не исчерпавшим себя и не сводимым к другим методам, остается анализ лексических проникновений древнейшей поры. Установление пространственно-временной близости этнических групп при помощи этого метода неоднократно испытывалось на самом различном языковом материале⁹. И, что особенно важно, анализ лексических проникновений, как показала исследовательская практика, может быть кардинальным образом усо-

⁶ Образцовой в этом смысле является работа: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁷ См. M. Vasmer. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923, S. 2; M. Vasmer. Czekanowski J. Kritisches und Antikritisches zu M. Vasmers Besprechung usw.—«Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. VII, 1930, 3—4, S. 506. Ср., однако, Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962.

⁸ Поэтому весьма ценным следует признать свидетельство ихтиолога: «Общность названий лосося, угря и миноги у ряда индоевропейских и финских языков указывает, что народы, говорившие на этих языках, с древнейших времен соприкасались между собой на берегах Балтийского моря» (Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян.—«Советская этнография», 1948, № 2, стр. 71). Ср. M. Rudnicki. Wartość nazw drzewa bukowego, lososia i rdzenia *lendh-* dla wyznaczenia prakolebki (praojczyzny) indoeuropejskiej i słowiańskiej.—«Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego», XV, 1956. Иначе К. Мосзуйски. O sposobach badania kultury materialnej Prastowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, s. 148.

⁹ См., например, Г. С. Кнабе. Словарные заимствования и этногенез.—«Вопросы языкознания», 1962, № 1.

вершенствован путем сочетания с внутрилингвистическими методами фонологического анализа и анализа по семантическим микроструктурам.

Эффективность такого рода сочетания повышается по мере увеличения степени надежности каждого предположительного лексического проникновения. Особое внимание к вопросам надежности связывается, как известно, с внедрением строгих методов в языкознание¹⁰. В настоящее время, когда методы типологической лингвистики нашли свое применение и в области изучения межъязыковых контактов¹¹, лексическое проникновение может рассматриваться как процесс взаимодействия двух фонологических систем и двух семантических микроструктур. В результате такого взаимодействия возможны как фонетическая, так и семантическая субституции. Строгий учет возможных новообразований в языке-источнике и возможных субституций в языке-приемнике объективно определяет степень надежности проникновения. Наличие определенного числа лексических проникновений, для которых устанавливается максимальная относительная надежность, дает основание для пространственно-временного соотнесения контактирующих языков, а следовательно, для решения этногонических задач.

Для изучения славянского этногенеза наиболее существенным оказывается славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры. Оно является одним из важнейших доводов в пользу гипотезы о висло-одрской прародине славян, так как предполагает в качестве необходимого условия длительную географическую смежность славян и германцев. Противники гипотезы выдвигали как основной лингвистический аргумент тезис о предполагаемом отсутствии славянизмов в прагерманском. В последнее время удалось обнаружить достаточное число надежных примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения древнейшей поры (середина I тысячелетия до н. э.). В дальнейшем исследование должно вестись как в направлении увеличения числа и надежности примеров славяно-германского лексического взаимодействия древнейшей поры, так и в направлении поисков следов древнейших взаимопроникновений в отдельных славянских и германских языках и диалектах.

Теперь перейдем к методам, применение которых таит в себе неиспользованные возможности. Мы имеем в виду внутрилингвистические методы фонологического анализа, анализа по семантическим микроструктурам, топонимической и этнонимической стратиграфии.

В настоящее время, когда, благодаря успехам типологической лингвистики, системное описание языка стало реальностью, лингвистическая география может перейти от картографирования разрозненных языковых явлений к картографированию языковых подсистем. Как известно, наиболее продвинутой областью лингвистики стала фонология. Картографирование фонологических систем и их фрагментов практически реализуемо уже сейчас.

Что может дать для решения этногонических задач такого рода картографирование?

Фонологическая система языка перестраивается под влиянием иноязычного субстрата, на который наслонился данный язык в результате миграции его носителей. Чем дальше фонологическая система иноязычного субстрата от фонологической системы наслонившегося языка, тем большую перестройку последней мы вправе ожидать. Поэтому вполне естественно

¹⁰ См. В. В. Мартынов. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения.— В кн.: Типология и взаимодействие славянских и германских языков. Минск, 1965.

¹¹ См. U. Weinreich, Languages in Contact. N. Y., 1953.

предположение о максимальной близости фонологических характеристик праязыка и диалекта, если его носители остались на территории прародины.

Такой способ решения этногонической проблематики по своей логической природе адекватен археологическому. Археологи устанавливают принадлежность древней археологической культуре исторически засвидетельствованной этнической группы в том случае, если можно доказать, что этническая группа оставалась на территории непрерывной преемственности археологических культур. В частности, для археологов доказуемость гипотезы о висло-одрской прародине славян зависит от доказуемости непрерывной преемственности культур в бассейнах Вислы и Одры (от лужицкой до раннеисторической)¹². Наглядную аналогию к этому представляет собой фонологическое обоснование. Если в отличие от других диалектов фонологическую систему данного диалекта можно рассматривать как результат непосредственного развития фонологической системы праязыка, то территория распространения диалекта может быть, по-видимому, отождествлена с территорией распространения праязыка. И в частности, территория распространения одного из современных славянских диалектов может быть, таким образом, определена как гипотетическая прародина славян (с известным приближением, разумеется)¹³.

Однако проверка этой гипотезы предполагает наличие соответствующих исходных данных, без получения которых она окажется бесплодной. Для того чтобы соотнести фонологическую систему живого диалекта с фонологической системой праязыка, необходимо путем внутренней реконструкции восстановить последнюю. Речь здесь идет о восстановлении не фонемного инвентаря, а некоторого типологического определителя на уровне фонем, способного вскрыть динамику фонетических изменений.

Такого рода типологический определитель должен быть синтагматичен, т. е. сводим к правилу сочетаемости системных единиц данного уровня, и составлять основу двойной типологической классификации языков. Синтагматичность типологического определителя оправдывается тем, что синтагматика является для нас непосредственно данной, а парадигматика выводима из нее (не может быть определителя, который в свою очередь нуждался бы в определителе). Двойная типологическая классификация (т. е. разделение множества объектов на два типа) как основа определителя оправдывается необходимостью получения предельно общей характеристики. Синтагматичность и двойность типологической классификации предполагает наличие двух видов взаимодействия, двух классов фонем в потоке речи. Нетрудно заметить, что разбиение множества фонем на два класса совпадает с разделением фонем на согласные и гласные. Синтагматический контакт консонантных и вокалических манифестантов фонем имплицитно содержит акустико-артикуляционную характеристику, которая сводится к аккомодации¹⁴. Аккомодация в синтагматическом плане определяется различной степенью уподобления С (согласного) последующему V (гласному). При максимуме уподобления (полная ассимиляция невозможна) между взаимодействующими в потоке речи соседними С и V воз-

¹² Этот тезис был обоснован Ю. Костшевским, его учениками и последователями. См. в последнее время: J. K o s t r z e w s k i. Zagadnienie ciągłości zaludnienia ziem polskich w pradziejach. Poznań, 1961; J. N a l e p a. Z dyskusji o przynależności etnicznej kultury łuzyckiej. — «Slavia Occidentalis», t. 22, 1962.

¹³ Впервые, кажется, на это указал Б. Каллеман. См. B. C a l l e m a n. Zu den Haupttendenzen der ur-slavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950.

¹⁴ См. В. В. М а р т ы н о в. Общая теория аккомодации и типология языков. — В кн.: Конференция по структурной лингвистике, посвященная базисным проблемам фонологии. Тезисы докладов. М., 1963. Полный текст доклада находится в печати.

никают глайды (i, u). Аккомодация в парадигматическом плане определяется различной степенью фонематической самостоятельности гласных и согласных.

При максимуме аккомодации противопоставляются консонанты. Вокалические призвуки выполняют функции дифференциальных элементов¹⁵. В процессе эмансипации вокалов система через стадию тембровой корреляции приходит к противопоставлению согласных по мягкости-твердости.

Степень аккомодации как предельно общая характеристика фонематического уровня должна стать основным типологическим определителем фонологической системы.

Из определения аккомодации следует, что аккомодирующие языки обладают по крайней мере двумя основными свойствами: консонантным или сонантным началом слова и предельной палатализацией — лабиализацией. Праславянский следует отнести к числу аккомодирующих языков¹⁶, ибо: а) все праславянские словоформы начинались с согласного или сонанта (начальному гласному предшествовали протезы i, u), что свидетельствует о фонематической несамостоятельности гласных; б) праславянскому было свойственно появление i -протезы перед гласным заднего ряда (**jutro*) и u -протезы перед гласным переднего ряда (**veprь*), что типично для диалектов с предельной палатализацией и лабиализацией; в) в праславянском наблюдалось смещение палатализованного k с палатализованным t (праслав. **vit'ed'z'ь* < прагерм. **wikinga*), что свидетельствует о сильном смягчении дентальных перед гласными переднего ряда (так называемом «дзекании-цекании» — очень мягком произношении дентальных перед гласными переднего ряда). Если мы обратимся к современным славянским диалектам, то без труда обнаружим, что указанные черты наиболее последовательно реализуются в великопольских говорах, ослабевают по мере движения на юго-восток и пропадают в южном направлении (в Карпатах)¹⁷.

В частности, так называемое «дзекание-цекание» характерно для лехитской, лужицкой и западнобелорусской групп говоров. В случае признания аккомодирующего характера праславянского языка не остается сомнений в том, что данное явление восходит к периоду, предшествующему распаду славянского языкового единства¹⁸, а следовательно, перечисленные группы говоров расположены ближе других к территории, откуда началась славянская миграция¹⁹. Говоры западного Полесья характеризуются процессом нарастающей декомодации. Здесь наблюдается типичная для промежуточных диалектных зон чрезвычайная нестрота типов диспалата-

¹⁵ См. J. van Ginneken. Ein neuer Versuch zur Typologie der älteren Sprachstrukturen.— «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 8, 1939.

¹⁶ В. В. Мартынов. Славянская и индоевропейская аккомодация.— В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Научная сессия. Тезисы докладов. М., 1964. Ср. работы, посвященные так называемому «групповому сингармонизму» в праславянском: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 2, 1929; Его же. К характеристике евразийского языкового союза.— В кн.: R. Jakobson. Selected Writings, I. s'Gravenhage, 1962. Гипотеза Р. Якобсона получила в последнее время широкое развитие в работах В. К. Журавлева. См. В. К. Журавлев. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке.— «Вопросы языкознания», 1961, № 4; Его же. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.

¹⁷ В. Саллеман. Ibid., p. 114.

¹⁸ Эту оригинальную точку зрения отстаивал О. В. Воук-Леванович. См. О. В. Воук-Леванович. Лекцыі па гісторыі беларускай мовы. Менск, 1927, стр. 301.

¹⁹ Ср. В. Н. Топоров. К проблеме балто-славянских языковых отношений.— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 33—34, 1961, стр. 213—214.

лизации²⁰. Так, на юг от средней Припяти фиксируется шесть типов рефлексации праславянских сочетаний $t, d + e, ь, ь'$ (не ударное): 1) \acute{c}, \acute{z} ; 2) t', d' ; 3) \acute{c}, d' ; 4) c, \bar{z} ; 5) c, d ; 6) t, d . Особенно интересен изоглоссный остров в Лунинецком районе с диспалатализацией $\acute{c}, \acute{z} > c, \bar{z}$, идентичный несколькоким изоглоссным островам кашубских, верхнелужицких, восточно-словацких и украинских подляских говоров²¹. Если предположить более или менее равномерную декомодацию по мере удаления от некоторого аккомодирующего центра, то последний придется локализовать в зоне тех же великопольских говоров.

Таким образом, есть серьезное основание подозревать вторичность декомодирующих типов для Припятского Полесья, а это (если это так) может быть интерпретировано как вторичный процесс в результате миграции с запада. О тесной связи западного Полесья с лехитскими говорами свидетельствует распространение γ -протезы в зоне, примыкающей к лехитской территории²².

Мы полагаем, что картографирование типов аккомодации в западном Полесье позволило бы определить направление древнейших миграций в этом районе. Далеко идущие выводы на основе тех неполных данных, какими мы располагаем в настоящее время, таят в себе опасность проецирования разновременных явлений на одну хронологическую плоскость, поэтому сформулированную выше интерпретацию полесских диспалатализаций следует рассматривать как рабочую гипотезу.

Переходим к рассмотрению принципов анализа по семантическим микроструктурам в этногонических исследованиях. Несмотря на значительное отставание типологической семантики сравнительно с фонологией, достижения современного теоретического языкознания стимулируют работу по картографированию семантических микрополей. Некоторые эмпирически полученные данные позволяют предположить, что древняя семантика сохраняется лучше в иноязычном окружении, и, таким образом, миграция не только не приводит к разрушению первичной семантической системы, но, напротив, способствует ее сохранению²³. Предполагается, следовательно, существование обратной зависимости между степенью сохранения фонологической и семантической систем.

Если это положение верно, то картографирование некоторых семантических подсистем позволит выявить диалекты, носители которых остались на территории прародины славян или по крайней мере вблизи нее. Итак, двигаясь от систем с максимальной семантической архаикой к системам, все более и более ее утрачивающим, мы постепенно должны прийти к зоне максимальной семантической инновации, которая (разумеется, с известным приближением) может быть отождествлена с гипотетической прародиной славян.

Однако и здесь проверка гипотезы предполагает наличие исходных данных, без получения которых она окажется бесплодной. Для соотношения семантических подсистем живых диалектов и языков с соответствующими подсистемами праязыка, необходима внутренняя реконструкция послед-

²⁰ См. L. Ossowski. Białoruskie gwarowe $c'a' (<t'd') \geq ca$. — «Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego», Seria A, № 5, Językoznawstwo, 1957; L. Ossowski. Kontynuanty prasłowiańskich połączeń $t, d + e$ na południe od środkowej Prypeci. — Там же; М. В. Бірыла. Парныя на цвёрдасці-мяккасці $\partial - \partial a'(\partial')$, $\tau - \tau'(\tau')$ у беларускіх гаворках. — «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. VII, 1960.

²¹ См. W. Kuraszkiewicz. Ukraińska dyspalatalizacja w gwarach podlaskich. — В кн.: Z polskich studiów slawistycznych, Seria druga. Warszawa, 1963.

²² Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта № 47.

²³ Согласно известной теории М. Бартоли украинные зоны ареала характеризуются лексической архаикой, в то время как центральные отличаются новообразованиями. См. M. Bartoli. Introduzione alla neolinguitica. Genève, 1925.

них. Для этого системный семантический анализ должен располагать своей достаточно строгой методикой, способной во всяком случае разрешить вопросы, связанные с этногоническими исследованиями. Центральным в кругу этих вопросов является следующий: в какой степени и каким образом может быть восстановлено значение лексемы праязыка? Обычно значение лексем праязыка восстанавливалось путем внешнего сравнения. Однако в семантике, как и в фонологии, должна быть применена и внутренняя реконструкция. Для этого предлагается анализ по семантическим микроструктурам²⁴. Семантической микроструктурой называется элементарная семантическая подсистема, состоящая из одной немаркированной и минимум одной маркированной лексем. Число маркированных лексем, т. е. противопоставленных данной лексеме по одному дополнительному признаку, может быть увеличено. Пример праславянской семантической микроструктуры: **prošiti* — **modliti* 'просить (вообще), — 'просить, обращаясь к божеству'.

При сравнении диалектов сопоставляются уже не изолированные лексем, а семантические микроструктуры, в результате чего определяется динамика семантического развития в языке. Семантические микроструктуры подвергаются различного рода перестройкам с переходом лексем из одной микроструктуры в другую. Семантическая подсистема, включающая в себя семантические микроструктуры, между которыми возможен обмен лексемами, называется семантическим микрополем. Предельные возможности перехода лексем из одной микроструктуры в другую, а следовательно, и границы семантического микрополя измеряются семантической амплитудой колебания²⁵.

Иллюзия необозримости лексического материала постепенно устраняется разбиением множества лексем на предметно-синонимические классы с последующим выделением в пределах каждого класса семантических микроструктур и объединением последних в микрополя путем установления семантической амплитуды колебания лексем. При этом границы семантических микрополей могут не совпадать с границами предметно-синонимических классов. В этом случае переходящая в другую семантическую микроструктуру лексема перейдет вместе с тем в другой предметно-синонимический класс. Это обстоятельство не должно смущать, поскольку выделение предметно-синонимических классов (т. е. фактически понятийное разбиение множества лексем) нужно только для составления программы. В результате исследования мы должны получить семантические микроструктуры и семантические микрополя. Последний этап нашего исследования будет заключаться в нанесении микрополей на карту и содержательной интерпретации их пространственной соотнесенности.

Итак, мы предположили, что семантические микроструктуры диалектов, максимально удаленных от своей гипотетической прародины, должны быть наиболее архаичными. Иными словами, должна существовать возможность отождествления таких микроструктур с соответствующими праславянскими. Опыт изучения славянской лексики свидетельствует о том, что древнейшие семантические микроструктуры мы обнаруживаем главным образом в южнославянских диалектах.

²⁴ См. В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие..., стр. 39—40; В. В. Мартынов. [Ответ на вопрос:] До каква степен и по какъв начин може да се възстанови лексикалният фонд на праславянския език?— В кн.: Славянска филология, т. 1, София, 1963, стр. 63—64; В. У. Мартынаў. Метады рашэння некаторых тыпавых этымалагічных задач.— В кн.: Беларуская мова. Мінск, 1965, стр. 188.

²⁵ См. Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава.— «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 36. Изложенная в этой статье новаторская методика изучения лексики открывает новые возможности для исследований по семантической типологии.

В сербско-хорватском, словенском, македонском, болгарском с теми или иными частными модификациями по диалектам для различения понятий 'кормить (вообще) — 'кормить скот' — 'кормить ребенка грудью' используются три лексемы: **xorniti* — **kъrmiti* — **dojiti* (ср. серб.-хорв. *xранишги, крмишги, дојшги*, словен. *hraniti, krmiti, dojiti*, макед. *xрани, крми, dou*, болг. *xраня, кърмя, доя*). Для обозначения понятия 'дойти' в южнославянских языках употребляется **mъlziti* (ср. серб.-хорв. *мјсти*, словен. *molsti*, макед. *молзе*, болг. *мълзя*). Архаичность микроструктуры **xorniti* — **kъrmiti* — **dojiti* лежит, как говорится, на поверхности. Сравнение с западнославянскими языками убеждает нас в том, что все наблюдаемые при этом различия — результат вторичных сдвигов. Так, выбывает из микроструктуры ее немаркированный член **xorniti*. В западнославянских языках эта лексема утрачивает значение 'кормить', расширяя в то же время круг абстрактных значений 'защищать, охранять, оберегать' явно вторичного происхождения (семантическое развитие: кормить — ухаживать — оберегать). В результате выхода из микроструктуры немаркированного члена его место должно быть занято либо лексемой из другой микроструктуры, либо маркированным членом той же микроструктуры. Реализуется последнее. В западнославянских языках **kъrmiti* становится немаркированным. Выбывает из первичной микроструктуры и **dojiti*. Перейдя в другую микроструктуру, оно вытесняет там первичное **mъlziti* 'дойти', а **dojiti* 'кормить ребенка грудью' также перекрывается немаркированным **kъrmiti*. Здесь подчеркнуты лишь основные семантические тенденции. Мы, естественно, лишены возможности рассматривать переходные микроструктуры по диалектам. Но уже приведенный пример преобразования одной древней семантической микроструктуры свидетельствует об интенсивной деархаизации в западнославянских языках, а точнее в лехитских диалектах, так как в чешских и словацких диалектах еще наблюдаются переходные явления. В результате преобразования рассмотренной микроструктуры утрачены древнейшие славянские лексемы **xorniti* 'кормить', **dojiti* 'кормить ребенка грудью', **mъlziti* 'дойти'. Об их праславянском характере свидетельствуют и внешние сравнения (ср. лит. *šerti* 'кормить' гот. *dad-djan* 'кормить ребенка грудью', лит. *milzti* 'дойти'). Можно привести в качестве примеров множество лексем, сохранивших свое первичное значение в южнославянских диалектах и утративших его в западнославянских. Ср. общеизвестные серб.-хорв. *брѣг* 'холм, возвышенность' (нем. *Berg* 'гора') и польск. *brzeg* 'берег', серб.-хорв. *стѣна* 'скала, большой камень' (нем. *Stein* 'камень') и польск. *ściana* 'стена': серб.-хорв. *нук* 'народ' (нем. *Volk* 'народ') и польск. *pułk* 'полк' и т. д.²⁶

Для полесских говоров мы также обнаруживаем архаичные (сравнительно с центральным массивом западнославянских говоров) семантические микроструктуры. Так, для западнополесского-мазовецкого ареала характерна микроструктура **baranъ* — *skopъ* — 'самец-овца' — 'кастрированный самец-овца' в отличие от других польских говоров, где зафиксирована адекватная данной явно вторичная микроструктура *morkacz* — *baran* с заменой первично маркированного **skopъ* первично немаркированным **baranъ*²⁷. Характерное семантическое единообразие западнополесско-мазо-

²⁶ В. М. Иллич-Свитыч интерпретировал южнославянско-балтийские (болгаро-литовские) лексические изоглоссы как результат древнейшей географической смежности (см.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. 2, М., 1962, стр. 436—437). Между тем в свете всего вышесказанного, южнославянские параллели к балтийскому могут рассматриваться как окраинная лексическая архаика в районах славянских миграций.

²⁷ См. J. Ta g n a c k i, *Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze)*, Warszawa, 1939, s. 65. Древность лексемы *skopъ* в значении 'кастрированный самец-овца' подтверждается результатом славянского лексического проникновения в

вещного ареала при его большей архаичности сравнительно с остальными польскими говорами свидетельствует, по-видимому, в пользу того, что этот ареал явился территорией древней славянской миграции. Именно под этим углом зрения следует, по нашему мнению, рассматривать полесско-южнославянские лексические изоглоссы (типа полесск *куча* 'сарайчик, закут', *шума* 'хвост, солома' и др. Ср. серб.-хорв. *kuћа* 'дом', болг. *шума* 'ветви, побеги'²⁸). Они не являются свидетельством ни в пользу древних связей с карпатским, ни тем более с южнославянским ареалом. Такого рода изоглоссы должны, как нам представляется, объясняться лишь общей семантической архаичностью районов славянской миграции. Разумеется, такого рода вывод может рассматриваться лишь в рамках излагаемых здесь рабочих гипотез. Для достаточно надежных результатов необходим анализ по семантическим микроструктурам массового материала.

При обследовании лексики Полесья в целях решения проблемы славянского этногенеза нужно постоянно иметь в виду возможность ее соотнесения с инославянской (славянские диалекты смежных территорий) и праславянской. Однако предварительно (и в этом заключается по существу основной этап работы) необходимо соотнести лексику одних районов Полесья с лексикой других районов. Мы полагаем, что для этого можно предложить количественные характеристики тройного рода:

1) формулу Юла²⁹, которая использовалась для определения генетической близости языков путем соотнесения их фонетических и грамматических черт попарно; в нашем случае она может быть применена для соотнесения лексики двух говоров без учета отношения к реалиям;

2) формулу Лапласа³⁰, которая использовалась для соотнесения лексики двух говоров с учетом отношения к реалиям;

3) формулу Левина³¹, которая может быть применена для соотнесения лексики двух говоров с учетом типов изменения в семантических микроструктурах путем приписывания типовым семантическим перестройкам различных весов пропорционально сложности перестроек.

Теоретически возможны три основных типа семантической перестройки³² (в порядке возрастания сложности):

а) перестановка:
$$\begin{matrix} x - \alpha \\ y - \beta \end{matrix} > \begin{matrix} x - \beta \\ y - \alpha \end{matrix}, \text{ где } x, y - \text{ лексемы, } \alpha, \beta - \text{ их значения};$$

б) генерализация:
$$\begin{matrix} x - \alpha \\ y - \beta \end{matrix} \left\{ \begin{matrix} \alpha \\ x \\ \beta \end{matrix} \right. \quad \text{или} \quad \begin{matrix} \alpha \\ y' \\ \beta \end{matrix} ;$$

в) внешняя замена:
$$\begin{matrix} x - \alpha \\ y - \beta \end{matrix} \begin{matrix} x - \alpha \\ z - \beta \end{matrix} \quad \text{или} \quad \begin{matrix} z - \alpha \\ y - \beta \end{matrix}, \text{ где } z - \text{ лексема, перешедшая из другой семантической микроструктуры.}$$

Остальные типы перестройки мыслятся как комбинации вышеприведенных. Им соответственно приписываются промежуточные веса.

германский. См. К. Moszyński. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław, 1957, s. 349; О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 80; В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие..., стр. 181—183.

²⁸ П. С. Лысенко в полесских говорах отмечает для *шума* значение 'решетки соломки, вживани до загачування'. См. П. С. Лысенко. Словник діалектної лексики сєрєднього і сєхідного Полісся. Київ, 1961, стр. 71.

²⁹ См. J. Czekański. Wstęp do historii Słowian. Poznań, 1957, s. 71.

³⁰ См. J. Taǵański. Studia porównawcze..., s. 76.

³¹ См. Ю. И. Левин. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами.— «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 114—115.

³² Ср. В. У. Мартынаў. Метады рашэння некаторых тыпавых этымалагічных задач..., стр. 188—189.

Общее в расчетах по этим трем формулам заключается в том, что сначала определяется мера близости говоров попарно, а затем вычисляется средняя мера близости данного говора ко всем остальным. Говоры со средней мерой близости, колеблющейся в определенных пределах, объединяются в одну изоглосную область. Изоглосные области с самой высокой средней мерой близости рассматриваются как зоны переходных говоров. Предварительные неполные расчеты по одной группе лексики³³ показали, что Припятское Полесье распадается на три зоны: восточную, центральную и западную. Расчеты по первым двум формулам выделили центральную зону как зону смешанных говоров. При этом восточная и западная зоны оказались разделенными только территориально, а не по количественным характеристикам. Третья формула определила западную зону как вторую после центральной по степени смешанности говоров, что может быть интерпретировано как результат позднейшей миграции с юга. Если на достаточно полвном и тематически разнообразном материале это разделение будет подтверждено, встанет вопрос о вычислении меры близости между говорами западной и восточной зон и соседними по отношению к ним славянскими говорами. Мы надеемся, что таким образом могут быть определены основные направления славянских миграций.

И в заключение необходимо рассмотреть вопрос о месте топонимической и этнонимической стратиграфии.

Развитие типологической лингвистики, сделавшее возможным использование результатов фонологии и в определенной мере семантики для решения экстралингвистических задач, дало ощутимые результаты и в области топонимики. Топонимика с давних пор играла важную роль в решении этногонических проблем. В этом, конечно, нет ничего удивительного, так как географические названия — самый заметный результат локализации и миграции этнических групп. Однако до последнего времени основные принципы методики топонимического исследования оставались настолько спорными, что использование пространственно-временных характеристик этнической группы оказывалось более чем сомнительным. Прежде всего неверным представляется в настоящее время положение о том, что районы наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности являются областью первоначальной локализации соответствующей этнической группы³⁴, т. е. что районы сосредоточения бесспорных славянских гидронимов совпадают будто бы с прародиной славян. Факты свидетельствуют как раз об обратном: районы со славянской гидронимикой являются районами славянского заселения³⁵. И это вполне закономерно. Если территория первичной локализации славян должна была при условии непрерывной топонимической преемственности сохранять гидронимику еще дославянскую (вероятнее всего, протобалтийскую), то районы славянских миграций обретали в большей или меньшей мере славянские названия, т. е. названия, возникшие в результате собственно славянских лексических и словообразовательных инноваций. Из этого общего постулата следует один чрезвычайно важный частный вывод. В районах славянских миграций могли сохраниться гидронимы, представляющие собой производные словообразовательные формы по отношению к соответствующим первичным формам гидронимов территории прародины. Справедли-

³³ Исследование выполнено А. С. Соколовской. Материалом послужили названия одежды и обуви. Было обследовано 20 населенных пунктов Припятского Полесья.

³⁴ Недавно справедливость этого тезиса была продемонстрирована В. А. Никоновым. См. V. N i k o n o v. Paradoxes toponymiques.— «Revue Internationale d'Onomastique», 1959, № 3.

³⁵ Первым, кто выдвинул этот тезис, был М. Рудницкий. Среди новых его работ см. M. R u d n i c k i. Prasiłowiańszczyzna Lechia-Polska, I. Poznań, 1959, s. 7.

вость этого вывода убедительно демонстрируется путем соотнесения первичных гидронимов бассейна Вислы с производными в уменьшительных формах бассейна Днепра³⁶. Последовательное применение сформулированного выше общего принципа должно привести к отказу от попыток определить языковую принадлежность «гидронимических корней», к замене их пространственно-временным соотнесением словообразовательных моделей, т. е. методом топонимической стратиграфии. На массовом топонимическом материале это, по-видимому, удастся показать путем установления более древних словообразовательных моделей для западнославянского ареала³⁷. Исследование микротопонимики Припятского Полесья методами топонимической стратиграфии пока не ведется. Между тем результаты такого исследования могли бы оказаться чрезвычайно важными для определения направления славянских миграций.

Итак, нами были рассмотрены три типа внутрilingвистической аргументации, которые позволяют установить некоторые пространственно-временные характеристики славянской этнической группы. При этом мы обратили особое внимание на обследование при помощи данной методики Припятского Полесья, лингвогеографическое изучение которого сулит большие возможности для решения проблемы этногенеза славян. Мы стремились показать достоинство новой методики лингвистического решения проблемы славянского этногенеза, а также и то, что ее применение уже сейчас приводит к подтверждению гипотезы о зарождении славянской этнической группы на западнобалтийской периферии³⁸.

³⁶ Это было убедительно обосновано в работах Т. Лер-Сплавинского. См. T. Le hr-Sp ł a w i ń s k i. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych.— «Rocznik slawistyczny», t. XXI, cz. 1, 1960.

³⁷ См. S t. R o s p o n d. Stratygrafia toponimiczna.— В кн.: Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne. Warszawa, 1958, s. 186.

³⁸ Положение о том, что славянская этническая общность возникла в западном ареале распавшегося во втором тысячелетии до н. э. протобалтийского этноязыкового единства уже давно отстаивается основателем современной теории славянского этногенеза Т. Лер-Сплавинским. См. T. Le hr-Sp ł a w i ń s k i. O pochodzeniu i praoczyźnie Słowian. Poznań, 1946; T. Le hr-Sp ł a w i ń s k i. Powstanie, rozrost i rozpad wspólnoty prasłowiańskiej.— «Przegląd zachodni», 1951, 3—4; T. Le hr-Sp ł a w i ń s k i. Konspekt zarysu etnogenezy Słowian.— В кн.: Z polskich studiów slawistycznych, Seria druga. Warszawa, 1963.

Л. Н. БУДАГОВА

О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ ВИТЕЗЛАВА НЕЗВАЛА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Приобщение к сокровищам мировой культуры, вбирающей в себя все своеобразие исторического и духовного развития разных народов,—необходимое звено в диалектическом процессе познания жизни.

Исключительную роль в этом взаимообмене культурными ценностями играет труд писателей-переводчиков. Успех произведения иностранного автора у русского читателя определяется не только талантливостью автора и достоинствами его творения, но и совершенством художественного перевода. Во власти и в возможностях писателя-переводчика донести до русского читателя все своеобразие и красоту оригинала или низвести большого писателя в ранг средних дарований. Во власти переводчика утвердить верное или ошибочное представление о писателе.

Поэтому так велико у нас в стране внимание к проблемам художественного перевода, так велико стремление к совершенствованию этого своеобразного вида творчества. Советские переводчики, используя богатые традиции почти двухсотлетней школы русского перевода, опыт развития русской поэзии и филологической науки, ведут постоянную работу над переводами лучших образцов мирового искусства.

Широким потоком идет к советскому читателю и литература зарубежных славянских стран: классическая и современная. Эта переводная литература довольно полно представляет русскому читателю творчество славянских писателей.

За последние годы появилось много работ, посвященных проблемам художественного перевода. Но даже в самых крупных из них, таких как сборники «Вопросы художественного перевода» (М., 1955), «Мастерство перевода» (М., 1959) или книга Е. Эткинца «Поэзия и перевод» (М.—Л., 1963), рассматривается главным образом практика переводов с западноевропейских языков и с языков народов СССР. Огромный опыт художественных переводов со славянских языков почти не изучается и не обобщается. Между тем такого рода исследования не только дали бы дополнительный материал для прояснения ряда теоретических проблем, но и способствовали бы улучшению качества переводов со славянских языков. Восполнить этот недостаток призваны, видимо, прежде всего филологи-слависты, знающие славянские языки и культуру, имеющие возможность провести необходимые сопоставления перевода с оригиналом.

* * *

В 1960 г. в Издательстве иностранной литературы вышла книга «Избранное» Витезлава Незвала, известного до этого русскому читателю лишь по переводам нескольких стихотворений, публиковавшихся в журналах и

в «Антологии чешской поэзии» (1959). Отдельным изданием выходила лишь поэма «Песнь мира» в переводе С. Кирсанова (1953). В 1964 г. появился небольшой сборник «Лирика» Незвала (Издательство художественной литературы).

Советский читатель получил возможность довольно широко ознакомиться с творчеством выдающегося чешского поэта, одного из крупнейших поэтов нашего времени.

В поэтической практике Незвала синтезирован опыт многих художественных направлений века минувшего и нынешнего. Незвал создал искусство широкого тематического диапазона, необычайного разнообразия художественных средств, направленных на максимально точное воссоздание духовного облика человека XX столетия, в его сложном отношении к действительности, в его непримиримости ко всем формам угнетения и фальши. Незвал — гигант поэзии, восставший против штампов, совершавший поэтические открытия всюду, куда бы ни скользнул его взгляд, даже казалось бы, в примелькавшемся и будничном. Перевод произведений Незвала — дело сложное, требующее от переводчика творческой смелости, большого поэтического кругозора.

Благодаря увлеченному и добросовестному труду целого коллектива поэтов-переводчиков, редакторов, составителя Н. Николаевой, в книгах Незвала «Избранное» и «Лирика» представлено несколько сот произведений поэта. Богатый состав изданий позволяет ощутить масштабы творческой деятельности Незвала. Прекрасно выполненные переводы ряда произведений донесли силу и характер его дарования, проблематику творчества, особенности его почерка. Во всем этом — бесспорный успех обоих изданий, уже отмеченный многочисленными откликами в чехословацкой и советской печати. Но тем более необходимо от признания труда в целом перейти к более внимательному его анализу. С деловой статьей о Незвале в русских переводах уже выступила составитель обеих книг Н. Николаева. Но тема эта далеко еще не исчерпана, исследование ее может и должно быть продолжено, хотя бы потому, что готовится новое двухтомное издание В. Незвала, куда войдут еще не переведенные его произведения, и где, как обещает составитель, будет уточнен и улучшен «ряд имеющихся переводов»¹.

Авторы изданных в Чехословакии монографий о творчестве Незвала — поэт И. Тауфер и критик А. Елинек отсылают читателя прежде всего к незваловской поэзии. Ведь «искусство доступно, как природа» (Незвал), и труд исследователя может лишь дополнить, уточнить представления о поэте, возникшие при чтении его книг.

Могут ли советские богемисты с той же легкостью отослать читателя к переводам незваловских произведений, оставаясь уверенными, что всегда Незвала найдет он на страницах подписанных его именем изданий? Какие-то потери неизбежны при воссоздании поэзии средствами другого языка. Но где они — в пределах допустимого, а где — искажают облик поэта? В каких случаях необходимо предупредить читателя, что это лишь неудачная имитация голоса поэта, а в каких заверить, что перед ним — Незвал?

* * *

«Искусство перевода находится во власти двух противоречивых тенденций. Переводные стихи должны производить на читателя непосредственное эмоциональное воздействие, они должны быть доступны, как

¹ Н. Николаева. Незвал в русских переводах. Сб.: «Чехословацко-советские литературные связи». «Наука», 1964, стр. 183.

доступен подлинник на родине оригинального поэта, — такова первая тенденция. Переводные стихи должны вносить новое; пусть они окажутся труднее для непосредственного восприятия, нежели более привычные стихи своих поэтов, зато они обогатят нас неведомым поэтическим содержанием, иной, чуждой нам образностью, новыми для нашей поэзии ритмами и строфами. Такова вторая тенденция.

Приспособить чуждое искусство к восприятию читателя, сделать непривычное — привычным, далекое — близким. К этому сводится художественный смысл первого метода.

Раскрыть перед читателем богатство искусства, показать красоту различных национальных форм, исторических напластований, индивидуальных творческих систем. Заставить его пережить эстетический восторг от далекого непривычного, чуждого искусства, от множественности идеала и художественных форм. Вот смысл второго метода»².

В русской переводческой школе закономерно побеждает вторая тенденция как более прогрессивная, способная обогатить не только наше сознание, но и саму русскую поэзию, подсказав ей новые возможности художественной выразительности. Именно в соответствии со второй тенденцией создаются новые переводы произведений разных времен и народов, которые в свое время были приспособлены к восприятию читателя. Заново переводятся, например, японские «хокку», или древняя лирическая поэзия Китая, своеобразие которых пропадало в переводах Бальмонта; и таких примеров — множество. Вторая тенденция побеждает, потому что совершенствуется, развивается, становится более гибким русский стих: что было еще недоступно русской поэзии XIX века, доступно поэзии века XX. Это оказывается возможным и потому, что развивается вкус читателя, растет его восприимчивость к искусству. Не только привычное, но и непривычное, сложное, способно доставить эстетическое наслаждение. Можно считать, что благодаря возросшей эстетической культуре читателя и благодаря все возрастающей универсальности русского стиха, эти две тенденции, которые Эткинд называет противоречивыми, перестают быть противоречивыми. Чуждое и далекое становится доступным и действенным. Но если вторая тенденция не противоречит первой, т. е. переводы, обогащающие нас «неведомым поэтическим содержанием», производят эстетическое воздействие, то первая тенденция — сознательное стремление «сделать непривычное привычным», «приспособить чуждое искусство к восприятию читателя» — второй тенденции неизбежно противоречит, препятствует воссозданию неповторимого своеобразие подлинника. Лучшие переводы Незвала выполнены в соответствии со второй тенденцией, когда побеждает стремление переводчика максимально точно, не приспособляясь к общепринятому и привычному, донести своеобразие «чуждого» поэта.

Возьмем переводы трех стихотворений Незвала из разных этапов его творческой биографии. Каждое — очень характерно для «своего» периода. Вместе — они представляют модель эволюции поэта, ожившей для русского читателя благодаря добросовестному и талантливому труду переводчиков, точно постигших замысел автора, идейно-художественную направленность его произведений.

В стихотворении «Памяти Владимира Ильича Ленина» (1924) звучит тема революционных преобразований, потрясших и прославивших нашу эпоху. Переводчик Л. Тоом хорошо почувствовал и постарался сохранить всю своеобычность незваловского решения этой темы. Поэт, как бы предвосхищая своих потомков, которым суждено будет взглянуть на нашу

² Е. Эткинд. Поэзия и перевод. М.—Л., «Советский писатель», 1963, стр. 414.

эпоху из далекого будущего и заметить самое яркое в ней, скупыми, броскими штрихами рисует ее облик:

...Мы были свидетелями эпох,
Когда вымидали династии,—
Когда гибель царей влекла гибель царств,
Как землетрясение — гибель города.

Достаточно вспомнить об этих днях,
И постигнешь, что такое война,
И великая революция,
И поэты фантазмагорические.

Много позже, читая обрывки листовок,
Восхищаться вы будете Лениным,
Вы будете плакать об этих днях,
Вошедших в ваше летосчисление...

А вот перевод стихотворения «Ночи», созданного Незвалом на рубеже 20-х — 30-х годов, когда достигают своего апогея романтические тенденции его творчества. Незвал создает страстный гимн ночи — ночи над средневековым городом, где тянутся к небу костелы и башни старых дворцов; ночи, населенной призраками, полной страха и очарования. Ночь во всем великолепии рассыпанных над землей звезд, полная не шорохов, не шепота, а гула, звона и вздохов, — подчиняет своим чарам читателя. Поэт Л. Мартынов почувствовал и передал всю силу могучего незваловского воображения, так волшебным образом преобразившего действительность. Первые строки перевода звучат несколько непривычно для читателя, но скоро это ощущение исчезает:

Ночь опрокинула золотой свой улей над вертоградами вечеров,
над ателье, над соборными башнями черными,
над порфирными дамбами и мглой дворов,
где крупнейших пушек чугуна от луны каменел.
В звоне окон, во вздохах дворцов на решетчатых дверцах капелл
геральдический прах весь трепещущий плыл, как
солнце, несомое на погребальных носилках.
Из стократнофонарных уступов домов темный гул изливали рояли,
и процессии белых монашек в цветущих лианах пропали.
Колокольчик заколотился и сонно затих;
я не видел всех этих красот, но вслепую я чувствовал их,
как лунатик, который покачивается над океанами вод,
пробираясь по крышам, где блещет громоотвод
и взрываются время от времени розы, ослепительнее гранат...

Для адекватного воспроизведения незваловских образов, для воссоздания картины ночи в ее торжественной неторопливости Л. Мартынов стремится как можно более бережно передать незваловскую лексику и синтаксис. С первой строки Л. Мартынов почти слово в слово повторяет Незвала. Незвал:

Noc vyrojila zlatý úl nad sady večerů
Nad černé věže katedrál a atelierů

Мартынов:

Ночь опрокинула золотой свой улей над вертоградами вечеров,
Над ателье, над соборными башнями черными,
над порфирными дамбами и мглой дворов.

Но из лексико-синтаксического соответствия возникает несоответствие метрическое. Чтобы сохранить лексику и синтаксис подлинника, переводчик выбивается из его размера. Вместо семистопного ямба в первой строке — свободный стих. Но в последующих строках Мартынов отказывается

от свободного стиха, его строфа обретает более оформленный размер. Переводчик не мог пренебречь прозрачной мелодией подлинника, заданной четким ямбом, хоть и не мог ее сохранить. Он выбирает среднее между свободным, раскованным стихом, где нет строгой зависимости лексики от размера, и силлабо-тоническим стихом, имеющим четкий метрический рисунок. Л. Мартынов прибегает к дольнику с анапестической основой. Строка Мартынова оказывается ритмически организованной, хоть и менее строго, чем в подлиннике. Таким образом, сохраняя круг представлений Незвала, но слегка расковав размер подлинника, Мартынов создает чрезвычайно близкое к оригиналу стихотворение, где и образы и широкая массивная строфа великолепно передают замысел Незвала, понятый и воспроизведенный поэтом-переводчиком, — показать величие и могущество ночи, уходящей за городские стены, распростершейся над всем миром.

Неизбежность каких-то потерь при воссоздании иноязычного произведения наглядно выступает при сравнении двух переводов стихотворения «Тихий час», созданного Незвалом в 50-е годы. В вариантах В. Николаева («Избранное») и М. Петровых («Лирика») — свои особые отступления от подлинника, позволившие каждому из переводчиков донести разные свойства этого редкого по красоте стихотворения, где смирится буйная фантазия поэта, так поражающая читателя «Ночи», и одна задача стоит перед ним — на едином дыхании напряженно-взволнованной речи выразить чувства человека, пораженного красотой земли, провожающей день и встречающей ночь.

В. Николаев очень тонко уловил эту интонацию подлинника, выжал экспрессивного монолога автора. В создании интонации участвуют метр и синтаксис поэтической речи: параллелизмы, анафоры и другие синтаксические фигуры. Отказ переводчика от одного из этих компонентов, в данном случае от размера подлинника, позволил передать необычность поэтической конструкции стихотворения, представляющего цепь сложносочиненных предложений, — и тем самым воспроизвести интонацию оригинала.

Большинство строк своего стихотворения Незвал начинает союзом «когда», искрой проскакивающим по всему стихотворению и спаивающим его в единую фразу. Николаев захотел непременно сохранить это «когда», эту цепочку сложноподчиненных предложений. Но односложное чешское «když» органически входит в хорейский размер подлинника, а русское двусложное «когда», начинающее строку, исключает хорей. И Николаев, отказываясь от хорей, использует дольник с амфибрахической основой, сохраняя зато близость к синтаксису, а благодаря ему — интонацию оригинала:

Незвал:

Navečer, když usíná
česká krajina,
když se v svalu měsíce
města, vesnice
ještě více sdružují,
když se snižují
hory, věže, komíny,
když se lekníny
otvírají jako v snách
na vodách,
když už tichne všechen chvat,
když jdu spat,
když se klíží oči hvězd,
když se z měst
rozléhají údery,
když se večery
proměňují v domina,

Николаев:

Когда приближается вечер,
Месяц, выйдя навстречу.
Сближает лучами своими
Контуры в небе синем
Короче и трубы и горы,
Ближе к деревне город.
Когда открываются к ночи
Белых кувшинок очи
На глади зеркальной, у брода,
В тихих водах,
Когда суматоха дневная,
Быстро стихая,
Сменяется звездным покоем,
Медленным боем
Часов городских на башне,
Что-то про день вчерашний
Лягушка поет торопливо,

když se začíná
oddechovat zhluboka,
když se do oka
vkrádá modrá jiskřička,
když se rosnička
plná rosy rozzpívá,
když se oliva
fantasticky rozvoní,
když se z jabloní
třpytí oči motýlů,
když je po dílu,
když se uzamýká síň,
ty si také odpočiň!

Воздух пьянит олива.
Когда опускается вечер,
Как домино на плечи,
Когда под разлитую свежесть
Дышится глубже и реже,
Когда серебрится месяц,
Прямо с яблони свесясь,
Когда даже в барах погасли огни —
Время пришло: отдохни!

М. Петровых в своем переводе предпочла сохранить хорей, что, однако, сразу же исключило анафористические ряды Незвала, начинающиеся с союза «когда». Она разорвала цепь сложносочиненных предложений, разбила незваловскую фразу на ряд самостоятельных простых предложений. Интонационное нарастание, эффектно обрывающееся в конце оригинала и перевода Николаева, глушится у М. Петровых до спокойной интонации описания, констатации. Зато, сделав синтаксис более непринужденным, ей, видимо, удалось обрести большую свободу в воссоздании образов стихотворения. М. Петровых лексически ближе к подлиннику. Более последовательно, чем Николаев, проводит она и сокращение слогов в каждой нечетной строке, что при полновзвучных рифмах вызывает у читателя звуковую ассоциацию эха:

Вечеру молчит, дремля,
чешская земля.
Тени городов и сел
месяц ближе свел.
Башни и вершины гор
синий сумрак стер.
Лишь кувшинки венчик свой
над глухой водой
раскрывают в чарах сна.
Тишина.
Очи звезд смежает сон.
Отдаленный звон
слышится из городов.
Отдых от трудов
возвещает этот час.
Он в душе у нас

отозвался глубоко.
Дышится легко,
и зрочки блестят тайком
звездным огняком.
Спится-дремлется лесам,
но лягушки там
завели речитатив.
Запахом оливы
напоен плодовый сад.
Искрятся, блестят
в листьях яблонь светляки.
Тянет от реки
холодком, и гуще тьма.
Заперты дома,
и погашены огни...
Отдохни, усни!

Переводы М. Петровых и В. Николаева дополняют друг друга. Вместе они дают более полное представление об оригинале, чем каждый в отдельности. Нельзя ли иногда, нарушив традицию, публиковать в одной книге два перевода, чтобы создать эффект объемного видения, как в стереоскопе, где совмещаются два изображения одного предмета?

Во всех разобранных примерах поэты-переводчики точно поняли замысел и своеобразие оригинала, пытались самоотверженно донести до русского читателя незваловскую поэтику. Но и в этих случаях возникала необходимость в чем-то отступать от подлинника. Здесь она была вызвана сопротивлением языка, принимающего в свои сферы произведение, рожденное в неповторимых условиях иной языковой базы.

Но расхождения между оригиналом и переводом бывают более существенными, когда особого рода трудности при передаче идейно-художественной структуры оригинала возникают из-за яркого своеобразия творческой индивидуальности переводчика. Так произошло, например, с переводом «Сигнала времени» (1931). Вдохновившись поэмой Незвала, Б. Пастернак создал поэтически совершенное произведение, не уступающее оригиналу по силе художественного воздействия, но... далекое от Незвала.

Как писала уже Н. Николаева³, Б. Пастернак понял и хорошо передал одно из главных свойств поэмы — ее публицистичность. Пастернаку удалось передать сложность незваловского восприятия жизни, однако свойственную обоим поэтам. Размышления о человеке и истории, неудовлетворенность настоящим и вера в будущее представлены в поэме и в переводе в удивительном единстве. Настоящее для Незвала — это точка слияния прошлого и будущего. Это — специфически незваловское ощущение, которое поэт пытался воссоздать еще в ранней поэзии и которое он удивительно точно, проясненно, передает в «Сигнале времени»:

Deset hodin orloj na radnici bije
z přítomnosti je už vráska historie
není absolutna v této panice
všecko splývá nevíš kde jsou hranice
vyvolávám stěží matné snímky dění
panic netrvá a všecko je i není...

/Десять часов бьют на башне куранты. /Настоящее уже лишь морщинка истории/ нет абсолютного в этой панике /все сливается, не ощущаешь границ /я с трудом проявляю мутные снимки сегодняшнего дня /ничто не вечно, все — есть и нет/.

И вот как не буквально, но поэтически точно, хотя и более резко, чем Незвал, передает это сложное ощущение постоянной изменчивости жизни Б. Пастернак:

Десять били куранты на башне,
День что завтрашний, что вчерашний —
В мире твердого нет ничего,
Все, что живо, то частью мертво.
Все различья сотрутся в остатке,
Все в неясности, все без разгадки.
Где событий бесчисленных след?
Ничего долговечного нет.

Но эмоциональная стихия поэмы, ее яркая многокрасочность, в переводе Пастернака несколько поблекла, стала однообразнее, строже. Пастернак смиряет необузданный незваловский темперамент, укрощает порыв, снижает эмоциональное напряжение. Вот как откровенно взволнованно Незвал, размышляя о последних часах Эдисона, передает счастье жить, особенно остро осознанное перед лицом смерти:

Smrti zápas s tebou vždy je nerovný
sedět uprostřed své tiché pracovny
být vyrušován zbytečnými léky
zrazen nevděčnými budoucími věky
kterým letěls vstříc jak přední závodník

ještě jedenkrát si vyjít na chodník
ještě jednou moci potěšit se jarem
ještě rozloučit se s životem jak s darem
ještě jednou spát a ještě jednou bdít
ještě moci chutnat bez výčitek klid
ještě zapomenout na všecko co drtí
na smutek a úzkost z života i smrti

/Смерть борьба с тобой всегда неравная /сидеть в своем тихом кабинете /нарушать свой покой бесполезными лекарствами /быть преданным неблагодарными грядущими веками /навстречу которым ты летел как спринтер-победитель /еще раз выйти на тротуар /еще раз насладиться весной, еще проститься с жизнью как с даром /еще раз заснуть и еще раз бодрствовать /еще раз попробовать безупречный покой /еще раз забыть все, что подавляет /печаль и тоску жизни и смерти/.

³ «Чехословацко-советские литературные связи», стр. 192.

И как бесстрастно, хладнокровно звучит эта строка у Б. Пастернака:

Смерть сражается с нами нечестно.	Вы спустились бы вниз на панель
Нас насильно уложат в кровать,	И прошлись бы бульваром весенним
Чтоб лекарства моря выпивать.	Со спокойным и твердым решеньем
Ты, спешивший в грядущее время,	Дома долго всем жить приказать
Будешь предан столетьями всеми.	И о жизни и смерти не знать.
То ли дело, покинув постель,	

Пастернак снимает анафористические ряды, меняет размер. Вместо пяти- и шестистопного хорей у него трехстопный анапест. Сократив строку, он уменьшил ее емкость. В переводе все стало более лаконично, расчетливо и чуточку бесстрастно.

В «Сигнале времени» Незвал дописывает, довершает биографию героя поэмы «Эдисон». Оба произведения связаны одним замыслом — прославить творческий труд человека, творческое отношение к жизни, прославить человека, сумевшего обуздать хаос природы и подчиняющего себе хаос истории. Оба произведения связаны общностью интонации — интонации безудержного страстного порыва, выносящего из глубин памяти и воображения целую лавину мыслей, образов, ощущений. Поэмы связаны и настойчивым повторением некоторых строк, звучащих рефреном в обоих произведениях.

На русском языке обе части незваловской диалогии выглядят как два совершенно различных произведения. И не просто потому, что в работе над переводами участвовали два разных автора, хотя логичнее было бы и при переводе связать эти поэмы единством творческой индивидуальности. Единства нет, потому что Д. Самойлов, переводчик «Эдисона», максимально близок к подлиннику. Б. Пастернак же очень сильно отошел от Незвала. И это особенно ощутимо на фоне самойловского перевода.

В своей статье Н. Николаева пробует объяснить отклонения Пастернака от подлинника его стремлением создать произведение более современного звучания, чем оригинал и перевод «Эдисона» Самойловым. Автор статьи пишет: «...Молодой поэт Самойлов старается перевести поэму Незвала как можно точнее, сохраняя всеми способами поэтику и незваловский стиль 20-х годов.

А 70-летний Пастернак сознательно старается придать более современное звучание поэме»⁴. Но о каком «более современном звучании» может идти речь в связи с этими двумя произведениями Незвала, где ярко выражен характер века в его проблематике и напряженности и круг представлений, характерный для современного человека? И не есть ли здесь лучшая гарантия «современности звучания» перевода его максимальная близость к подлиннику?

Строки, приведенные автором статьи в доказательство своего тезиса, знаменитые сквозные строки, связывающие обе поэмы и дающие отчетливое представление о разном подходе переводчиков к Незвалу, очень слабо убеждают в справедливости суждений Н. Николаевой. Цитируем статью: «...Знаменитое незваловское двустишие переведено Самойловым точно с сохранением двух рифмующихся слов:

Но дрожала ночь, подобно прерии,
под ударом звездной артиллерии.

Пастернак же опять делает по-другому: меняет незваловский образ на более современный:

Там идет распадений стрельба,
Там миров, там вселенных гроба»⁵.

⁴ «Чехословацко-советские литературные связи», стр. 187.

⁵ Там же.

Почему же первая строфа — менее современна, чем вторая?

«Удары звездной артиллерии» и «распадения стрельба» — эти образы в равной степени продукт поэтической кристаллизации атмосферы XX века. Но пастернаковское «вселенных гроба» привносит в мироощущение лирического героя поэмы налет трагизма и безысходности, чуждый оригиналу. К тому же строфа Самойлова в миниатюре раскрывает особенности поэмы, как молекула — свойства вещества.

Наиболее часто возникающий зрительный фон в обеих поэмах — земля, спящая под ночным небом, — сохранен и в переводе Самойлова. Пастернак же весь устремлен в миры вселенной. Изображение становится менее стереоскопичным, чем у Незвала и Самойлова.

Сохраняя незваловскую рифму «прерии» и «артиллерии», Самойлов сохраняет одновременно и характерную особенность стиля Незвала, сближенные отдаленных, не связанных привычными ассоциациями понятий на основе звукового единства слов. Одно понятие — из экзотического мира приключений, другое — из жестоких военных будней, а вместе, влившись в стихотворную строку, они великолепно помогли раскрыть красоту и сложность увиденного глазами Незвала мира.

Еще ярче богатство перевода Самойлова выступает при сравнении двух других строк, по-разному переведенных поэтами.

Вот уж души ищут под лучом рентгена
Как ихтиозавра в глине плицена.

(Пер. Д. Самойлова)

Близок день, после тканей и вен
Наши души возьмут под рентген.

(Пер. Б. Пастернака)

В превосходно звучащем двустипии Пастернака — понятия одного плана, взятые из близких жизненных пластов. А у Самойлова — точно схваченная незваловская фантазмагория, увлекающая в единый поэтический вихрь «артиллерию» и «прерии», «ихтиозавра» и «рентген».

Д. Самойлов превосходно доказал своим переводом «Эдисона» всю реальность, всю осуществимость более точного воссоздания незваловской диалогии, более совершенного воссоздания одного из магистральных произведений Незвала.

Пастернак же перевел поэму в иную, не свойственную оригиналу тональность. Он придал поэме большую строгость, лаконизм, лишил ее многокрасочной пестроты, столь характерной для незваловского отражения жизни.

Тем не менее «Сигнал времени» в переводе Пастернака — это произведение, бесспорно обогатившее русскую поэзию. Незвал велик и здесь, хотя, быть может, и не по-незваловски однотонен. Утеряны какие-то качества, но донесено «количество» незваловского таланта.

И такому расхождению с оригиналом мы, безусловно, отдадим предпочтение перед буквалистскими, но топорно выполненными переводами. Их «точность» компрометирует Незвала. Особые трудности встают перед переводчиком при воссоздании простого, ясного стиха Незвала. Очень нелегко бывает схватить ускользающее своеобразие кажущейся незваловской простоты, где вся сложность уходит в подтекст.

Внешне все предельно ясно в стихотворении «Дети идут», созданном в послевоенный период:

Jdou děti ze školky,
jdou kolem kopřiv, okolo pastuši tobolky.
Jak mám je rád, jak rád mám nářek sviště,
Melancholie věží v mé duši jako klíště!
Den je tak krásný, až je tesklivý,
pastuši tobolko a kopřivy!

Jak závidím ti lehkost, vodotrysku,
ach, moci hrát si znova s dětmi v písku...

Jdou děti ze školky,
jdou kolem kopřiv, okolo pastuší tobačky.

/Идут дети из детского сада /идут мимо крапивы, мимо пастушьей сумки/ /Как я люблю их, как люблю плач грызуна, /меланхолия в душе моей как клещ! /День прекрасен до боли, /пастушья сумка и крапива!/ /Как я завидую твоей легкости, фонтан/, /ах, если б снова поиграть с детьми в песке.../ /Идут дети из детского сада, /идут мимо крапивы, мимо пастушьей сумки/.

...Идут дети из детского сада, шумит фонтан, мелькнула пастушья сумка... Но эта мирная картинка вызывает сложные переживания в душе поэта. Беззаботность детей, легкость фонтана — заставляют ощутить тяжесть навалившихся на поэта прожитых лет, заставляют испытать чувство радости и грусти, спокойствия и тревоги. Только сложность всех этих ощущений Незвал передает легко, ненавязчиво, отдельными штрихами, пунктиром. М. Обручев, удачно воссоздавший более «осязаемое» стихотворение «Хоровая песня», в переводе стихотворения «Дети идут» потерпел неудачу. Перевод производит впечатление литературной пародии:

Вон дети из дetsада идут, смеются.
Крапива и пастушья сумка сбоку остаются.

Люблю я их, как плач сурка, рыдающего в поле;
Клещом во мне сидит тоска, мне сладостно до боли.

А день стоит и грустный, и красивый,
Мои пастушья сумки и крапива!

Вот бьет фонтан, он легок мне на зависить.
И мне б сидеть, с детьми в песке копаясь.

А дети из дetsада идут, смеются.
Крапива и пастушья сумка сбоку остаются.

Еще обиднее, когда такого рода зарифмованные подстрочники настоящей кочуют из одного русского издания Незвала — в другое, как это случилось с неудачным переводом одного из лучших стихотворений «На берегу реки Свратки».

* * *

Лучшие переводы Незвала обладают высокими эстетическими достоинствами, превращаясь при всей их близости к оригиналу в факт русской поэзии. Для лучших переводов Д. Самойлова, Л. Тоома, Л. Мартынова, М. Кудинова и многих других поэтов-переводчиков характерно очень бережное отношение к поэзии Незвала, стремление как можно меньше расплескать богатство оригинала. Творчество таких переводчиков основано на доверии к широкому читателю, на вере в его способность воспринять все своеобразие чешского поэта.

Но в переводах Незвала просматривается и другая тенденция, тенденция «опрощения» поэта, выравнивания его по общепринятым канонам. Это проявилось в пренебрежении к незваловскому свободному стиху, которым он охотно пользовался в 30-е годы. Для Незвала свободный стих был средством максимально точного выражения мысли, средством передать естественный ход человеческих рассуждений, не сковывая их размером.

«Когда я очень счастлив, я говорю просто», — сказал Незвал в стихотворении «Тон» и сказал это свободным стихом, преобразованным Г. Анд-

реевой и пятистопный ямб: «Когда я счастлив, речь моя проста». В переводе Незвал противоречит сам себе: в самом размере — патетика!

Свободный стих, несколько непривычный для русского читателя, хотя и получивший в русской поэзии права гражданства, у многих переводчиков (исключение составляют Л. Мартынов — «Антилирика», И. Иванов — «Бунт безумия», И. Сельвинский — «Будущая война») сплошь и рядом превращается в традиционный силлабо-тонический белый стих. Этот размер, возникающий на месте незваловского раскованного свободного стиха, иногда принуждает переводчика, связавшего себя инерцией избранного им ритма, привлекать довольно банальные образы, призванные лишь поддержать четкую метрическую конструкцию стиха. Так произошло с переводом Г. Мазуриным отрывка из поэмы «Мать-Надежда», который Н. Николаева неудачно приводит как пример «простоты» перевода, тождественной простоте подлинника. Даже из подстрочника Н. Николаевой видно, насколько Незвал в своем свободном стихе, предполагающем наиболее естественное употребление слов, — прост. И как непрост и банален переводчик со своими откуда-то прилетевшими «жаворонками-птичками», «сказками-дивными», «мельницами-ветрянками», «птицами-гусями». Неужели простое незваловское — жаворонок, легенда, мельница, гуси — хуже, менее поэтично, чем образы переводчика, позаимствованные у сентиментального дубка?

К сожалению, эта тенденция к «опрощению» Незвала нашла поддержку в некоторых положениях статьи Н. Николаевой. На наш взгляд, Н. Николаева не всегда верно нащупывает грань между принципиально непереводаемым и просто непереверженным, между неизбежными и произвольными отступлениями от подлинника. Иногда случайные неудачи переводчика, вызванные, быть может, его невнимательным отношением к оригиналу, Н. Николаева склонна объяснить и оправдать объективными обстоятельствами — разницей поэтик, русской традицией и необходимым приспособлением к восприятию читателя. Разбирая вслед за М. Благинкой неудачный перевод стихотворения «Экзотическая любовь», где незваловский преднамеренный примитивизм «дописан», «дорисован» переводчиком примерно так, как художник-передвижник дописал бы импрессиониста, Н. Николаева пишет: «Да, на этом примере видна разница в поэтике Незвала и поэтике русского стиха. Но далеко не все объясняется только этим. Возьмем, например, незваловскую строчку: „Он — революционер и любит финики“. Русская традиция почти исключает такое сочетание слов, хотя в оригинале здесь нет ни малейшего иронического оттенка. Стихотворение „Экзотическая любовь“ написано Незвалом в период его увлечения поэтизмом, явно адресовано сравнительно узкому кругу читателей, который воспринимал его как приблизительно такого рода заявление: „да — мы революционеры, но мы не каменные и не бумажные, мы можем любить также и женщин и, если хотите, даже и сладкие финики“. Широкому читателю, да тем более воспринимающему поэта в переводе, вероятно, этот полемический оттенок неясен и его не донести! А отсюда — отступление от текста»⁶.

Но зачем так узко понимать русскую традицию и недооценивать восприимчивость русского читателя? Может быть, речь должна идти не о «русской традиции» вообще, а об одной из ее линий, близкой переводчику, и не о разнице между поэтикой Незвала и поэтикой русского стиха, — ибо поэт-переводчик не всегда может оказаться ее полномочным представителем, а об индивидуальных качествах переводчика? В данном случае, как нам представляется, переводчик просто не сумел, или не захотел выйти за

⁶ «Чехословацко-советские литературные связи», стр. 190.

пределы общепринятых привычных представлений и проявить творческую гибкость. Столкнувшись в стихотворении Незвала (кстати, адресованном не «узкому кругу», как предполагает Н. Николаева, а широкому читателю)⁷ с революционером, который любит негритянскую девушку и пишет экзотические стихи на радость беднякам, он дал волю собственной фантазии и создал образ борца против колониального гнета, сочиняющего грозные напевы.

Отрывок из стихотворения Незвала:

Miluje měnící se plaché kolibříky
z barevných obrázků
je revolucionář a má rád sladké fiky
a myslí na lásku

A jeho exotické básně rozechvějí
ponejvíc chud'asy
ti mají také rádi poesii
mé žhavé oasy

/Он любит изменчивых колибри /с красивых открыток, он революционер и любит сладкие финики /и думает о любви /И его экзотические стихи волнуют /больше всего бедняков /они тоже любят поэзию моего жаркого оазиса/.

А вот как звучит перевод:

— Мой милый любит сок кокосовых орехов,
Колибри крошечных и черный мой народ.
Нет, не чета он тем, кто с плетью к нам приехал,
Он — революционер, он против всех господ!

— Его стихи звучат напевно, грозно, страстно!
Их знают бедняки! Их любят бедняки! —
Так девушка поет в оазисе прекрасном,
Когда сухой пассат колышет тростники.

Завершая анализ перевода «Экзотическая любовь», Н. Николаева пишет: «И все же перевод этого стихотворения — просчет и переводчика и в еще большей степени редактора книги». Это верно, только перевод — не «все же неудача», а закономерная неудача, ибо трудности, с которыми здесь столкнулся переводчик (кстати, ему принадлежат хорошие переводы стихотворений «Городские скрипки», «Васильки и города»), видимо, встали перед ним с той же неодолимостью, с какой они встали перед редактором книги.

Н. Николаева еще раз вспоминает традицию русского стиха, когда оправдывает существенные отступления Б. Ахмадулиной от подлинника в переводе стихотворения «Осенние листья». Поэтесса, видимо, не удовлетворившись строгой простотой оригинала, а может быть, просто не почувствовав его прелести по подстрочнику, необыкновенно разукрасила, расцветила строгую канву. Стихотворение поэтессы получилось более изощренным, более многословным, каким-то кокетливо «женским». Незвал написал свое объяснение в любви страстно и сдержанно, и это хорошо почувствовал и передал другой переводчик «Осенних листьев» И. Иванов.

Отрывок из перевода И. Иванова:

Осень бросает листья на ржавые струны рояля,
А я вам читаю свои стихи.

⁷ Об эстетической позиции Незвала периода «поэтизма», о его стремлениях быть понятым широкой читательской аудиторией см. в нашей статье «О некоторых противоречиях чешского поэтизма» (сб. «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке». «Наука», 1963).

В них не шумят фонтаны, и все же
 Я, как вы знаете, поэт несколько романтический.
 Синева ваших глаз словно крошечные акварели, в которых —
 о волшебство! — есть все,
 За что вы любите осень. Музыка осени
 Лишает вас простоты в обращении.

 Как и я, вы любите «Лорелей».
 Шарманщик ее повторяет тринадцатый раз —
 ах, несчастливое число!
 Любовь — это болезнь.
 И все-таки будьте счастливы. Этот неизлечимый недуг —
 Вечный источник поэзии.

Отрывок из перевода Б. Ахмадулиной:

Вот осень осыпает листья в ржавеющее фортепьяно.
 Как жаль, что нет фонтана в этом большом саду.
 Я
 в месяц увядания ромашек
 и прочих трав
 читаю вам стихи.
 Вы знаете, что я чуть-чуть романтик,
 и улыбаетесь.
 Синь ваших глаз
 чрезмерна, словно живопись,
 изображающая синеву.
 Как слабый инструмент, звук исторгает жимолость.
 Под осень, как под музыку, вам трудно двигаться
 непринужденно.

 Как Лорелей песенка чиста!
 Тринадцать раз ее сыграл шарманщик.
 Объединяет нас несчастье этого числа.
 И все же — будьте счастливы.

О, будьте счастливы,
 пока болеет лес
 опасной желтизной,
 пока в моей душе живой
 тяжесть, словно любовь, болезнь,
 предшествующая поэзии.

Присущие переводу Ахмадулиной черты изощренности, иногда красоты, Н. Николаева объясняет «русской традицией». Не точнее ли объяснить эти отклонения не столько русской традицией, сколько своеобразием поэтессы, своеобычностью ее лирического дарования, которое помешало ей как переводчику взглянуть на мир глазами чешского поэта, со всем необходимым самоотречением. Б. Ахмадулина не вышла за границы собственной поэтики.

В книгу Незвала перевод Б. Ахмадулиной входит с трудом. И совсем несправедливо он вытесняет хороший перевод И. Иванова.

* * *

Над переводами Незвала трудился очень большой коллектив, объединивший поэтов разных индивидуальностей и судеб. То, что нежелательно в работе над поэтом более монолитным и единообразным, находит свое оправдание в работе над Незвалом, поэтом многоликим, стремившимся к максимально точному отражению самых противоречивых свойств человеческой личности, поэтом, охотно экспериментировавшим в духе самых разных художественных направлений, для которого форма вийоновской баллады была столь же органична, как форма свободного стиха.

Незвал, перефразируя название одного из его сборников 30-х годов, — «поэт во множественном числе», и это оправдывает «множественность» творческих сил в работе над переводами Незвала. Поистине каждый из переводчиков мог найти что-то близкое для себя в многогранной незваловской поэзии.

Но в то же время есть и опасность в чрезмерном рассредоточивании переводческих сил. Давно известно, что наиболее точно и совершенно воссоздать оригинал могут переводчики, объединяющие в себе дар художника и исследователя. Интересные и убедительные доказательства этому приводит, например, Е. Эткинд, рассказывая о работе В. Брюсова над переводами из армянской поэзии, И. Дьяконова над эпосом о Гильгамеше, М. Лозинского над Данте. Исследование творчества иноязычного автора, способствующее «вживанию» поэта-переводчика в чужой поэтический мир, легче и естественнее происходит в том случае, когда творчеством писателя постоянно занимается один, или, по крайней мере, небольшая группа переводчиков, когда иностранный автор обретает «своих» переводчиков. Вряд ли «распределение» творчества Незвала между несколькими десятками поэтов-переводчиков (их более 30!) способствует активизации исследовательских усилий переводчиков, их проникновению в своеобразие судьбы, личности и творчества поэта. Вряд ли это способствует созданию максимально качественных переводов. А круг поэтов, привлекаемых к работе над Незвалом, не сужается, а растет. Это, видимо, в какой-то мере оправдано, пока работа над переводами находится в стадии эксперимента, поиска, пока еще Незвал «ищет» своих поэтов. В дальнейшем надо, не отказываясь вовсе от привлечения новых сил, стремиться не к расширению, а к стабилизации состава переводчиков. (Во Франции, например, Незвал имеет «своего» переводчика, Франсуа Керела.)

Иногда переводчики пренебрегают «мелочами», которые не являются мелочами в контексте всего творчества Незвала. А контекст этот они подчас не могут почувствовать, так как поле зрения их бывает чрезвычайно сужено, ограничено несколькими стихотворениями, одной поэмой, в лучшем случае циклом стихов. Возможно, конечно, что поэты лишь повторяют ошибки, допущенные в подстрочнике, но это лишний раз доказывает нежелательность такого посредничества между писателем и его переводчиком⁸.

В стихотворении «Море» выражена стихия человеческого отчаяния, скорби, боли. Стихотворение построено так, что упоминание поэта о трудностях и невзгодах теряется в метафорах, раскрывающих красоту моря. Как будто морские волны смывают с души, топят в себе человеческое отчаяние. Каждую строфу заключает рефрен: «О море, что тебе мое горе!» И в переводе хорошо передана эта зыбкость, движение образов — эти наплывы морских волн на островки человеческих бед:

Неотдыхающее море,
о, что тебе мое горе
и что тебе судьба товарищей!
Что это горе против боры, и день и ночь тебя вздымающей?
Да и когда шторма пройдут, когда спокойно ты, глубоко...
Взлетают птицы, бродит добрый люд.
И ты свой воспеваешь труд,
рыдающее, голубое и ясновидящее око,
неотдыхающее море,
о, что тебе мое горе!

⁸ Справедливости ради заметим, что ошибок, вызванных курьезами в подстрочных переводах, мало в обеих книгах, что делает честь автору подстрочников. Хочется лишь указать на один — вопиющий. В великолепный перевод А. Ахматовой «Продавщицы чудес» вкралась ошибка. Вместо «Продавщицы ядовитых грибов» ее героиня превращена в продавщицу «ядовитых губ», видимо, по воле подстрочника, где чешское «hub», т. е. род. п. множ. ч. от «houby» — грибы, оставлено без перевода.

Стихотворение Незвала завершается внезапным подъемом чувств. Уже ставший привычным рефрен вдруг звучит иначе: «О море, что мне твое горе!» Он возникает в конце той строфы, где Незвал пишет о неизбежности смерти, с чем он никогда не мог примириться. И эта мысль вызывает такой могучий всплеск скорби, перед которым меркнет даже буйство морской стихии. Поэт уже весь во власти своего чувства.

А в переводе и в последней строфе — прежний привычный рефрен: «О, море, что тебе мое горе!» Теряется динамичность, снижается эмоциональное напряжение и меняется смысл подлинника. К сожалению, подобный пример — не исключение.

* * *

Переводы более чем трехсот незваловских произведений, выполненные большим количеством переводчиков, — неодинаковы по качеству. Мы привели лишь некоторые случаи творческих неудач и успехов. Кроме того, огромное количество материала, в том числе переводы незваловских драматических произведений, осталось за пределами нашего внимания. А ведь в каждом из отобранных составителем произведений — от четверостишья до большей поэмы — скрыты драгоценные проявления могучего поэтического таланта, незаурядной человеческой личности. Каждое из произведений Незвала может и должно быть представлено читателю в своем неповторимом своеобразии. Как мы видели, отступления от подлинника почти неизбежны. Видимо, необходимо стремиться к тому, чтобы они были минимальны. К неизбежным отклонениям от оригинала мы отнесем те, которые связаны с сопротивлением языка, со своеобразием языковой системы, где воссоздаются произведения, рожденные иной «материальной базой». Отклонения, которые, на наш взгляд, желательно избегать, связаны с противоречиями между индивидуальностью автора и индивидуальностью переводчика. И, наконец, решительно недопустимы художественно слабые переводы, компрометирующие незваловский талант или заведомо опрощающие подлинник, приспособляемый к привычным представлениям.

Лучшие переводы отличает максимальное внимание к поэтике Незвала, творческая гибкость их авторов, мобилизующих все богатые ресурсы русской поэзии и русского стиха, учитывающих опыт развития русского переводческого искусства. Такие переводы заставляют забыть о противоречиях традиций и поэтик. Они дают возможность читателю во всем богатстве модулирующей услышать живой голос «чужого» поэта. Большое количество полноценных переводов в обоих русских изданиях Незвала оставляет уверенность в том, что творчество Незвала со временем предстанет перед нашим читателем в еще большей точности и многообразии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЯЗЫКОЗНАНИЯ В «РОМАНОСЛАВИКЕ»¹

С 1958 г. Ассоциация славистов Румынской Народной Республики выпустила в свет 10 томов издания «Романославика». В них опубликованы исследования румынских ученых по различным проблемам славистики в области языкознания, истории, литературы и фольклора. Отдельные тома издания нередко приурочиваются к крупным событиям научной жизни. Так, первые 3 тома посвящены IV международному конгрессу славистов в Москве в 1958 г., а IX—V конгрессу славистов в Софии в 1963 г. Руководит изданием «Романославика» редакционный комитет, в который входят академики Э. Петрович (ответственный редактор), П. Константинуеску-Янш, А. Росетти и другие ученые. Настоящий обзор ставит целью познакомить советских читателей с исторической и лингвистической проблематикой этого издания.

* * *

Значительная часть статей и материалов «Романославика» посвящена истории румыно-славянских связей. Привлекает к себе внимание статья М. Комща «Новые сведения о расселении славян на территории РНР» (т. IX, стр. 505—529). Основываясь на данных последних археологических раскопок славянских поселений VI—VIII вв. на территории РНР, автор по-новому освещает отдельные вопросы развития материальной культуры у славян, их расселения в Карпато-Дунайской области и связи с местным населением.

В период Первого Болгарского царства (IX в.) местное население и славянские племена, обитавшие к северу от Дуная, подверглись значительному влиянию со стороны южных славян в области матери-

альной культуры, языка, обычаев и общественной жизни.

В статье Шт. Штефанеску «Румыно-болгарские связи в IX—XIV вв. и становление румынской государственности» (т. IX, стр. 531—542) рассматривается влияние болгар на социально-политическую организацию населения, проживавшего в IX—XIV вв. к северу от Дуная, и на образование первых государственных объединений в Молдавии, Валахии и Трансильвании. Тематически к этой проблематике примыкает интересная статья Д. К. Джорджеску «Экономические отношения Валахии со странами Балканского полуострова в период раннего феодализма (X—XIII вв.)» (т. X, стр. 359—384).

Вопросы развития славянской культуры в северной Трансильвании и Марамуреше в VI—XIII вв. освещаются в работе П. Олтяну «О зачатках славянской культуры в северной Трансильвании и в Марамуреше» (т. I, стр. 169—197).

Палеографическому и лингвистическому анализу открытой в 1950 г. румынскими археологами в Добрудже надписи 943 года (самой древней надписи кирилловского письма, высеченной на камне и снабженной датой) посвящена статья Д. П. Богдана «Добруджанская надпись 943 года» (т. I, стр. 88—104).

Статьи П. Ш. Настурел «Новые данные о некоторых сокровищах монастыря Путны» (т. III, стр. 137—156) и «Новые сведения относительно облачений и утвари, найденных в монастыре Путна» (т. IV, стр. 267—286) являются результатом исследований, произведенных автором в Путнянском монастыре, который во времена Стефана Великого был известным культурным центром. Автор вносит исправления в текст отдельных славянских и греческих надписей, сохранившихся в монастыре, а также дает описание открытых им здесь культурных ценностей XV—XVII вв.

В статьях В. Костакел: «Общность терминологии „Русской Правды“ и румынских средневековых памятников» (т. I, стр. 73—87), «Сравнительно-исторический метод в румынской медиэвистике» (т. II,

¹ «Romanoslavica», vol. I—X. București, 1958—1964. О литературоведческой тематике этого издания см. Е. Двойченко-Маркова. Румынские слависты и их сборник «Романославика». — «Вопросы литературы», 1964, № 12, стр. 241—243.

стр. 249—260), «Славяно-румынская терминология, обозначающая отношения зависимости в феодальном обществе» (т. IX, стр. 543—553) — изложен опыт применения сравнительно-исторического метода при исследовании процесса развития феодализма в Молдавии, Валахии и Трансильвании. В этих статьях рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой общины, возникновения феодальных отношений, форм феодальной зависимости, феодальной ренты и различных феодальных институтов. При этом автор параллельно изучал терминологию славянских памятников и средневековых румынских источников.

В средние века особенно значительным было славянское влияние на литературу и летописание Молдавии и Валахии, где официальным книжным языком был славянский. Этой проблематике посвящены статьи А. Балотэ «Славяно-румынская литература времен Стефана Великого» (т. I, стр. 210—236), П. П. Панаитеску «Славянские летописи Молдавии XV века» (т. I, стр. 146—168) и В. Папакостя «Школа книжно-славянского языка и культуры в Тырговиште во время правления Матей Басараба» (т. V, стр. 183—194).

В ряде работ освещаются румыно-русские связи в различные периоды истории.

В статье Л. Е. Семеновской «Установление постоянных дипломатических связей Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII вв.» (т. V, стр. 29—40) раскрывается одна из малоизученных страниц румыно-русских политических связей. Новые данные о культурных связях Молдавии и Валахии с Россией в эпоху Петра I приводятся в работе П. П. Панаитеску (т. II, стр. 235—247).

А. Виану в статье «О дипломатической деятельности Валахии в России в 1736—1738 гг.» (т. VIII, стр. 19—25) подробно рассматривает валашко-русские политические связи периода русско-турецкой войны 1735—1739 гг. — миссию валашского ворника П. Драгунеску в Россию в 1736 г., который от имени определенной части боярства обратился к русскому правительству с просьбой о помощи в освобождении Валахии от турецкой зависимости. О совместной борьбе молдавских, украинских крестьян и казачества против феодального гнета в начале XVIII в. говорится в статье В. Костэкед «Участие молдавских крестьян в казацком восстании 1702—1704 гг.» (т. V, стр. 131—141).

В статье «Относительно распоряжений (хатишерифов) о привилегиях, данных румынским княжествам в 1774 г.» (т. V, стр. 121—127), А. Виану обращает внимание на то, что условие о признании Турцией «старинных прав» Молдавии и Валахии (т. е. такого положения, когда, признав сюзеренитет Порты, княжества оставались фактически самостоятельны-

ми и платили ей только харадж — дань) было включено в текст Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. по инициативе русской дипломатии. При этом автор использует неизвестные ранее донесения русского представителя при Порте Петерсона фельдмаршалу П. А. Румянцеву.

Деятельность русской дипломатии в период русско-турецких переговоров 1802 г. и значение ее для Молдавии и Валахии прослеживаются еще в одной статье Виану: «Балканские события и русско-турецкие переговоры 1802 г.» (т. IX, стр. 483—504).

Меньше внимания в «Романославике» уделено теме румыно-советских отношений. Она затрагивается лишь в статье Е. Чимпионериу, посвященной влиянию Октябрьской революции на революционные события в одном из промышленных центров Трансильвании Решице в 1917—1918 гг. (т. V, стр. 15—26), и кратком обзоре румыно-советских отношений начиная с сентября 1944 г., сделанном П. КонстантINESКУ-Яньш. О совместной героической борьбе чехословацких, советских и румынских войск за освобождение Чехословакии от фашистского ига (декабрь 1944 — май 1945 гг.) рассказывается в работе Н. Чакира «Участие вооруженных сил Румынии в освобождении чехословацкого народа» (т. VIII, стр. 5—16).

Румыно-русско-болгарским связям посвящены статьи К. Велики: «Болгарская эмиграция в Валахию во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг.» (т. VIII, стр. 27—55), «Румыно-русская помощь, оказанная болгарам, эмигрировавшим в румынские княжества вследствие войны 1828—1829 гг.» (т. II, стр. 261—272) и «Статуты болгарских колонистов в 1830 г.» (т. III, стр. 117—134). Собранные автором материалы свидетельствуют о том, что эмиграция болгар на север продолжалась в течение всего периода, пока болгарский народ находился под игом Турции.

Автор показывает участие болгарских переселенцев в социальных и национально-освободительных движениях румынского народа. Любопытный архивный материал об участии в валашском восстании 1821 г. болгар, братьев Бимбаша Савва и Генчи-Ага, переселившихся в Валахию в конце XVIII в., представлен в статье А. КонстантINESКУ и К. Н. Роман (т. IV, стр. 239—248).

В статье К. Велики рассказывается о совместных действиях болгарских, сербских, греческих эмигрантов и местного населения во время революционных событий в городе Браиле в 1841 г. (т. I, стр. 237—261).

Для характеристики этого движения исключительно интересны документы, обнаруженные К. Велики в личном архиве господара Александра Гики: донесения начальника полиции Янку Ману и полковника Одобеску, а также письмен-

ные показания арестованных участников движения (т. V, стр. 85—119).

На румынской земле при сочувствии и поддержке местного населения болгарские революционеры боролись за освобождение своей родины. Один из таких моментов румыно-болгарских революционных связей освещается в статье К. Велики: «Отношение Михаила Когэлничану, некоторых румынских местных властей и народных масс к переходу дружины Христо Ботева (27 IV—15 VI 1786 г.)» (т. IV, стр. 251—264). Приведенные автором новые неисследованные болгарские и турецкие документы, главным образом свидетельства руководителей болгарского революционного движения — Христо Ботева, Ивана Вазова, Кирила Ботева, К. Цанкова и других, показывают, что народные массы, а также М. Когэлничану (министр иностранных дел Румынии) и румынские власти в придунайских портах оказывали содействие переходу отряда Христо Ботева через Дунай, всячески поддерживали болгарских революционеров.

Деятельность болгарского революционера Г. С. Раковского по сплочению всех болгарских эмигрантов в борьбе за освобождение Болгарии, связь его с румынскими болгарскими освещаются в статьях В. Дикulesку «К вопросу о связях Г. С. Раковского с брайльскими болгарскими в 1861 г.» (т. V, стр. 179—182), Т. Ионеску-Нишкова «Некоторые аспекты деятельности Г. С. Раковского и его связей с румынскими княжествами» (т. IX, стр. 555—568).

В небольшой статье Н. Чакира «Некоторые сведения о роли Румынии в деле освобождения Болгарии 1877—1878 гг.» приводятся факты о глубоких симпатиях румынского народа к освободительной борьбе болгарского народа (т. X, стр. 235—242).

В исследовании румыно-польских связей большое значение имеют работы румынского историка П. П. Панаитеску. В статье «Общая борьба Молдавии и Польши против тевтонских рыцарей» (т. IV, стр. 225—237) Панаитеску рассматривает вопрос об участии молдаван в составе польского войска в общей борьбе поляков, литовцев и русских против тевтонских рыцарей на рубеже XIV и XV вв. Взаимоотношения Молдавии и Польши в XV в. освещаются в его статье «Молдавско-польские связи XV века и проблема Килии» (т. III, стр. 95—114). Особый интерес представляет попытка П. П. Панаитеску проследить связи руководителей революции 1848 г. в Валахии с демократическим крылом польской эмиграции (т. VIII, стр. 59—76). Новый интересный материал о политических и экономических связях между Молдавией и Польшей во второй половине XV в. содержится в статьях И. Петрике (т. X, стр. 341—358) и И. Корфус (т. X, стр. 315—340).

В статье Д. М. Ионеску «Новые данные о „польском эпизоде“ в валахской революции 1848 года» (т. VIII, стр. 79—85) рассказывается о попытке принять участие в революции 1848 г. отряда поляков в 113 человек, организованного в Молдавии группой польских демократов из числа бежавших из царской армии солдат и офицеров.

Отношение польской эмиграции к объединению румынских княжеств раскрывается в статье П. П. Панаитеску: «Объединение румынских княжеств, господарь Куза и поляки» (т. V, стр. 71—82). Автор опровергает утверждение некоторых историков о том, что заговор 1859 г. против господара А. Куза был поддержан польской эмиграцией в Румынии. Как показывает П. П. Панаитеску, в заговоре, организованном турками, стремившимися воспрепятствовать объединению княжеств, принимали участие лишь отдельные лица из числа польских эмигрантов. Заслуживают внимания приведенные им данные о содействии господара А. Куза группе польских эмигрантов во главе с полковником Милковским, пытавшимся с оружием в руках пройти через румынскую территорию в Польшу для участия в восстании 1863 г.

Проблематика чешско-румынских связей представлена статьями П. П. Панаитеску «Гуситство и церковно-славянская культура в Молдавии» (т. X, стр. 275—288) и Т. Ионеску-Нишкова «Гуситство в румынской историографии» (т. X, стр. 385—403).

Тематику по истории румыно-славянских связей дополняют помещенные в «Романославике» публикации и обзоры документов и материалов.

Румыно-сербские отношения XIX в. нашли отражение в опубликованных С. Янковичем документах о связях Милоша Обреновича с Валахией (т. V, стр. 163—178). С. Янковичем опубликовано также несколько документов, касающихся румыно-югославских отношений в первой половине XIX в.

Т. Ионеску-Нишков описал, перевел на румынский язык и опубликовал молдавские и валахские грамоты XV — первой половины XVII в. на славянском языке, хранящиеся в Национальной библиотеке в Софии (т. VIII, стр. 425—441).

Нужно отметить также публикации отдельных славянских оригиналов молдавских и валахских грамот XV—XVI вв. Д. Ионеску (т. IV, стр. 337—343), Т. Ионеску-Нишкова (т. V, стр. 151—155) и Ш. Штефанеску (т. V, стр. 157—162).

Обзор помещенных в «Романославике» статей и материалов по истории румыно-славянских связей свидетельствует об успехах румынских ученых в области славистики.

В «Романославике» значительное место занимают статьи по языковедению. В них широко освещается роль славянского элемента в формировании фонетической системы, грамматического строя и словарного состава румынского языка. Общая характеристика славянского влияния на румынские диалекты содержится в статье И. Пэтруца «Славянское и венгерское влияние на румынские говоры» (т. I, стр. 31—43). Из работ, касающихся фонетических вопросов, большой интерес представляют статьи Э. Петровича «Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка. Следствие славяно-румынской языковой интерференции» (т. II, стр. 5—37) и «Монифтонизация *ea* > *a* после губных согласных в славянских заимствованиях в дакорумынском» (т. VIII, стр. 87—93). Опубликованы также статьи А. Росетти о системе румынского вокализма (т. I, стр. 27—30), И. Пэтруца о делабиализации конечных согласных в румынском (т. VI, стр. 19—25) и М. Сала об изменении звука *ǣ* в *ɛ* в румынских говорах, испытывающих влияние сербско-хорватского языка (т. III, стр. 249—250). Вопросы морфологии освещаются в работе М. Йонеску «Славяно-румынская грамматическая параллель (Система указательных местоимений в олтенских говорах)» (т. IV, стр. 73—86), в статьях И. Пэтруца о румынском вокативе на =*o*, возникновение которого объясняется славянским влиянием (т. VII, стр. 87—93; т. X, стр. 193—194), «О морфологической структуре румынских глаголов славянского происхождения» (т. IX, стр. 13—21) и в статье, исследующей вопрос о независимости образования румынского обоюдного рода от славянского среднего рода (т. VIII, стр. 95—98).

В истории славяно-румынских языковых связей важное место занимает славянские лексические влияния, которые в «Романославике» изучаются в двух аспектах. С одной стороны, исследуется славянский лексический пласт современного языка (литературного и диалектов). В этом плане написаны статьи Г. Михайла «Названия родства и термины обращения славянского происхождения в румынском языке» (т. I, стр. 52—62), «Прилагательные славянского происхождения в румынском» (т. III, стр. 61—76), «К изучению географии славянских заимствований в румынском языке (на базе „Румынского лингвистического атласа“)» (т. VII, стр. 23—53) и статья Д. Гэмulesку «Сербско-хорватские лексические заимствования в говорах Баната» (т. X, стр. 209—227). Здесь же следует упомянуть важную статью Г. Михайла: «Книжнославянское влияние на румынский литературный язык (Лексика)» (т. IX, стр. 23—41), в которой сделана попытка отделить книжнославянское влияние на румынский литературный

язык от народного южно- и восточнославянского влияния на диалекты Румынии. С другой стороны, в «Романославике» исследуется славянское влияние на язык (главным образом, на лексику) гомилиетической литературы и румынских летописей. Эти вопросы затрагиваются в статьях П. Олтяну (т. IX, стр. 163—192), Е. Дебовяну-Малэеску (т. VI, стр. 93—109) и Е. Линцы (т. X, стр. 195—208). О важности таких исследований для создания этимологического словаря славянских заимствований в румынском языке подробно говорится в статье Г. Михайла (т. II, стр. 115—131).

В статье В. Васченко «О фономорфологической адаптации славянских заимствований (на материале румынских элементов восточнославянского происхождения)» (т. IX, стр. 43—64) намечается следующий этап в изучении славянских (и других иноязычных) заимствований, на котором предстоит определить способы их ассимиляции румынским языком. В связи с этим отметим также статью А. Росетти «Рум. *crăciun*» (т. IV, стр. 65—71), в которой показано, как через южнославянские языки в румынский проникли некоторые слова латинского происхождения, и Г. Ивэнеску, где на примере слов *луна*, *лунатик* анализируется романское влияние на славянские языки в области семантики (т. I, стр. 44—51).

Большое внимание «Романославике» уделяет изучению «древнеславянского» языка («книжнославянского», «*slavă cărțurăneasă*» по терминологии румынских языковедов) румынской редакцией, который в средние века служил не только религиозным, но и светским целям. Различные его стороны (на материале валахских и молдавских грамот) исследуются в статьях Д. Богдана «Фонетические особенности языка румынских грамот XIV века» (т. II, стр. 55—75), Л. Джамо, О. Стойкович, М. Осман, Е. Линцы, М. Миту «Характерные черты книжнославянского языка румынской редакции (XIV—XVI вв.)» (т. IX, стр. 109—161), Л. Джамо и О. Стойкович «О социальной терминологии славяно-молдавских документов XIV—XV вв.» (т. VI, стр. 61—92), М. Миту «Термины польского происхождения в славяно-молдавских документах. I. 1388—1517 гг.» (т. VIII, стр. 155—224). Язык других документов (в частности, юридических) и летописей, написанных на книжнославянском языке, детально анализируется в статьях В. Костакела «Общность терминологии „Русской Правды“ и румынских средневековых памятников» (т. II, стр. 73—87) и «Славяно-румынская терминология, обозначающая зависимость в феодальном обществе» (т. IX, стр. 543—553). В статье И. Кицимии исследуется вопрос, на каком языке была написана «Хроника Михая Храброго», и автор приходит к вы-

воду, что этим языком был славянский (т. VI, стр. 27—39). Упомянем также статью П. П. Панаитеку, посвященную славянским хроникам Молдавии XV века (т. I, стр. 146—168). П. Олтяну в статьях «Некоторые особенности славянского языка Трансильвании» (т. II, стр. 77—114), «К происхождению славянской культуры в Северной Трансильвании и в Марамуреше» (т. I, стр. 169—197) исследует так называемую «карпатскую» редакцию книжнославянского языка и приходит к интересному выводу, что богослужение на славянском языке и христианская культура пришли в Румынию не только из Болгарии, но и из Моравии. В статье «Славянский Имперфект и перевод его на румынский язык» (т. III, стр. 43—60) на основании анализа неточностей в передаче славянских грамматических категорий на румынский П. Олтяну устанавливает, что на рубеже XV—XVI вв. даже на севере Трансильвании славянский язык был известен гораздо меньше, чем раньше.

Румынские языковеды ведут большую работу по изучению славянской топонимики на территории Румынии. Эта работа находит отражение и на страницах «Романославике». Некоторым общим вопросам изучения топонимики посвящены статьи Э. Петровича. В статье «Соотношение славянских диалектных изоглосс и изоглосс славянских заимствований в румынском языке (в связи с „Общеславянским лингвистическим атласом“» (т. VII, стр. 11—22) он подчеркивает важность изучения изоглосс славянских топонимических названий, так как только на основании таких изоглосс можно установить область распространения древних славянских говоров в пределах Румынии. В статье «Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии» (т. IX, стр. 5—12) Э. Петрович устанавливает четыре славянских топонимических ареала, возникновение которых следует относить к глубокой древности. Различные группы местных названий анализируются в его статьях «Славяно-болгарская топонимика на территории РНР» (т. I, стр. 9—26) и «Восточнославянская топонимика на территории РНР» (т. IV, стр. 41—63; т. VI, стр. 5—17). Отдельные топонимические названия рассматриваются в статьях Э. Петровича (*Laiotă* — т. III, стр. 13—20; *Liuborajdia* — т. X, стр. 185—189), Г. Ионеску-Нэшкова (*Grăjdana* — т. III, стр. 21—30), А. КонстантINESКУ (*Grojdi-bodu* — т. VI, стр. 111—114; *Gostinu* — т. VIII, стр. 477—479).

В последние годы пристальное внимание румынских славистов привлекают славянские говоры на территории Румынии. Эти говоры, находясь в иноязычном (румынском) окружении, представляют особый интерес для лингвистов, так как они, с одной стороны, сохраняют архаи-

ческие черты, а с другой — свободнее развертывают те внутренние тенденции своего развития, которые в славянских странах сдерживаются все возрастающим влиянием литературных языков. Кроме того, они дают возможность изучать живое и непосредственное влияние румынского языка на славянские языки, различные стадии билингвизма. Эти проблемы освещаются в статьях Э. Врание: «Современное состояние и задачи изучения славянских говоров РНР» (т. VII, стр. 55—74) и «Место славянских говоров на территории РНР в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии» (т. IX, стр. 195—217). Он же приводит детальные сведения о всех пунктах со славянскими говорами в Румынии (т. VII, стр. 75—85). Особенности восточнославянских говоров на территории Румынии изучаются в статьях Э. Врание «Наблюдения над одним русским говором на территории Румынии» (т. IV, стр. 107—129), В. Васченко «Наблюдения над русскими говорами липован села Писк Браильского района» (т. VII, стр. 95—112), М. Думитреску и Е. Новичкова «Лексика русского говора с. Мила (Добруджанской области)» (т. VII, стр. 113—130), Е. П. Новичкова «К вопросу о предударном вокализме в одном великорусском говоре на территории РНР (на основе данных, собранных в с. Сарыкей Истринского района Добруджанской обл.)» (т. X, стр. 229—233) и А. Врачу «Заметки по славяно-румынской диалектологии (Наблюдения над одним украинским и одним русским говором в РНР» (т. VII, стр. 131—146). Особенности говоров западнославянских языков рассматриваются в статьях К. Кидимии и Е. Дебовяну-Малэеску «Польский говор и фольклор с. Булай Сучавского района» (т. VII, стр. 159—186), Г. Чипля «Колличество гласных в чешских говорах Баната» (т. VII, стр. 211—218), Г. Бенедэка «Об одном смешанном словацком говоре Крипанской области (Говор сел Борумлака и Вэрзарь)» (т. VIII, стр. 219—240). Характерные черты некоторых сербско-хорватских говоров описаны в статьях В. Веску «Румынское влияние на синтаксис сербского диалекта в Банате» (т. I, стр. 70—72) и «Архаичные фонетические явления в сербско-хорватских говорах области Банат» (т. VII, стр. 195—202), Б. Берича «Ударение в сербских говорах Клисурь» (т. VII, стр. 203—210). О фонетической системе одного болгарского говора на территории РНР (около г. Бухареста) пишет в своей статье З. Юффу (т. VII, стр. 147—158). В связи с подготовкой «Общеславянского лингвистического атласа» Э. Петрович и Э. Врание указывают на важность использования в этом атласе данных румынского языка (т. VII, стр. 187—193).

В «Романославике» опубликованы так-

же статьи по истории славянских языков (в том числе и литературных). Становлению категории персональности и истории личных местоимений в польском языке посвящены статьи Е. Фодор (т. II, стр. 39—53; т. VIII, стр. 129—135); в ее же статьях (т. IX, стр. 95—107) рассматриваются вопросы словосложения в восточнославянских языках. Сопоставительный анализ некоторых категорий в румынском и славянских языках дан в статьях Е. Ницу (т. I, стр. 63—69) и И. Кидими (т. III, стр. 31—41). Проблемы языка художественной литературы в связи с творчеством А. П. Чехова освещаются в статье Е. Фодор (т. VI, стр. 49—59), а проблемы формирования болгарского литературного языка — в статье Л. Тодорова (т. VIII, стр. 111—128).

Отдельно следует упомянуть статью Д. Богдана «Добруджанская надпись 943 г. Палеографический и лингвистический очерк» (т. I, стр. 88—104), посвященную подробному исследованию старейшей кириллической надписи.

Некоторые общие проблемы славянского языкознания, прежде всего проблема близости славянских языков к другим индоевропейским (балтийским, индоиранским) и роль субстрата в истории славянских языков, рассматриваются в статьях А. Врачу «Проблема балто-славянской языковой общности» (т. IV, стр. 87—106), «Балто-славянский и индоиранский. Современное состояние исследований связей между ними» (т. VIII, стр. 99—110) и «К вопросу о роли субстрата в истории славянских языков» (т. IX, стр. 65—93). О роли субстрата в связи с происхождением русского до-

канья говорится в заметке С. Б. Бернштейна (т. X, стр. 191—192).

В разделе «История славяноведения» напечатаны статьи П. П. Панаятеску о первом румынском слависте Б. Петричейку-Хаждеу (т. VI, стр. 235—248) и Д. П. Богдана о деятельности И. Богдана — крупнейшего слависта конца XIX — начала XX в., издателя и исследователя языка румынских грамот и летописей (т. III, стр. 187—207). Укажем также статью Г. Михайло о Ф. Миклошиче (т. VI, стр. 209—220) и И. Пэтруца об акад. Э. Петровиче (в связи с его шестидесятилетием) (т. IV, стр. 35—39).

Значительное место в «Романославике» занимают публикации неизвестных документов, написанных на книжнославянском языке (т. IV, стр. 337—342; т. V, стр. 190—192, 157—162; т. X, стр. 405—434, 435—437, 447—456, 457—459) и на славянских языках, например, письма польских филологов И. Богдану (т. IV, стр. 309—315) и др. В «Романославике» опубликованы также описания румынских рукописей и книг на книжнославянском языке, хранящихся в библиотеках Румынии и Болгарии (т. VI, стр. 261—268; т. VIII, стр. 425—441, 451—468), заметки о старых румынских книгах (т. IV, стр. 289—307; т. VIII, стр. 487—492).

«Романославика» регулярно печатает обзоры румынской и зарубежной литературы по славянскому языкознанию, рецензии и аннотации на книги, сборники и отдельные статьи по лингвистике, хроникальные заметки, информирующие о научной жизни в Румынии и в других странах.

Г. П. Клепикова

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ ИЗ ГЕРМАНСКИХ АРХИВОВ¹

Сборник подготовлен историками и архивными работниками Народной Республики Болгарии и Германской Демократической Республики. В нем опубликовано 195 документов из трех архивов ГДР — в Мерзбурге, Дрездене и Потсдаме. Все эти документы можно разделить на три основные группы: 1. Переписка главнокомандующего действующей русской армией во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., фельдмаршала И. И. Ди-

бича-Забалканского с прусским послом в Константинополе Ройером в октябре-ноябре 1829 г. (12 документов); 2. Донесения германских консулов своим правительствам (в Саксонию, Пруссии) из Константинополя, Салоник, Русе с конца 1835 г. до декабря 1860 г. (163 документа); 3. Донесения саксонского посла в Вене министерству иностранных дел Саксонии с сентября 1876 г. по май 1877 г. (20 документов). В сборнике освещается не только история болгарского народа. В нем содержатся ценные сведения как по истории России и Турции, так и о проникновении германского капитала на территорию Турции и Болгарии.

Первая группа документов показывает большую зависимость Турции от запад-

¹ Документы за Българската история из германски архиви. 1829—1877. Съставили и редактирали Хр. Хрџтов и В. Паскалева. Издателство на Българската Академия на науките. София, 1963, 492 стр.

ноевропейских крупных держав и прежде всего от Англии. Документы свидетельствуют о прогрессирующем разложении когда-то могущественной Османской империи, о неспособности турецкой администрации справиться с тяжелым внутренним положением страны, о возмущении среди угнетенных народов. Исследователь найдет здесь многочисленные факты о настроениях болгарского народа во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и после ее окончания, о страхе турецкой администрации перед растущим негодованием болгарского народа и т. д.

Очень интересны документы второй группы. В донесениях саксонского консула в Константинополе Шнейдера министерству иностранных дел в Дрезден дается яркая картина весьма тяжелого положения турецкой экономики и хозяйства в Болгарии, приводятся подробные сведения о движении цен, различных налогах, пошлинах и т. д. Донесения Шнейдера проливают свет на мало исследованный вопрос о проникновении западноевропейского капитала в экономику Турции, распространении немецких промышленных товаров на турецком рынке в 40-х годах прошлого века и их конкуренции с английскими товарами.

Подробные статистические таблицы донесения прусского консула в Салониках Чарльза Блента с 1840 по 1851 г. дают представление о развитии мануфактурного производства шелка в этом городе. Эти таблицы могут послужить ценной основой для изучения мануфактурного производства на Балканском полуострове перед Крымской войной. Они содержат также сведения о судоходстве и грузообороте Салоникского порта, о вывозе сельскохозяйственной продукции из Болгарии в западноевропейские державы.

На возрастание экономических интересов Пруссии на Балканах еще в 50-е годы прошлого века указывают несколько документов о плане создания промышленными и банковскими кругами Берлина «Германского дунайского торгового общества» с целью укрепления экономических позиций в нижнедунайских провинциях Турции.

Но центральное место во второй группе документов занимают и по количеству и по обилию фактического материала донесения Калиша, прусского консула в г. Русе, посольству Пруссии в Константинополе с 1853 по 1860 г. (всего 133 документа). В его донесениях за 1853—1856 гг. содержится подробнейшие сведения о военных действиях между русской и турецкой армиями на территории Добруджи и, особенно, в секторе Русе — Гюргево. Здесь мы найдем материалы и о соотношении сил воюющих сторон, и об их подготовке к войне, в частности о

подготовке Крымской кампании, и о вмешательстве западных держав в военные действия на дунайском участке фронта. Материалы донесений свидетельствуют также о бесцеремонном хозяйничании союзнических войск на болгарских землях, которые они превратили в свою базу снабжения продуктами питания, различными материалами и средствами транспорта. Документы показывают, что болгарские земли пристально изучались многочисленными промышленными и банковскими агентами, которые рыскали по территории Болгарии во время войны и после ее окончания.

После Крымской войны положение болгарского народа ухудшилось. В годы войны мусульманский фанатизм турецких угнетателей разгорелся еще сильнее. Различные беззакония по отношению к болгарам, убийства, грабежи, насилия приобрели массовый характер. Поэтому болгарский народ в ходе войны делает попытки подняться с оружием в руках против своих многовековых угнетателей (восстание капитана дядо Николы Филиловского, Димитракиевый бунт), о чем Калиш сообщает довольно подробно.

Много внимания в донесениях прусского консула уделено борьбе болгар с греческими владыками за национальную болгарскую церковь и другим явлениям общественно-политической жизни в Болгарии в период Крымской войны и после ее окончания.

Последняя, третья группа документов — донесения саксонского посла в Вене Хельдорфа министерству иностранных дел Саксонии, касается одного из самых критических периодов в развитии так называемого Восточного вопроса — 1876—1877 гг. В них достаточно подробно освещаются закулисные дипломатические комбинации западных держав, чего нельзя обнаружить в официальных английских, французских, германских и австрийских публикациях дипломатических документов. Они отражают активную деятельность европейской дипломатии, начавшуюся после восстаний в Боснии и Герцеговине и в Болгарии в 1876 г. Начались продолжительные переговоры о необходимости проведения реформ в Турции. Особую активность проявляла английская и австрийская дипломатия, пытавшаяся во что бы то ни стало помешать русскому правительству оказать помощь христианскому населению европейской Турции. Интересные подробности и новые факты содержатся в этих документах относительно Константинопольской конференции послов европейских великих держав в конце 1876 — начале 1877 гг., а также о дипломатической игре вокруг подписания Лондонского протокола.

Документы сборника подготовлены на высоком археографическом уровне. Об-

стоятельные указатели личных имен и географических названий облегчат читателю пользование сборником, а публикация болгарских переводов наряду с помещением в сборнике документов на

языке оригинала (немецкий, французский) расширит круг читателей как в Болгарии, так и у нас, в Советском Союзе.

И. М. Кулинич

MARTIN BROSZAT. 200 Jahre deutsche Polenpolitik. Ehrenwirth Verlag, München, 1963, 269 S.

МАРТИН БРОШАТ. 200 лет германской политики в отношении Польши

Новая книга западногерманского историка, сотрудника мюнхенского Института современной истории М. Брошата написана обстоятельно и аргументированно. Автор не идеализирует, подобно большинству западногерманских историков, польско-германские отношения, он подчеркивает агрессивность германской политики в течение последних двухсот лет: от Фридриха II до Гитлера. Брошат указывает, что уже в XVII в. Пруссия стремилась проводить политику захвата польских земель. Эту же политику она проводила и в XVIII в. Брошат не согласен с утвердившимся в немецкой буржуазной историографии мнением, что инициатива первого раздела Польши принадлежала Екатерине II. Он убедительно показывает, что эта инициатива исходила от Пруссии. При разделе Речи Посполитой Пруссия захватила большую часть польских земель. В связи с этим Брошат выступает также против утверждения, что Пруссия при разделе Польши стремилась лишь ослабить усиливающееся влияние России. Он пишет: «Совершенно очевидно, что при первом разделе Польши речь шла... прежде всего об определенной захватнической территориальной политике...» (стр. 33).

Автор последовательно излагает ход германизаторской политики Пруссии в отношении польского народа при Фридрихе II («довольно грубая политика опруссачивания», стр. 48). Он отмечает усиление этой политики во времена Бисмарка. Целям онемечивания польского народа должны были служить изданные «железным канцлером» законы о «контроле над преподаванием и воспитанием» (11 марта 1872 г.) и о введении преподавания на немецком языке в школах (26 октября 1872 г.). Однако, отмечает далее Брошат, эти насильственные мероприятия успеха не имели, а породили лишь «противодействие» (стр. 102). Автор осуждает Бисмарка за его негибкую, насильственную политику онемечивания. Брошат особенно подчеркивает такие мероприятия германских властей, как выселение из областей, аннексированных Пруссией, поляков, уроженцев Царства Польского (указ от 22 февраля 1885 г.), всех поляков, не имеющих прус-

ского подданства (указ от 26 марта 1885 г.). Он осуждает также аграрную политику Бисмарка, направленную на ограничение польского землевладения, и колонизацию страны немецкими поселенцами (законы о заселении польских территорий немецкими колонистами от 26 апреля 1886 г., о вознаграждении поляков, продающих земли лицам немецкого происхождения, и т. п.). Однако эти мероприятия, как отмечает Брошат, привели не к ослаблению, а, напротив, к чрезвычайному усилению польского национального самосознания (стр. 104).

Начало XX века ознаменовалось еще большим обострением польско-германских отношений. Германская буржуазия и юнкерство не отказались от своей традиционно-враждебной политики в отношении польского народа. Но эта политика, отмечает Брошат, была обречена на провал. Он указывает, что «недостаток естественных предпосылок немецкой колонизаторской деятельности на Востоке рассчитывали преодолеть с помощью дополнительных оплат чиновникам восточных провинций и другими государственными льготами и поощрениями и — не в последнюю очередь — обращением к национальным чувствам» (стр. 127).

Автор показывает дальнейшую активизацию германской колониационной политики при канцлере Бюлове, выразившуюся в многочисленных законодательных актах (указ от 10 августа 1904 г. об «основании новых поселений в провинциях Восточная Пруссия, Западная Пруссия, Бранденбург, Померания, Познань, Силезия», закон от 20 марта 1908 г. о «мероприятиях по укреплению германской народности» и т. п.).

Развязав первую мировую войну, германские политики и генералы строили разнообразные планы завоевания уже всей Польши и превращения польской территории в немецкую восточную колонию. Созданное немецкими оккупационными властями марионеточное польское государство должно было, в первую очередь, служить военным целям оккупантов, которые рассчитывали превратить его в поставщика людских резервов для немецкой армии, — пишет автор. Заявле-

ния же германского правительства о свободе Польши были демагогией, призванной маскировать истинные цели немецкой политики.

Говоря о восстановлении польской государственности, автор, однако, не отмечает, что решающим фактором, обусловившим восстановление независимого польского государства, явилась Октябрьская революция в России, провозгласившая для всех угнетенных народов их право на самоопределение и вызвавшая революционный подъем в Польше.

Характеризуя немецкую политику периода Веймарской республики, Брошат указывает, что «неизменной аксиомой» ее оставалось «требование ревизии немецких восточных границ» (стр. 164—165). В подтверждение этого он приводит выдержку из заявления Штрэзема. Что же касается реваншистских планов германской военщины, то их наиболее ярко характеризует приводимая Брошато выдержка из письма основателя рейхсвера генерала Секта графу Брокдорфу-Рантцау, первому министру иностранных дел Веймарской республики. В ней Сект писал, что «существование Польши невыносимо, несомненно с жизненными интересами Германии. Польша должна исчезнуть и исчезнет...» (стр. 169).

Характеризуя внешнюю политику Германии в начале 30-х годов, Брошат высказывает мнение, что традиционная реваншистская политика с приходом Гитлера к власти приобрела некоторые «новые» оттенки, а именно: она перешагнула за традиционные рамки требований ревизии восточных границ. Ставя своей целью борьбу за «предоставление немецкому народу достаточного жизненного пространства на последующие 1000 лет», Гитлер в первую очередь имел в виду территорию России (стр. 182). Однако Брошат считает, что в первые годы нацистского господства у Гитлера еще не было чувства вражды к полякам. Это объясняется, по мнению автора, австрийским происхождением Гитлера. Такое объяснение кажется наивным. Определенное заигрывание с Польшей было лишь актом маскировки агрессивных планов нацистской клики в отношении Польши. Правильно оценивая мотивы, которыми руководствовалась фашистская Германия при заключении с Польшей пакта о ненападении, Брошат, думается, неверно оценивает его последствия, говоря, что этот пакт «совершенно бесспорно способствовал улучшению атмосферы» (стр. 191). На самом деле пакт с Польшей нужен был Гитлеру для того, чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двусторонних соглашениях. Это давало возможность немецкому империализму са-

мому решать, с кем и когда заключать соглашение, на кого и когда произвести нападение. Польско-немецкий пакт был первой серьезной брешью в здании коллективной безопасности.

Характеризуя польско-германские отношения в последующие годы, Брошат осуждает политику заигрывания с фашистской Германией правящих кругов Польши, приведших страну к национальной катастрофе (стр. 194—197). Автор пишет, что вслед за Австрией и Чехословакией пришла очередь и самой Польши (стр. 197).

Говоря о периоде второй мировой войны и оккупации Польши, автор в основном повторяет тезисы своей ранее вышедшей работы «Национал-социалистская польская политика 1939—1945». Следует отметить здесь ряд новых моментов: например, автор разоблачает лживую версию фашистской пропаганды об убийстве в Польше 58 тысяч «фольксдейчей».

В заключении к своей книге Брошат признает, что «радикальное изменение этнических и государственно-политических отношений в бывших пограничных областях на Востоке» означало «конец прусско-германской польской политики» (стр. 242), которую автор характеризует как политику, враждебную польскому народу. Считая, что главным мотивом изменения послевоенных польских границ в пользу Польши были не исторические права ее на эти земли, Брошат не согласен и с мнением буржуазной историографии, что это была якобы компенсация Польше за территории, отошедшие к Советскому Союзу. Он считает, что главной причиной такого изменения послевоенных польских границ было стремление союзников уничтожить очаг «непрерывных осложнений в Восточной Европе» (стр. 244—245). Характеризуя позицию правительства ФРГ в вопросе о границе по Одере-Нейсе, Брошат определяет ее как нереалистическую, противоречащую потсдамским соглашениям. «Аргументация, что Потсдам не определил окончательно с точки зрения международного права границы на Востоке, — пишет он, — а поэтому не изменил status quo ante bellum, не раз многократно питала ошибочные мнения, будто тем самым требования фактического восстановления восточной германской границы 1937 г. приобретают законную силу» (стр. 256).

Брошат считает, что должно быть навсегда покончено с прошлым в германо-польских отношениях. Однако по ряду вопросов автор продолжает придерживаться традиционных для западногерманской историографии взглядов. Это сказывается, например, при объяснении причин второй мировой войны, возникновение которой М. Брошат объясняет личностью Гитлера, его волей, а также

фатально сложившимися обстоятельствами (стр. 198).

Особенной критики заслуживает оценка Брошлатом советской внешней политики накануне второй мировой войны, а именно его утверждения, что Советский Союз заботился «прежде всего о своей безопасности и своих интересах» (стр. 206). Безусловно, Советский Союз исходил из интересов безопасности своего народа. Но прекрасно понимая, что его безопасность неотделима от европейской, он активнейшим образом боролся за достижение коллективной безопасности в Европе. В рамках реакционной историографии выдержана и оценка авто-

ром советско-германского пакта 23 августа 1939 г.

Но, несмотря на некоторые неверные, а подчас и предвзятые оценки, рецензируемая книга свидетельствует о том, что в западногерманской историографии существует течение, стремящееся здраво, с объективных позиций осмыслить прошлое. Это видно, в частности, на примере деятельности группы историков, концентрирующихся вокруг профессора Голо Манна, под влиянием воззрений которого в какой-то степени, несомненно, находится автор книги.

Т. Григорьянц

Г. Д. ВЕРВЕС. Т. Г. Шевченко і Польща. Видавництво художньої літератури «Дніпро». Київ, 1964, 191 стр.

Читатель найдет в книге Г. Д. Вербеса обобщенное изложение всего ценного, что по крупицам было накоплено многими исследователями, изучавшими отношение великого украинского поэта к Польше. Синтез тщательно проверенных и по-новому истолкованных фактов — основное содержание этой монографии.

В главе «Среди польских друзей» автор привел в кратком очерке, сославшись на прежние и новейшие советские исследования (Е. Кирилюка, В. Дьякова, М. Шагинян и др.), основные данные из истории взаимоотношений Шевченко с поляками, начиная с его пребывания в Вильно и кончая последними днями жизни. Цель очерка не столько в том, чтобы показать, какими обширными и прочными были эти дружеские связи, сколько в том, чтобы раскрыть их роль в формировании и развитии революционно-демократических воззрений великого поэта, уменьшего сочетая жгучую ненависть сына угнетенного украинского народа к польским крепостникам и чувства братской солидарности к польским революционерам, борцам «за нашу и вашу свободу». Вслед за этим исследователь переходит к углубленному обстоятельному анализу связей между творчеством поэта и польской литературой, посвятив ему вторую главу «Шевченко и польская литература первой половины XIX в.».

Этот обзор не только относится, по нашему мнению, к числу лучших страниц книги, но и выделяется среди работ последнего времени, посвященных связям между нашими и зарубежными литературами. Автор дает строго научную и объективную оценку места и значения украинских мотивов в творчестве польских поэтов. Вместе с тем он говорит и о плодотворном влиянии польских художников слова на крупнейшего представителя украинской литературы. Вопрос о творческих связях автора «Гай-

дамаков» с польской поэзией (Ю. Залеский, С. Гошинский, Ю. Словацкий, А. Мицкевич и др.) рассмотрен здесь широко и всесторонне — как в плане идейно-творческих совпадений, обусловленных изображением одной и той же действительности с аналогичных или близких позиций, так и в плане сознательного усвоения достижений польских поэтов (особенно Мицкевича и Залеского). Говоря о роли польской революционно-романтической поэзии в развитии творчества Шевченко, Г. Д. Вербес ни в какой мере не умаляет оригинальности великого народного поэта Украины, но напротив, тщательно выявляя общее между ним и польскими предшественниками и современниками, на фоне сходства показывает различия и подчеркивает благодаря этому своеобразие творческой индивидуальности каждого из поэтов.

Чрезвычайно интересен, например, сопоставительный анализ украинской темы в творчестве Словацкого и Шевченко (стр. 85—90), хотя и другие разделы главы содержат много важных и любопытных наблюдений и выводов. Единственный упрек, на наш взгляд, можно сделать автору лишь в связи с оценкой им поэмы А. Мальчевского «Мария». Если, например, говоря о Залеском, исследователь, показав ограниченность его идеологии, отмечает и поэтические достоинства его произведений, то «Марию» он трактует весьма упрощенно и несправедливо — как попытку изобразить Украину магнатско-польской вотчиной.

Последняя глава монографии «Вокруг наследия поэта Шевченко в народно-демократической Польше» знакомит нас с историей многолетней борьбы мнений вокруг наследия украинского писателя, мыслителя и художника в польской критике, а также с историей переводов его сочинений на польский язык. Весьма интересна характеристика той ожесточен-

ной полемики, которая подогревалась, с одной стороны, стремлением передовой польской общественности популяризировать творения украинского Кобзаря и использовать их в моменты революционного подъема, а с другой — попытками реакционно-националистических помещичье-буржуазных кругов принизить значение украинского национального гения, исказить истинный смысл его вольнолюбивых призывов и протеста против панского гнета. Обстоятельное освещение той роли, которую сыграла поэзия Шевченко в различные периоды польского национально-освободительного и рабочего движения является, несомненно, весьма ценным дополнением к характеристике международного значения украинского певца. Одновременно с этим в главе можно найти и материал в какой-то степени полезный для лучшего понимания творческого облика ряда польских литераторов (Л. Совицкий, Вл. Сырокомля, В. Свенцицкий, Б. Червеньский, Э. Ожешко, С. Жеромский и др.).

Книга заканчивается обзором современной польской литературы о Шевчен-

ко, оценкой новейших переводов его произведений и посвященных ему исследований, открывших, прежде всего благодаря трудам М. Якуба, М. Юрковского и Е. Лашского, — новый этап в польском шевченковедении.

В «Предисловии» к книге Г. Д. Вербеса пишет: «Настало время от разработки отдельных, важных самих по себе вопросов о личных знакомствах Шевченко, его позиции по отношению к тем или иным общественным группам, о творческих контактах с тем или иным польским писателем перейти к изучению проблемы в целом, выдвигая на передний план такие вопросы, как Шевченко и польское национально-освободительное движение, Шевченко и польский романтизм, Шевченко в польской критике и переводах...» (стр. 4—5). Можно считать, что с появлением книги Г. Д. Вербеса начало такому переходу уже положено — в этом основной результат работы украинского исследователя.

И. К. Горский

НАЧАЛО ВАЖНОГО ДЕЛА

Вышел в свет первый том «Истории болгарской литературы», подготовленный Институтом литературы Болгарской академии наук¹. Этому тому предпослано введение (автор Г. Цанев), в котором изложены принципы построения «Истории болгарской литературы». Она будет состоять из четырех томов. Первый посвящен древней литературе, во втором будет представлена литература Возрождения, в третьем — литература 1878—1918 гг., в четвертом — литература с 1918 г. до наших дней. Такое распределение материала заметно расходится с общей периодизацией, принятой для этого издания (см. стр. 10) и включающей в себя пять периодов. Можно было ожидать, что издание окажется пятитомным или же третий том будет разделен на две части: литература 1878—1918 гг. и литература 1918—1944 гг. Литература после 1944 г. представляет собою качественно новый этап развития, она очень богата, и поэтому ее следовало бы выделить в особый том.

В предисловии к «Истории болгарской литературы» определяется задача — раскрыть объективные закономерности, обуславливающие литературный процесс: закономерности общественного развития и внутренние закономерности жизни лите-

ратуры как особого вида искусства. При этом должны быть показаны сложность и противоречивость литературного процесса, взаимодействия различных тенденций, течений и школ как проявление борьбы двух культур в каждой национальной культуре. Основное внимание предполагается уделить прогрессивной литературе, выражавшей народные идеалы и стремления. Важной задачей издания является раскрытие достижений болгарской литературы, ее идейно-художественных ценностей, которые были созданы главным образом реалистической литературой. Реализм в болгарской литературе был основным литературным направлением, имеющим богатые традиции. Современная его форма — социалистический реализм.

Необходимо подчеркнуть, что до сих пор не существует труда, который давал бы полное марксистско-ленинское освещение истории болгарской литературы от ее возникновения до наших дней. «История новой болгарской литературы» Бояна Пенева (тт. 1—4, 1930—1936), богатая материалами и ценными наблюдениями, устарела и не отвечает современным требованиям; «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.», изданные Институтом славяноведения АН СССР (1959), не охватывают древней литературы и литературы первой половины XIX в., а кроме того, это один том, тогда как по плану издания Института литературы БАН литературе нового времени будет отведено три тома.

¹ «История на българската литература. I. Старобългарска литература». София, Изд. на БАН, 1962, 454 стр. Ред.: В. Велчев, Е. Георгиев, П. Динев, Г. Цанев (отговорен редактор).

Введение к первому тому не дает, на наш взгляд, удовлетворительного ответа на два весьма важных вопроса: какое место в «Истории болгарской литературы» займет устно-поэтическое творчество народа и как будет авторами томов и глав раскрываться социальное содержание памятников письменности применительно к XV—XVIII векам?

Во введении подчеркивается исконность и богатство болгарского фольклора, его значение для развития письменности и литературы, но в то же время проблема освещения фольклора ограничивается в книге лишь выяснением его связей с литературой: «В соответствующих местах,— говорится во введении,— будет показано влияние, которое оказывает народное творчество как на развитие болгарской литературы вообще, так и на отдельных писателей» (стр. 6). Это несомненное сужение задачи. Дело в том, что во время турецкого владычества, когда не было условий для развития письменности (центры образованности — монастыри — разрушались, рукописи сжигались, «письменные» люди преследовались), народные массы сами удовлетворяли свои духовные и эстетические запросы; в это время фольклор играл исключительно важную роль. Не показать этого, хотя бы в общих чертах, значит обеднить болгарское художественное творчество этого времени.

После установления в Болгарии турецкого владычества (конец XIV в.) в стране уже не существовало собственного класса феодалов: они были уничтожены турецкими завоевателями. Возникает вопрос: в чем же состояла социальная сущность письменности? В предшествующий период (до конца XIV в.) в ней явно отражались феодальные тенденции, чем она и отличалась от народного творчества — антифеодального по своему духу. На Руси, где и в период татарского ига сохранялась система русских удельных княжеств, народ, помимо борьбы против татарских поработителей, вел еще борьбу и против своих феодалов; письменность, таким образом, одновременно выражала и патристические и религиозно-феодальные идеи. Болгарская письменность также выражала религиозные и патристические идеи, причем защита своей веры, еще более чем на Руси, имела патристический смысл, поскольку православие противостояло мусульманству. Много важных сведений по этому вопросу содержится в первом томе (стр. 349—418), где приведены слова Димитра Благоева: «Турецкое владычество, хотя и уничтожило класс бояр, не уничтожило феодализма. Оно его только видоизменило» (стр. 349); сказано, что в Болгарии была установлена «турецкая феодальная система» (стр. 350), уничтожена тырновская патриархия, — но вопрос о социальной природе письменности периода ту-

рецкого владычества остался все же не вполне выясненным. В частности, можно было более обстоятельно охарактеризовать своеобразную особенность письменности этого времени: продолжая традиции предшествующего периода, возвеличивая, например, деятелей раннего периода болгарской истории, она в этот момент приобрела прежде всего патристический смысл. Во время турецкого владычества постепенно складывается идеализированный культ древнего болгарского царства как выражение патристических идеалов народа, мечтающего об освобождении.

Древнюю болгарскую литературу авторы первого тома делят на три периода: IX—XII, XIII—XIV, XV—XVIII вв. Это традиционное деление правильно, но не следовало бы здесь пользоваться термином «период», так как слово «период» во введении употреблено в более широком значении: там периодом названа вся древняя литература, т. е. литература IX—XVIII вв.

Каждый из трех этапов этого периода получает в томе четкую и обстоятельную характеристику, раскрывающую его своеобразие, основные явления литературной жизни, особенности литературных школ (охридской, шреславской, тырновской, а в XV в. — софийской) и творчества крупнейших писателей. Следует подчеркнуть, что ни в одном предшествующем труде по древней болгарской литературе не была дана полная картина письменности этого времени. Авторы проделали большую работу по пересмотру и изучению сохранившегося рукописного фонда, дали более обстоятельную характеристику писателям, творчество которых ранее было мало изучено.

Весьма плодотворной представляется попытка рассмотрения древней болгарской литературы в аспекте собственно художественном; известно, что ранее она рассматривалась нередко только как исторический источник или памятник культуры. Многосторонность подхода к сохранившимся произведениям — несомненное достоинство этого тома. Проблемы жанра, композиции, передачи образа человека, стиля впервые поставлены по отношению к древней болгарской литературе так интересно и своеобразно. Бережное внимание уделяется и творческой манере школ, и отдельных писателей. Показан процесс постепенного формирования художественной литературы путем накопления и совершенствования эстетических элементов. Вместе с тем авторы в духе последовательного историзма выясняют особенности понятия художественности на разных этапах развития древней болгарской литературы. Читатель видит, как постепенно вырабатывался средневековый литературный язык и стиль, как развивалась и обогащалась литература благодаря многосторонним

связям с жизнью страны и народа, благодаря осознанию писателями своего высокого долга и ответственности.

В первом томе «Истории болгарской литературы» нашли правильное и доказательное решение многие вопросы, которые были предметом длительных споров ученых. Один из них — вопрос о глаголице и кириллице. В самых новых работах советских, болгарских и сербских специалистов по древней литературе можно встретить утверждение, что создателем кириллицы был Климент Охридский. Соплемея хотя бы на книгу известного сербского ученого Джордже Радоичича «Творцы и дела старе српске књижевности» (Београд, 1963), где читаем: «Создатель кириллицы во всяком случае Климент Охридский...» (стр. 13).

Автор соответствующих глав первого тома «Истории болгарской литературы» отвергает это мнение, так как в Македонии, где работал Климент, употреблялась глаголица, а сам он, будучи верным учеником Кирилла и Мефодия, едва ли мог отказаться от азбуки (глаголицы), созданной его учителями. Вернее всего, кириллица есть результат постепенного славянизирования греческого письма (стр. 46—47).

В целом первый том «Истории болгарской литературы», несомненно, является важной вехой в изучении интереснейшего периода духовной жизни болгарского народа, в изучении богатейших традиций его древней национальной культуры.

Н. Кравцов

НОВЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ ЛУЖИЦКОГО АРХИВА КУЛЬТУРЫ

За последнее время в Советском Союзе и в других странах значительно ожилилась работа по изучению лужицких языков, литературы и истории лужичан. Серьезную помощь в дальнейших исследованиях по сорабистике может оказать книга лужицкого ученого Фридо Метшка «Каталог Лужицкого архива культуры», опубликованная в 1963 г. издательством «Домовина» в Будишине (Бауцене)¹. Эта книга представляет собой хорошо систематизированный и аннотированный каталог сохранившихся рукописных фондов «Матицы Сербской», в связи с чем она имеет подзаголовок «Остатки архива „Матицы Сербской“». Лужицкое научно-просветительное общество «Матица Сербская» было создано в 1847 г. по образцу других подобных славянских обществ («Матицы Сербской», основанной в 1826 г. в Пеште, «Матицы Хорватской», основанной в 1839 г. в Загребе, и др.) и существовало (с вынужденным перерывом от 1937 по 1945 г.) до 1947 г., фактически даже до 1951 г. — до образования Института лужицкого народоведения в Будишине, принявшего на себя и функции «Матицы Сербской». Это общество сыграло очень важную роль в культурной и общественной жизни лужицких сербов. Поэтому все связанное с его историей представляет большой научный интерес.

Собирание лужицких памятников письменности и документов было начато священником Петром Понигом и его сы-

новьями Богувером и Бедрихом в конце XVIII — начале XIX в. Затем коллекционированием и хранением рукописей и документов занималась со времени своего основания «Матица Сербская». Наиболее активными их собирателями и хранителями были будышинский учитель Я. Г. Имиш (первый библиотекарь «Матицы»), историк К. А. Йенч, известный филолог А. Мука, учитель Я. Сяманк (первый архивариус созданного в 1927 г. архива «Матицы»), учитель А. Голан и др. Первый каталог рукописного фонда «Матицы Сербской» был составлен и опубликован в 1924 г. Якубом Вяцлавком². Однако многое из того, что нашло в нем отражение, не сохранилось. Во время господства фашизма в Германии все лужицкие национальные организации были запрещены, а большая часть их культурных ценностей конфискована и уничтожена. По мнению Ф. Метшка, от богатого собрания «Матицы Сербской», накопленного трудами нескольких поколений лужицких просветителей, осталось едва ли 15%. Да и эти 15% были найдены в абсолютно беспорядочном и частично испорченном состоянии. В связи с этим в работе Ф. Метшка принят совершенно новый, по сравнению с каталогом Я. Вяцлавка, порядок инвентаризации сохранившихся рукописей.

Книга Ф. Метшка, кроме предисловия, состоит из введения (стр. 9—14), общей инвентарной таблицы (стр. 15—20), 49 глав основной части (стр. 21—114) и 3 приложений: именованного указателя (стр. 113—121), географического указателя

¹ F. Mětšk. Bestandsverzeichnis des Sorbischen Kulturarchivs in Bautzen. Teil I. Das Restarchiv der Maćica Serbska. Bautzen, VEB Domowina — Verlag, 1963, 131 S. + 24 S. (= «Spisy Instituta za serbski ludospyt», 20).

² J. Wjacławk. Katalog der Wendischen Abteilung der Bibliothek der Gesellschaft Maćica Serbska. Bautzen, 1924, стр. 127—143.

(стр. 121—131) и отдела фотографий. Во введении рассматривается история создания Лужицкого рукописного архива и его судьба в годы господства гитлеровского режима; в инвентарной таблице мы находим общую схему систематизации материала, а также хронологические и статистические сведения о нем; в главах основной части каталога дается инвентаризация, систематизация и краткая характеристика фонда. Инвентарному перечню материалов в каждой главе предшествует вступительная часть, в которой содержатся краткие исторические, биографические и иные сведения, а также рекомендации о целесообразности использования рукописей в той или иной научной области.

В первом разделе каталога (главы 1—4) систематизированы и охарактеризованы различные деловые документы «Матицы Сербской» (1845—1951 гг.): уставы обществ, списки его членов, протоколы заседаний, издательские дела, отчеты, письма; материалы по истории Лужицкого музея, инвентарные книги (описи); документы Лужицкого дома в Будышине, открытого в 1904 г.; документы лужицкой этнографической выставки 1896 г. в Дрездене. Все эти материалы, составляющие 26 томов (134 архивные единицы), представляют несомненную ценность для историков лужицкой культуры.

Во втором разделе (главы 5—24) систематизированы рукописные материалы по истории лужицкого национального движения, языку, литературе и культуре лужичан. Они охватывают в основном эпоху от середины XVI в. до 1956 г. (церковнославянская рукопись из Госмара относится к XIII в.). Среди фондов этого раздела имеются разнообразные материалы по лексике и грамматике, в том числе рукописные словари и грамматики обоих лужицких языков, по диалектологии, ономастике, литературе, фольклору, истории поселений и народной медицине; религиозные тексты XVI—XX вв. (в том числе копии с перевода Нового завета, сделанного в 1548 г. Миклашем Якубцей) и церковная документация; собрания писем и дневников; документы и материалы различных лужицких организаций; редакционные материалы журнала «Лужица», выходившего с перерывами с 1882 по 1950 г. (продолжением этого журнала является издающийся сейчас в Будышине «Rozhled»); рукописи на чешском языке, в том числе сборник стихов С. Чеха; листки лужицких отрывных календарей и другие отдельные печатные листки; материалы по статистике,

содержащие, главным образом, сведения о количественном составе лужицкого населения; документы Лужицкого народного банка и др. Ввиду большого тематического разнообразия всех этих материалов они могут быть использованы самими различными специалистами.

В третьем разделе (главы 25—49) описано рукописное наследство отдельных представителей лужицкой науки, литературы и культуры (политического деятеля А. Барта, известного верхнелужицкого писателя и публициста Я. Барта-Тишинского, нижнелужицкой рабочей писательницы М. Домашкойц, этнографа М. Гандрика, учителя и архивариуса А. Голана, известного ученого и публициста М. Горника, библиотекаря Я. Г. Имшица, этнографа и историка Я. А. Йенча, историка К. А. Йенча, исследователя лужицкого Возрождения Г. А. Кригара, народного поэта П. Млонка, языковеда и этнографа М. Моля, писателя и ученого Я. Б. Мучинка-Горислава, выдающегося ученого К. А. Муки, создателя лужицкой научной терминологии М. Ростока, композитора и дирижера Ю. Слуденка, главы лужицкого Возрождения и крупного слависта Я. А. Смолера, учителя и архивариуса Я. Симанка, учителя Г. Шлеца, поэтов М. Урбана и Я. Радисерба-Велья, а также чешских славистов А. Черного и Й. Паты, словацкого писателя Я. Э. Добруцкого и немецкого слависта Г. Гея. Большую часть материалов этого раздела, состоящего из 97 томов, составляют письма, а также автобиографические заметки, наброски стихотворных и прозаических произведений, отрывки из комедий, рукописные сборники стихов, переводы библии с греческого языка на лужицкий, проповеди, трактаты и лекции по теологии, материалы по лужицким языкам и диалектам, по истории литературы и культуры, по этнографии, демографии, ономастике и фольклору, альбомы с фотографиями и др. Эти материалы являются важным источником для историков лужицкой литературы и культуры и для исследователей лужицких языков.

В целом лужицкий архив, описанный в каталоге Ф. Метшка, состоит из 270 томов, включающих 1641 архивную единицу.

В заключение хочется отметить, что аннотируемая книга Ф. Метшка является ценным пособием не только для специалистов по сорабистике, но и для славистов, изучающих взаимоотношения и связи славянских народов.

Л. М. Васильев

«Народни песни от североизточна България». Составили: Райна Кацарова, Иван Качулев, Елена Стоин. Отговорен редактор [Христо Вакарелски. Институт за музика при БАН. Изд. на БАН, София, 1962, т. 1, 724 стр.

«Народные песни северо-восточной Болгарии»

В 1926 г. несколько энтузиастов, под руководством видного знатока музыкального фольклора проф. В. Стоина, впервые в Болгарии приступили к систематическому собиранию текстов и мелодий народных песен. Несмотря на многие трудности, в частности отсутствие звукозаписывающих устройств, эти фольклористы проделали бесспорно большую работу глубоко патристического значения. В течение 1928—1939 гг. они выпустили четыре сборника, которые сейчас стали библиографической редкостью. В них содержится около 10 тысяч нотированных песен. Однако в сборники вошел не весь собранный материал. Ныне Институт музыки Болгарской академии наук взял на себя благородную задачу опубликовать, по-видимому, все оставшееся неизданным.

Рецензируемый сборник — первый в этой серии. В него вошли тексты и мелодии 1376 песен, записанные В. Стоином, И. Камбуровым и П. Стефановым в 1928—1930 гг. в Беленском, Исперихском, Кубратском, Поповском, Разградском и Русенском районах, ограниченных р. Янтрой с запада и р. Дунаем с севера. Кроме того, опубликованы записи некоторых танцевальных мелодий. Все песни распределены в соответствии с народной классификацией, т. е. по их функциональному значению. Такой принцип публикации представляется нам удобным не только потому, что благодаря ему «лучшие всего очерчивается музыкальный облик» песен, как указывают составители в очень скупом предисловии, но и потому, что научная классификация народных песен в болгарской фольклористике, к сожалению, еще далеко не совершенна. Здесь достаточно сослаться на тематический (почему не жанровый?) указатель песен рецензируемого сборника. В нем, например, к числу юнацких песен отнесены слишком многие произведения (см. № 573, 585, 594, 662, 772—781 и др.), которые можно считать по крайней мере только хайдуцкими. Песни же, относящиеся к разновидностям балладного жанра, обнаруживаются едва ли не под каждой тематической рубрикой. В указателе не проведена четкая дифференциация по совокупности признаков, как общих для всех групп песен, так и специфических для каждой из этих групп.

Составители сопроводили том и другими указателями. По сравнению с тематическим они лучше помогают читателю разобраться в материале. В одном из

них материал распределен по собирателям, месту и дате записи, другой представляет собой подробный предметный указатель, третий — словарь диалектизмов. Особенное удовлетворение вызывают те указатели, где песни распределены по типу такта, по метру, по объему тона и тоновым основам. Но, к сожалению, издатели сборника совершенно отказались от попытки снабдить публикуемые произведения ссылками на их словесные и музыкальные варианты. Думается, что немало интересных в научном отношении неожиданностей могли бы принести именно ссылки на музыкальные варианты опубликованных песен.

В сборнике отсутствует также вступительная статья, посвященная трудам В. Стоина и его коллег. Мы полагаем, что опыт их работы заслуживает большего, нежели это дает единственная страница предисловия. Подробный рассказ о практике этих собирателей, ее достоинствах и недостатках способствовал бы выяснению основного вопроса: насколько собранный материал отражает объективную картину состояния песенного фольклора в обследованных районах. Поскольку ответ на этот центральный вопрос, обобщающий собирательскую практику, прямо не дан составителями, нам приходится самостоятельно искать его на страницах издания.

Собиратели проводили запись в весенние и осенние месяцы, причем осенью записано большинство произведений. Однако при подсчетах бросается в глаза, что в каждом селе записано удивительно мало песен: И. Камбуров записывал в среднем по 19 в каждом пункте, В. Стоин — по 27, П. Стефанов — по 30. Отсюда нетрудно сделать вывод, что они работали в каждом селе очень короткое время и крайне выборочно. И в самом деле, судя по сборнику, их интересовали главным образом песни, связанные с народными праздниками и обрядами. В сборнике очень хорошо представлены обрядовые и хороводные песни¹. Едва ли не все моменты каждого праздника и обряда сопровождаются песенными иллюстрациями, подобранными собирателями, однако остается неясным, все ли эти и другие песни в одинаковой степени активно бытовали, ко всем ли народным

¹ Многие хороводные песни у болгар также приурочивались к определенным праздникам и были связаны с определенным местом и временем исполнения.

праздникам и обрядам, ко всем ли ритуалам существовало одинаковое отношение жителей обследованных мест.

Отмечая преимущественный интерес собирателей к обрядовым и хороводным песням, мы далеки от мысли упрекать их. Однако, если собирать в основном эти песни (их 963 из опубликованных 1376), да еще не отмечать отношения исполнителя к ним, то тем самым картина объективного состояния песенной традиции будет зафиксирована, конечно, неполностью.

Нас крайне удивило, например, что во всех 48 пунктах записи собиратели зафиксировали только 73 трапезные песни, включая варианты. А между тем эта группа песен занимает важное место в болгарском фольклоре. В ее состав, с одной стороны, входит значительное число произведений эпических жанров — песни мифические, юнацкие, исторические, хайдучькие, балладные. Следовательно, поиск эпических произведений древнейших сюжетов и соотносимых с ними мелодий немислим без активной записи трапезных песен. Районы северо-восточной Болгарии в этом плане особенно интересны, поскольку в отношении этих районов до сих пор проблематичным является вопрос об автохтонности бытования героического эпоса. Проблематичность вопроса во многом обусловлена отсутствием тщательно собранного и паспортизованного материала.

С другой стороны, появляются новые трапезные песни, представляющие собой и прямые заимствования из господствующей культуры, и переделки этих заимствований, и локальное, часто полуфольклорное творчество. Тематика новых песен чаще всего стоит где-то на уровне

русского «жестокого» романса или, наоборот, западноевропейского шлягера, но нередкими были и случаи, когда в песнях люди откликались на события большого гражданского значения.

Таким образом, объективная запись трапезных песен способствует как выяснению вопросов, связанных с бытованием эпоса, так и изучению моментов новотворчества. Вместе с этим открывается возможность судить о соотношении традиционного и нового в пределах этой, более популярной, чем обрядовые, группы песен. В рецензируемом сборнике очень слабо показан традиционный состав трапезных песен, в рамках этой группы совершенно не представлены нововозрождения.

К числу достоинств сборника нужно отнести то, что собиратели, вопреки принятым в 20—30-х годах канонам, не стремились записывать песни с фонетической точностью. Из них лишь И. Камбуров, на наш взгляд напрасно, фиксировал редукцию звуков. Чувствуется, что для собирателей записываемые произведения не служили образцами диалектной речи, а являлись в подлинном смысле национальными творениями. Подобная запись в значительной степени облегчает популяризацию песен с помощью радио, художественной самодеятельности и других средств современной культуры Болгарии.

Мы считаем, что многие песни сборника заслуживают всемерного распространения. Для современной культуры Болгарии важно сохранить в постоянном обращении все ценное, что веками создавал гений народа.

Ю. Смирнов

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И СТАТЬЯХ

БРАНКО ПАВИЉЕВИЋ. *Црна Гора у рату 1862 године.* Београд, 1963, 586 стр.

БРАНКО ПАВИЧЕВИЧ. *Черногория в войне 1862 г.*

Черногоро-турецкая война 1862 г. — одна из героических страниц в истории черногорского народа. Монография югославского историка Бранко Павичевича, написанная на основе новых архивных материалов, является первым фундаментальным исследованием по этому вопросу. Наряду с документами Архива внешней политики России автор изучил огромное количество документов, хранящихся в архивах Югославии: Цетинье, Задаре и Сербии, а также австрийские, французские, итальянские и турецкие архивные материалы, с которыми он ознакомился по микрофильмам, рукописным копиям или публикациям.

Содержание книги несколько шире ее названия. С целью выяснения причин военного конфликта между Черногорией и Турцией Павичевич уделяет значительное внимание восстанию в Герцеговине в 1861—1862 гг., которое, как он подчеркивает, «представляет собой пролог и непосредственный повод для войны Черногории с Турцией» (стр. 11).

Определяя восстание как национально-революционное движение (стр. 19), автор подробно исследует причины его возникновения и прослеживает его развитие в непосредственной связи с внешнеполитической обстановкой, показывает взаимосвязь герцеговинского и черногор-

ского освободительного движения и участие Черногории в восстании. Однако, если вопросам войны и внешней политики уделено много места, то социально-экономические предпосылки восстания показаны очень кратко. В конце концов, остается неясным, в силу каких социально-экономических изменений произошло усиление освободительной борьбы герцеговинского народа. Вместе с тем автор не уделил достаточного внимания анализу движущих сил восстания, что затрудняет выяснение причин его слабости.

Несколько односторонне показаны черногоро-герцеговинские отношения. Описывая конфликт, возникший между воеводой Лукой Вукаловичем и князем Николаем, Павичевич объясняет его личными качествами герцеговинского воеводы, а также тем, что Черногория должна была заботиться о своих государственных интересах (стр. 242). Следовало бы подчеркнуть, что черногорский правящий лагерь стремился использовать восстание для расширения территории княжества.

Заслуга Б. Павичевича в том, что он подробно и всесторонне воссоздал картину военного конфликта между Черногорией и Турцией в 1862 г. В книге показано, как по мере разрастания герцеговинского восстания обострялись черногоро-турецкие отношения, описаны тяжелые последствия войны 1862 г. для Черногории, потерпевшей временное поражение. На фоне военных трудностей показан героизм черногорского народа; отмечена солидарность югославянских и европейских народов с борьбой Черногории.

В книге рассмотрены попытки создания в 1861—1862 гг. черногоро-сербского союза и подвергнуты анализу обстоятельства, помешавшие организации совместной антитурецкой борьбы; приведены новые интересные данные о связях деятелей итальянского национально-освободительного движения с Герцеговиной и Черногорией. Много места уделено дипломатической стороне вопроса, четко определены позиции великих держав. Из работы Б. Павичевича видно, что несмотря на известные своекорыстные цели царского правительства в восточном вопросе, Россия по существу оказывала значительную поддержку Герцеговине и Черногории, выражавшуюся в дипломатической защите их интересов и оказании им материальной помощи. Русская дипломатия проявила большую активность, чтобы добиться ликвидации тяжелых условий черногоро-турецкого мирного договора. Вместе с тем автор, на

наш взгляд, несколько односторонне трактует причины того, почему Россия так опасалась обострения Восточного кризиса после подписания Парижского мира 1856 г. По мнению Б. Павичевича, царское правительство было вынуждено придерживаться концепции сохранения Оттоманской империи из опасения, что «внутренние затруднения» помешают России воспользоваться ее распадом, чтобы обеспечить преобладание над проливами и влияние на Востоке (стр. 28). На наш взгляд, осторожная позиция России в Восточном вопросе объяснялась тем, что русское правительство опасалось преждевременных восстаний, результатом которых была бы напрасная трата сил и неизбежное поражение. Сам автор далее (см. стр. 54) приводит подобные высказывания русских дипломатов.

Б. Павичевич разоблачает туркофильскую деятельность австрийской и английской дипломатии. Он указывает, что австрийское правительство, опасаясь расширения рамок освободительного движения югославян, заняло по отношению к Герцеговине и Черногории недружелюбную позицию, приняло ряд военных мер на черногорской границе, препятствовало товарообмену, запретило вывоз боеприпасов и оружия. При этом австрийские власти действовали в контакте с турецкими властями: пропустили через австрийскую территорию турецкие войска, направленные для борьбы с повстанцами, совместно с Турцией установили патрули на побережье Адриатического моря, чтобы не допустить взаимодействия итальянских и венгерских революционеров с герцеговинцами и черногорцами. После того как герцеговинцы поставили свои батареи в Суторине в конце 1861 г., австрийские войска вступили в Герцеговину и разрушили укрепления повстанцев.

В конце ноября 1862 г. Австрия изменила свою позицию и высказалась за поддержку требования Черногории о пересмотре мирного договора с Турцией. Павичевич объясняет мотивы, вызвавшие пересмотр австрийских позиций, желанием венского правительства выступить перед Черногорией и Герцеговиной в роли их покровителя (стр. 444), не учитывая при этом, что назревающий конфликт с Италией фактически вынуждал Австрию урегулировать свои отношения с Черногорией.

Книга Бранко Павичевича — ценный вклад в изучение героической борьбы народов Черногории и Герцеговины за свою свободу и независимость.

Н. И. Хитрова

«БОРЮЩИЕСЯ ТРАДИЦИИ»

У книжных и журнальных изданий бывают необычные судьбы. Так, четвертый номер за 1938 г. чешского журнальчика «У» увидел свет лишь в 1964 г.¹ Этот журнал издавала группа чешских антифашистов, писателей и деятелей искусства, — «Блок». Непосредственное участие в подготовке четвертого выпуска «У» в свое время приняли Бедржих Вацлавек, Петр Илемницкий, Иржи Тауфер и другие. Последний номер журнала (он датирован 25 II 1939) не вышел, так как накануне оккупации Чехословакии издание было приостановлено полицией. Его воссоздали по уцелевшим корректурным листам в Оломоуцком университете, где в 1964 г. проходила очередная Вацлавековская конференция, посвященная проблемам развития марксистской критики в Чехословакии.

О замысле и общем характере четвертого выпуска «У» дает представление небольшая редакционная статья, озаглавленная «Номер, посвященный чешской традиции», с эпиграфом: «Если скажешь традиция — отзовется жизнь». Эта статья начинается словами: «Во времена великих потрясений мы невольно оглядываемся на прошлое. Этот номер посвящен всему тому, что на протяжении более тысячи лет питало и питает чешскую духовную традицию, тем историческим условиям и связям, в которые поставлен народ, творящий эту традицию...». Не имея возможности писать более прямо о надвигающейся опасности гитлеровского захвата Чехословакии, редакция «У», многие члены которой были коммунистами, стремилась укрепить в народе патриотические чувства, революционизировать его сознание, подготовить к борьбе и сопротивлению, к защите прогрессивной чешской культуры.

Номер открывается подборкой документов «Взгляд на чешскую историю» (869—1917), куда вошли материалы, говорящие о борьбе чехов за свободу и независимость от времен Кирилла и Мефодия до образования Чехословацкой республики.

¹ «Tradice bojující. U». Dopusud nevydané č. 4, roč. III, časopisu U, čtvrtletníku skupiny Blok..., Brno, 1964. «У» — начальная буква слова «искусство» («umění»).

Не менее знаменательная и другая подборка — «Свидетельствует чешская словесность» (1310—1775), куда вошли направленные против засилья немцев в Чехии строки из «Далимиловых хроник», свободолюбивые и патриотические высказывания Штитного, Коменского, Бальбина, текст революционного стихотворения «Отче наш», возникшего во время крестьянского восстания 1775 г., и др. Большое место в журнале занимают патриотические произведения чешских писателей XIX в. (Коллара, Тыла, Гавличка, Неруды, Чеха, Сладека, Врхлицкого, Сташека, Ирасека, Махара и др.), в которых звучали призывы к борьбе за свободу. Кроме того, в номер вошел ряд статей о чешском национальном искусстве, народных традициях в чешской и словацкой литературе, об особенностях развития национальной философской мысли.

Издание четвертого выпуска журнала «У» за 1938 год — важная документальная публикация, красноречиво говорящая о борьбе чешских и словацких писателей-антифашистов накануне оккупации. Оно представляет не только историко-литературный интерес. Думается, прав автор обстоятельного послесловия и комментария к нему Яромир Дворжак, когда пишет: «Мы издаем последний номер журнала „У“ не только как документ. Отношение прогрессивных традиций к революции и связанные с этим споры о наследстве не являются делом исключительно исторической науки; это в высшей степени также и дело практики, прямая составная часть культурной политики».

В приложении к изданию приведены связанные с ним интересные письма Бедржиха Вацлавека, который был душой и инициатором выпуска, а также документы о запрещении журнала. В донесении полицейского чиновника цензурному комитету при министерстве внутренних дел четвертый выпуск «У» характеризуется как публикация «коммунистически заостренная», идущая вразрез с усилиями правительства второй республики поддерживать «лояльные отношения» с Германией.

Л. К.

КРИТИКА ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО ОСТФОРШУНГА
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ГДР

В февральском номере «Документацион дер Цейт» опубликована статья польского историка А. Каминского «История Польши и польско-германских отношений в кривом зеркале реваншистских представлений»¹. Приводя многочислен-

ные высказывания западногерманских историков (Ф. Гаузе, М. Х. Бём, Т. Шядер, П. Шрамм и др.) и публицистов (В. Якш, Б. фон Рихтгофен, сотрудников

¹ A. J. Kamiński. Geschichte Polens und der deutsch-polnischen Beziehungen

im Zerrspiegel revanchistischer Darstellung.— «Dokumentation der Zeit», 1965, № 327, S. 21—32.

реваншистских органов «Поммерише цейтунг» и «Силезише цейтунг» и др.), автор разоблачает их попытки обосновать империалистическую, реваншистскую политику правящих кругов Бонна путем сознательного искажения истории польского народа и польско-германских отношений. На большом количестве примеров А. Каминский показывает, как среди граждан ФРГ распространяются представления о якобы «извечной агрессивности Польши», о «польской мании величия», а с помощью утверждений о «наиболее прочной» и «наиболее долговечной» польско-германской границе затушевывается проводившаяся столетиями агрессивная восточная политика немецких феодалов и империалистов. Он разоблачает также усилия западногер-

манской реакционной историографии доказать «незаконность» передачи территорий, лежащих восточнее линии Одер-Нейсе, путем назойливой пропаганды давно опровергнутого наукой гитлеровского лозунга, что эти земли якобы «никогда не были польскими».

Статья А. Каминского интересна не только тем, что в ней убедительно показана та незавидная роль, которую играют ныне некоторые историки и публицисты ФРГ в качестве пособников западногерманского реваншизма; она наводит на мысль, что столь рекламируемое в Западной Германии «преодоление нацистского прошлого» далеко от своего завершения в исторической науке.

М. Р. Тульчинский

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ВЫШЕДШИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1964 г.¹

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения и внешняя политика. Экономическое соревнование двух систем

Айрапетян М. Э., Суходеев В. В. Новый тип международных отношений. М., «Мысль», 1964, 280 стр.

Алексеев А. М., Иванов Л. П. Современный этап экономического соревнования двух мировых систем. М., «Экономика», 1964, 256 стр.

Арзуманян А. А. Борьба двух систем и мировое развитие. Статьи и выступления. М. «Наука». 1964, 480 стр.

Красавин В. С. Мировая социалистическая система — решающий революционный фактор современности (В помощь лекторам и пропагандистам). Волгоград, 1964, 22 стр.

Микульский К. И. Мировая система социализма (В помощь преподавателю обществоведения). М., Политиздат, 1964, 79 стр.

Глостанов В. К. Мировой социализм и национально-освободительное движение. Нальчик, 1964, 102 стр.

«Современные международные экономические отношения». Под ред. Н. Н. Любимова. М., 1964, 584 стр.

«Соревнование двух систем». Справочник. М., Политиздат, 1964, 256 стр.

Степанов В. И. Экономические основы мирного сосуществования. Под ред. С. Л. Выгодского. М., «Экономика», 1964, 156 стр.

2. Сотрудничество социалистических стран. Экономические связи

Бондаренко Е. Л., Савов М. Н. Международное социалистическое разделение труда. М., Политиздат, 1964, 96 стр.

Доценко И. Л. Соціалістична націоналізація — загальна закономірність переходу до соціалізму. Київ, 1964, 100 стр.

Засухин А. А. Внешние экономические связи СССР. М., 1964, 34 стр.

Золотарев В. И. Внешняя торговля социалистических стран. М., Внешторгиздат, 1964, 390 стр. Библиогр. стр. 387—388.

Иконников И. С. и др. Координация народнохозяйственных планов социалистических стран (членов СЭВ). М., Внешторгиздат, 1964, 131 стр.

Морозов В. И. Совет Экономической Взаимопомощи — союз равных. М., 1964, 128 стр.

«О характере отношений между социалистическими странами». М., «Мысль», 1964, 34 стр.

«Основные принципы международного социалистического разделения труда». М., «Экономика», 1964, 32 стр.

Осьмова М. Н. Новые направления экономических связей стран — участниц СЭВ. М., Изд-во МГУ, 1964, 60 стр.

¹ Издания Института славяноведения АН СССР см. «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 126.

Песчаный Д. Г. Страницы великой дружбы (Об экон. и культ. связях Краснодарск. края со странами нар. демократии). Краснодар, 1964, 67 стр. с илл. Библиогр. стр. 64—66.

Питерцев Н. А. Ленинский принцип мирного сосуществования и внешняя торговля СССР. М., Внешторгиздат, 1964, 62 стр.

Санакоев Ш. П. Великое содружество свободных и суверенных народов. М., «Наука», 1964, 182 стр.

Свешников М. Н. Система расчетов между странами социалистического содружества. М., «Финансы», 1964, 40 стр.

Селезнев Г. К. «Общий рынок» и международная торговля. М., «Мысль», 1964, 96 стр. с илл.

Сергеев В. П. Экономические связи стран социализма. М., «Экономика», 1964, 68 стр.

Сергеев С. Д. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь социалистических стран. М., Внешторгиздат, 1964, 416 стр. Библиогр. стр. 411—414.

Тарновский О. И. В едином строю (О новом этапе экон. сотрудничества стран — членов СЭВ). М., «Знание», 1964, 31 стр.

Фадеев Н. В. Совет Экономической Взаимопомощи. М., «Экономика», 1964, 168 стр., 1 л. схем.

3. Строительство основ социалистической экономики

Байтин А. А. и др. Лесостроительство в зарубежных странах. М., «Лесная промышленность», 1964, 268 стр.

Беляков В. Н., Узлянер Е. И. Экономическая география зарубежных стран. Польша, Чехословакия, ГДР, Венгрия, Румыния, Болгария (Учебн. пособие). М., 1964, 235 стр.

Бобров В. Я. Розміщення виробництва в країнах соціалізму. Київ, 1964, 87 стр.

Валев Э. Б. и др. Экономическая география социалистических стран зарубежной Европы. Под ред. И. М. Маергойза. Вып. 1—2. М., Изд-во МГУ, 1964, Вып. 1, 211 стр., 6 л. карт. Библиогр. стр. 207—209. Вып. 2, 241 стр. 6 л. карт. Библиогр. стр. 237—238.

Виноградов В. А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., «Наука», 1964, 392 стр.

Крушинский А. С. Братья Ленинского комсомола (Молодежь Венгрии, ГДР, Польши и Чехословакии на строительстве нефтепровода «Дружба»). М., «Знание», 1964, 32 стр. (Новое в жизни, науке, технике, серия 10).

Маергойз И. М., Пивоваров Ю. Л. Некоторые изменения в характере городского и сельского расселения в странах народной демократии Европы. М., «Наука», 1964, 10 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

Миккульский К. И. В содружестве равных (О структурных сдвигах в экономике европейских соп. стран — членов СЭВ). М., «Знание», 1964, 40 стр.

«Народное хозяйство социалистических стран в 1963 году». Сообщ. стат. управлений. М., «Экономика», 1964, 191 стр.

Попов И. В., Томашпольский Л. М. Топливо-энергетическая база мировой социалистической системы. М., «Экономика», 1964, 271 стр. с илл.

Тарновский О. И. Основы ценообразования в социалистических странах. М., 1964, 108 стр.

Успенский А. А. Экономическое развитие зарубежных социалистических стран (Учебн. пособие по курсу «Экономическая история», ч. 1, М., «Высшая школа», 1964, 150 стр.

«Финансы промышленных предприятий стран СЭВ». М., «Финансы», 1964, 332 стр.

Хачатуров Т. С. Экономическая эффективность капитальных вложений. М., «Экономика», 1964, 279 стр.

«Экономика стран социализма (1960—1962 гг.)». Отв. ред. Т. В. Рябушкин. М., «Экономика», 1964, 262 стр.

4. Государственный строй. Право

Вилков Г. Е. Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. М., 1964, 179 стр.

Гробовенко Я. В. Основные черты уголовного процесса стран народной демократии. По материалам некоторых европ. стран нар. дем. М., Изд-во МГУ, 1964, 112 стр.

Задорожный Г. П. Мирное сосуществование и международное право. М., 1964, 488 стр.

Ильинский И. П., Щетинин Б. В. Государственное право стран народной демократии. М., 1964, 355 стр.

Каранадзе А. Г. Государственное право зарубежных социалистических стран. На груз. яз. Тбилиси, 1964, 167 стр.

Коток В. Ф. Референдум в системе социалистической демократии. М., «Наука», 1964, 189 стр.

Махненко А. X. Основные институты государственного права европейских стран народной демократии (Учебн. пособие). М., 1964, 326 стр.

«Международное право» (Учебн. для юрид. ин-тов и фак.). Под ред. Ф. И. Коженикова. М., 1964, 679 стр.

Сафронов В. М. Народный контроль. М., «Знание», 1964, 63 стр.

Трахтенгерц Л. А., Дозорцев В. А. Основные положения социалистического изобретательского права (Учебн. пособие). Под общ. ред. В. Н. Бакастова. М., 1964, 72 стр.

Якимович Я. В. Местные органы государственной власти европейских стран народной демократии. М., 1964, 206 стр.

5. Справочники.

Библиографические указатели

«Люди и политика». Ежегодник журн. «Мировая экономика и международные отношения». Под ред. В. Зорина. М., «Правда», 1964, 355 стр. с портр.

«Мир социализма в цифрах и фактах». Справочник. Под ред. А. Ф. Кудряшова. М., Политиздат, 1964, 157 стр.

«Мировая экономика». Краткий справочник пропагандиста. М., «Экономика», 1964, 232 стр.

«Развитие мировой социалистической системы хозяйства и экономическое сотрудничество европейских социалистических стран — участниц СЭВ». Библиография (Книги и статьи 1957—1962 гг.). Отв. ред. Е. М. Кан. М., 1964, 168 стр.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Работы, посвященные 20-летию НРБ и ПНР

Ганевич И. В., Чижевский М. Т. Борьба болгарского народа за завершения будничества социализму. Київ, 1964, 112 стр.

«День добрый, Польша!» Сб. М., «Правда», 1964, 248 стр. с илл.

Луковец А. И. Устремленные в будущее (Нар. Польше — двадцать лет). М., «Знание», 1964, 48 стр.

Мельцер Д. Б. Социалистической Болгарии 20 лет. Минск, 1964, 135 стр.

Паниев Н. А. По следам легенд (Очерки. Рассказываем о странах социализма. Болгария). М., «Известия», 1964, 127 стр. с илл.

Позолотин М. Е. День свободы (Народной Болгарии — 20 лет). М., «Знание», 1964, 40 стр. (Новое в жизни, науке, технике, серия 7).

«Польша сегодня». Сб. статей. М., «Знание», 1964, 48 стр.

«Путь в двадцать лет» (Очерки. Рассказываем о странах социализма. Польша). М., «Известия», 1964, 143 стр. с илл.

Равич Н. По дорогам Европы. М., «Советская Россия», 1964, 271 стр.

Самсонов Н. Г. Снова в стране друзей (Чехословакия. Путевые заметки). Якутск, 1964, 40 стр. с илл.

Сохань П. С. Славный путь борьбы и побед (К 20-летию соц. революции в Болгарии). Киев, 1964, 45 стр.

«Страна чудесная Болгария 1944—1964». Сб. М., «Правда», 1964, 279 стр. с илл.

Ясинский О. А. Польша социалистическая. Минск, 1964, 128 стр. с илл.

2. Экономика

Маергойз И. М. Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономическая география. М., «Мысль», 1964, 732 стр. с черт. и карт.

Фантич С. М. Экономика социалистической Чехословакии. Київ, 1964, 28 стр.

Чистяков М. А. Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономика и внешняя торговля. М., Внешторгиздат, 1964, 194 стр. с илл.

3. История, археология и этнография

Аракелян М. Д. Великий интернациональный подвиг. Краткий очерк освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне. М., Воениздат, 1964, 60 стр.

«Белградская операция». Под общ. ред. С. С. Бирюзова, Раде Хамовича. М., Воениздат, 1964, 287 стр., 16 л. илл. и карт.

Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. — пролог первой мировой войны. Л., Изд-во ЛГУ, 1964, 160 стр.

Горбатов А. В. Годы и войны. М., Воениздат, 1965, 382 стр., 1 л. портр.

Грацианская Н. Н. и др. Вопросы типологии традиционного жилища Центральной и Юго-Восточной Европы. М., «Наука», 1964, 10 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

Дяченко В. Д. Антропологический состав современных славянских народов. М., «Наука», 1964, 9 стр. (VII Междунар. Конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.». Минск, 1964, 575 стр.

«За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года». Сб. Сост. В. А. Дьяков. М., «Молодая гвардия», 1964, 448 стр., 24 л. илл. Библиогр. стр. 442—447. (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий. Вып. 22 (396)).

Иванова Ю. В. Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в работах советских ученых. М., «Наука», 1964, 11 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

«История зарубежных стран после второй мировой войны» (Учебн. пособие). Под ред. Л. Н. Жутова и др. М., 1964, 599 стр.

Козлов В. И. Этнический аспект демографических процессов в некоторых странах Юго-Восточной Европы. М., «Наука», 1964, 12 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

Конюхова Э. И. Славянорусские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета (Описание). М., Изд-во МГУ, 1964, 103 стр. с илл.

Межвузовская конференция по истории славянских стран. Великие Луки, 1964. Тезисы докладов. Великие Луки, 1964, 40 стр.

«Народы зарубежной Европы». Под ред. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова. Т. 1. М., «Наука», 1964, 999 стр. с илл.

Прилипко Я. П. Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян (На матеріалі одягу). Київ, 1964, 144 стр. с илл. (Резюме на рус. яз.).

Ротман М. Е. Напередодні Другої світової (З історії Закарп. ком. організації 1933—1938 років). Ужгород, 1964, 139 стр. з ил. (Б-ка пропагандиста).

Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества. М., «Наука», 1964, 9 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук).

Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений Седьмой (Кишиневской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (октябрь 1964 г.). Кишинев, 1964, 348 стр.

Соловьев С. П. Замысли и планы. Обзор воен. планирования нем.-фашист. штаба. М., Воениздат, 1964, 336 стр. с карт.

Слівак Б. И. Революційний рух на Закарпатті в 1924—1929 роках. Конспект лекцій до спецкурсів з історії УРСР та історії Компарти Чехословаччини для студентів іст. та загально наук фак-тів. Ужгород, 1964, 144 стр.

«У боях і мирній праці». Збірник, присвяч. 20-й річниці Словац. народного повстання. Київ, Політвидав України, 1964, 254 стр. з портр.

VI Українська славістична конференція. Чернівці, 1964. Тези доповідей... 13—18 жовтня 1964 р. Чернівці, 1964, 304 стр.

Участь іноземних інтернаціоналістів в боротьбі за владу Рад. Тези доповідей наук. конференції (13 і 15 квіт.), Львів, 1964, 59 стр.

Шулус А. О перерастании национально-освободительной борьбы в народно-демократическую революцию в Польше (1939—1945). Вильнюс, 1964, 24 стр.

Яковлев Л. И. Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917—1922. М., «Наука», 1964, 264 стр. с илл.

«Яско-Кишиневские Каньны». Под общ. ред. Р. Я. Малиновского. М., «Наука», 1964, 280 стр. с илл. и карт.

4. Культура

Антонов С. И. Гашек шагает по Поволжье. Казань, 1964, 136 стр. с илл., 1 л. портр. Библиогр. стр. 135.

Булаховська Ю. Л. Прогресивна польська поезія в її зв'язках з російською та українською літературами (1940—1955). Київ, 1964, 156 стр.

Вайсфельд И. В. Крушение и соизидание. Статьи о зарубежном киноискусстве. М., «Искусство», 1964, 158 стр., 8 л. илл.

Вервес Г. Д. Шевченко і Польща. Київ, 1964, 192 стр.

Востокова С. И. Ярослав Гашек. Критико-биограф. очерк. М., 1964, 183 стр., 5 л. илл.

Гаккебуш В. В. Зустрічі з зарубіжними театрами. Київ, 1964, 155 стр., 10 л. ил.

Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). Отв. ред. Д. Ф. Марков. М., «Наука», 1964, 312 стр.

Гриджота М. С. Михайло Коцюбинський у слов'янських літературах. Київ, 1964, 118 стр.

Дібровенко М. Ф. Українська п'єса на сцені театрів соціалістичних країн (Стенограма лекції). Київ, 1964, 39 стр. з ил.

Друскин М. С. Зарубежная музыкальная культура второй половины XIX века. Очерки. М., «Музыка», 1964, 100 стр., 6 л. портр. (В помощь слушателям нар. ун-тов. Беседы о музыке).

Дьяков В. А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., «Наука», 1964, 152 стр. с илл.

Жельник В. В. Печать Польши. М., Изд-во МГУ, 1964, 100 стр.

Ларин В. И., Назаров И. Ф. В памяти остаются все! Документальная повесть. Изд. 2-е доп. Алма-Ата, 1964, 207 стр. с илл.

Лихачева Л. П. Людмила Стоянов. Биобиблиогр. указатель (Вступ. статья В. И. Злыднева. Сост. Л. П. Лихачева). М., «Книга», 1964, 147 стр., 1 л. портр.

Московский Т. В. Кинорежиссер Отакар Вавра. М., «Искусство», 1964, 160 стр. с илл.

Путилов Б. Н. Исторические корни и генезис славянских баллад об индесте. М., «Наука», 1964, 40 стр. (VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Доклады).

Савицкий В. Д. Петер Илемницкий. Очерк жизни и творчества. М., 1964, 134 стр., 1 л. портр.

Савов С. М. Героико-революционная драма Болгарии (1944—1960). М., «Наука», 1964, 94 стр.

«Світова велич Шевченка». Збірник матеріалів про творчість Т. Г. Шевченка. Т. 3. Т. Г. Шевченко в зарубіжному літературознавстві. Вступ. стаття Г. Д. Вервеса. Київ, 1964, 527 стр.

«Славянская филология». Сб. ст. Отв. ред. Б. А. Ларин и Г. И. Сафронов. Л., Изд-во ЛГУ, 1964, 163 стр.

«100 опер». История создания. Сюжет. Музыка. Ред. М. Друскин. Л., «Музыка», 1964, 634 стр.

Сучков Б. Л. Творчество Ф. Кафки в свете действительности. М., 1964, 32 стр.

Хватов А. И. Бранислав Нушич. 1864—1938. Л.—М., «Искусство», 1964, 143 стр., 1 л. портр.

«Художественный метод и творческая индивидуальность писателя». Общ. ред. И. И. Анисимова и Л. Штолла. М., «Наука», 1964, 243 стр.

«Чехословацко-советские литературные связи». Сб. ст. Ред.: И. И. Анисимов и др. М., «Наука», 1964, 288 стр.

Шагинян М. С. Воскрешение из мертвых. Повесть об одном исследовании (О чешском композиторе И. Мысливеке. 1737—1781 гг.). М., 1964, 407 стр. с илл.

«Т. Г. Шевченко і слов'янські народи». Ред.: П. П. Плюш (відп. ред.) і др. Київ, 1964, 108 стр.

5. Языкознание

«Мовознавство і літературознавство». Збірник вибраних праць пед. ін-тів. Ред.: Б. М. Кулик (відп. ред.) і др. Київ, 1964, 259 стр. (Присвячується V Міжнар. з'їзду славістів). Часть текста на рус. яз.

Непокупный А. П. Реальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964, 168 стр. с карт.; 3 л. карт.

Станівський М. Ф. Старослов'янська мова (Для студентів філол. фак. ун-тів УРСР). Львів, 1964, 470 стр. с факс. Библиогр. стр. 461—464.

Составила А. Я. Огнева

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ (ЯНВАРЬ — МАРТ 1965 Г.) *

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Георгиев Д. Внешняя политика Народной Польши (обзор спец. номера журнала «Справы мендзынародове», посвященного внешней политике Польши за 20 лет).— «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 2, стр. 139—142.

Коммюнике о консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.— «Правда», 1965, 10 марта.

Коммюнике совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора.— «Правда», 1965, 22 января.

Министры (иностранных дел) социалистических стран о перспективах внешней политики (статьи Вацлава Давида, Кочи Поповича, Ивана Башева, Отто Винцера).— «Новое время», 1965, № 1, стр. 3—6.

Польско-советская дружба служит делу социализма и мира. Выступление Владислава Гомулки на пленуме ЦК ПОРП.— «Правда», 1965, 20 марта.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Агарков В. Для девяности двух стран (о внешней торговле Болгарии).— «Международная жизнь», 1965, № 3, стр. 109—110.

Алексеев А., Иванова Л. Перспективы экономического развития стран — членов СЭВ.— «Международная жизнь», 1965, № 3, стр. 25—34.

* Расписаны журналы, поступившие в библиотеку до 1 апреля 1965 г.

Бройде И., Косяченко Г. Кредитование затрат на новую технику в европейских странах СЭВ.— «Деньги и кредит», 1965, № 1, стр. 29—34.

Бутаков Д. Некоторые вопросы кредитования промышленности Чехословакии.— «Деньги и кредит», 1965, № 1, стр. 72—80.

Быков А. Международное значение опыта СЭВ.— «Международная жизнь», 1965, № 2, стр. 22—31.

Ванёлка Ф. На основе технического прогресса.— «Правда», 1965, 26 января.

Волков Н. Технический прогресс в европейских странах народной демократии.— «Международная жизнь», 1965, № 1, стр. 140—141.

Дудинский И. На прочной основе.— «Правда», 1965, 22 марта.

Мазанов Г. Новое в международных расчетах социалистических стран.— «Мировая экономика и международные отношения», 1965, № 2, стр. 125—129.

Милошев Г. Болгарские специалисты за рубежом.— «Новое время», 1965, № 4, стр. 18—19.

Минеев П. Ширится братское сотрудничество.— «Агитатор», 1965, № 4, стр. 18—19.

Миросниченко Б. Экономическое сотрудничество братских стран.— «Коммунист», 1965, № 4, стр. 78—87.

Найденов В. Устремленные в будущее.— «Агитатор», 1965, № 1, стр. 22—24.

Ордуканова Т. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ.— «Политическое самообразование», 1965, № 1, стр. 72—75.

Принципы усовершенствования организации и руководства народным хозяйством. Резолюция пленума ЦК Компартии Чехословакии.— «Правда», 1965, 5 февраля.

Семенова Л. Развитие материальной базы промышленности европейских

социалистических стран.—«Вопросы экономики», 1965, № 2, стр. 138—145.

Сенин М. Некоторые аспекты экономического развития социалистических стран Европы.—«Вопросы экономики», 1965, № 1, стр. 91—103.

Смирнова Н. Н. Мировое социалистическое хозяйство как экономическая категория.—«Вестник МГУ», Серия VIII. Экономика, философия, 1965, № 1, стр. 32—41.

Ступа Ст. Хозяйственный кодекс и хозяйственное право Чехословакии.—«Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 102—107.

Тыбор И. В. Достижения польской текстильной промышленности за 20 лет.—«Текстильная промышленность», 1965, № 1, стр. 89—91.

Успехи болгарского машиностроения.—«Машиностроитель», 1965, № 2, стр. 44.

Фаддеев Н. В. О сессии СЭВ.—«Новое время», 1965, № 8, стр. 12.

Шебеста М. Опыт гарантированной денежной оплаты труда в кооперативах Чехословакии.—«Экономика сельского хозяйства», 1965, № 2, стр. 103—106.

Шик О. Новая система руководства хозяйством Чехословакии.—«Новое время», 1965, № 9, стр. 8—10.

Шик О. Новая система планирования и руководства хозяйством [в ЧССР].—«Проблемы мира и социализма», 1965, № 3, стр. 23—32.

Ширится и крепнет экономическое сотрудничество братских стран. Коммюнике о XIX сессии СЭВ и XVI заседании Исполкома СЭВ.—«Правда», 1965, 6 февраля.

Шинков Ю. Совет экономической взаимопомощи и «общий рынок» — некоторые сопоставления.—«Вопросы экономики», 1965, № 1, стр. 104—113.

3. Партийная жизнь

Градилян Зд. Проблемы историко-партийной науки в Чехословакии и журнал «Материалы к истории КПЧ».—«Вопросы истории КПСС», 1965, № 1, стр. 115—120.

Лаб М. Новое в деятельности партийных организаций Чехословакии.—«Проблемы мира и социализма», 1965, № 1, стр. 71—74.

Шмида В. Насущная задача [о работе партийной организации Моравского химического завода в Пржежера].—«Партийная жизнь», 1965, № 2, стр. 71—74.

4. Государственное строительство и право

Кон П. Конференция по проблемам социальной структуры социалистического общества Чехословакии.—«Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 159—160.

Кривенко Л. Т. Обсуждение монографии о государственном праве зарубежных социалистических стран.—«Советское государство и право», 1965, № 2, стр. 152—153.

Куликов В. Обмен опытом между юристами социалистических стран — источник дальнейшего улучшения их деятельности.—«Социалистическая законность», 1965, № 1, стр. 38—43.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Антипенко Н. От Вислы до Одера [из воспоминаний начальника тыла 1-го Белорусского фронта].—«Военно-исторический журнал», 1965, № 3, стр. 69—81.

Висло-Одерская операция в цифрах.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 71—82.

Кёваго Л. Проблемы истории Австро-Венгерской монархии в 1900—1918 гг.—«Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 202—204.

Конечный З., Майнуш Ф. Советские граждане на территории Чехословакии во время второй мировой войны.—«История СССР», 1965, № 1, стр. 195—202.

Коровников И. На краковском направлении.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 3, стр. 81—87.

Красовский С. Советская авиация в боях за освобождение Польши.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 15—22.

Кручковский А. Внешняя политика Народной Польши (опыт прошедшего двадцатилетия).—«Международная жизнь», 1965, № 1, стр. 55—64.

Лекомец в Г. О политико-воспитательной работе в Польской армии в СССР.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 2, стр. 100—104.

Николаев К. О. Славный сын польского народа (к 60-летию Владислава Гомулки).—«Вопросы истории КПСС», 1965, № 2, стр. 93—96.

Полукарова Дж. А. К 500-летию мирных предложений Иржи Подебрады.—«Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 198—200.

Поплавский С. За Варшаву.—«Военный вестник», 1965, № 1, стр. 49—23.

Поплавский С. 1-я армия Войска Польского в боях за Варшаву.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 47—53.

Радзиевский А. Стремительные действия танковых армий [о действиях танковых войск в Висло-Одерской операции].—«Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 8—15.

Сокрушительный удар по врагу и выход советских войск на Одер.—«Военно-исторический журнал», 1965, № 1, стр. 3—8.

Сухомлинова Г. Ф. Освещение австро-венгерской революции 1918 г. в новейшей советской историографии.— «Вопросы истории», 1965, № 2, стр. 136—141.

Троицкий С. М. Проблемы аграрной истории Восточной Европы [о симпозиуме в Кишиневе 16—21 октября 1964 г.].— «Вестник АН СССР», 1965, № 2, стр. 120—122.

Турок В. М. Австро-Венгрия — «модель» интеграции Европы.— «Вопросы истории», 1965, № 1, стр. 55—65.

Ульянова Н. Н. 500-летие трактата Иржи Подебрада об организации мира и безопасности.— «Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 108—115.

2. Культура (литература, архитектура, театр, образование)

Злыднев В. Ученый, борец, литератор (к 75-летию Тодора Павлова).— «Иностранная литература», 1965, № 2, стр. 256—257.

Иконников А. В. Национальные черты в современной архитектуре Болгарии и Румынии.— «Строительство и ар-

хитектура Ленинграда», 1965, № 1, стр. 29—32.

Урбан З. Забота партии о школе [образование в ЧССР].— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 3, стр. 65—68.

Чернявская И. Борьба с фашизмом — долг художника [о конференции писателей социалистических стран, созванной по инициативе Чехословацкого союза писателей].— «Вопросы литературы», 1965, № 1, стр. 145—146.

Шток И. Заметки о польском театре.— «Новое время», 1965, № 5, стр. 25—28.

3. Языкознание

Львов А. С. О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности.— В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, стр. 199—203.

Толстой Н. И. О последней попытке применения «общеславянской азбуки» к словенскому литературному языку.— В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, стр. 260—266.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ XX ГОДОВЩИНЫ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

14—16 апреля в Москве состоялась научная конференция в ознаменование XX годовщины победы над фашистской Германией. Наряду с советскими учеными в работе конференции приняли участие историки Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, а также Австрии, Италии, США, Финляндии, Франции и ФРГ.

В докладах и сообщениях, прочитанных на конференции, всестороннему рассмотрению подверглись политические, международные, экономические и военные проблемы истории второй мировой войны, вопросы истории антифашистского движения Сопротивления и партизанской борьбы в период войны; значительное внимание было уделено проблемам историографии.

После приветственного слова президента Академии наук СССР акад. М. В. Келдыша с докладом «Исторические итоги и уроки Великой Отечественной войны» выступил акад. П. Н. Поспелов. Генерал армии проф. П. А. Курочкин прочитал доклад «Основные вопросы истории Великой Отечественной войны». В докладах советских ученых нашли отражение самые разнообразные вопросы истории Советского Союза в годы второй мировой войны, были вскрыты исторические, политические, военные и идеологические причины, обусловившие победу Советского Союза над фашистской Германией; наряду с важными научными выводами на основе многолетнего изучения истории войны, в докладах было приведено много новых фактов, выдвинут ряд интересных проблем. Большой интерес вызвал доклад акад. Т. С. Горбунова «Боевое содружество славян в годы второй мировой войны».

Активное участие в работе конференции приняли ученые социалистических стран. О политике великих держав по отношению к Болгарии в начале второй мировой войны, об агрессивной политике германского империализма и вовлечении

Болгарии во вторую мировую войну, о значении побед Советской Армии для развития освободительной борьбы болгарского народа, о вкладе болгарской Народной Армии в разгром гитлеровской Германии, об отношении болгарского народа к этой войне говорилось в докладах болгарских ученых М. Михова, В. Божинова, Р. Янчева, С. Петровой, И. Митева, М. Исусова.

Политической и военной роли антифашистского движения Сопротивления и действий партизан в Европе, вкладу польского народа в разгром фашистской Германии, характеру второй мировой войны, партизанской войне в свете международного права, интернациональному характеру польского движения Сопротивления, сотрудничеству польских и советских партизан, некоторым вопросам советской и польской историографии об участии польских вооруженных сил во второй мировой войне, анализу буржуазной и народно-демократической концепций борьбы с гитлеровскими оккупантами в Польше, внутренним отношениям в рядах польского движения Сопротивления посвятили свои выступления польские историки Г. Яблонский, Б. Беднаж, М. Турлейска, Ф. Рышка, В. Гура, С. Окенский, Т. Стемпневский, Г. Корчинский, А. Пшигонский, Р. Назаревич и др.

Историки СФРЮ (П. Морача, М. Хотич, Й. Васильевич, В. Стругар) сосредоточили свое внимание на вопросах народно-освободительной войны и народной социалистической революции в Югославии, на югославской историографии этой проблемы, развития югославских вооруженных сил и их военного искусства в освободительной войне.

Чехословацкие ученые Я. Кладива, Ю. Новотный, Я. Тесарж, Я. Шольц, Я. Кржен, К. Бартошек посвятили свои доклады чехословацкой историографии о второй мировой войне и чешском движении Сопротивления, влиянию международных факторов на развитие чешского движения Сопротивления в 1939—

1941 г., вооруженной борьбе против фашизма в чешских землях, вопросу о месте ЧСР в антигитлеровской коалиции, значению идеи славянской общности в антифашистском восстании в Словакии, а также методическим вопросам истории движения Сопротивления в Чехословакии.

С интересными докладами выступили ученые Венгрии, ГДР, Монголии, Румы-

нии, Австрии, Италии, США, Финляндии, Франции и ФРГ.

Продолжавшаяся три дня конференция, как отметил в заключение вице-президент Академии наук СССР акад. П. Н. Федосеев, была исключительно плодотворной по своим научным результатам.

В. В. Зеленый

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА ВОРОНЕЖСКИХ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

В 1963—1964 гг.

1963 год был для воронежских историков-славистов плодотворным. Вышло в свет два сборника: «Вопросы истории славян» (вып. 1)¹ и «Дружба, скрепленная кровью»². Если первый из них в какой-то мере отражает состояние и уровень изучения истории зарубежных славянских народов в университете и педагогическом институте, то второй говорит о том интересе, который проявляет воронежская общественность к героическому прошлому братских народов, к их борьбе за построение коммунистического общества.

В 1964 г. историки университета и пединститута готовили второй выпуск «Вопросов истории славян», а составитель сборника «Дружба, скрепленная кровью» С. П. Богоявленский собирал материалы для новой книги, посвященной интернациональным связям трудящихся Воронежской и смежных областей со странами социалистического лагеря. Мы надеемся, что в текущем 1965 г. наши новые издания будут представлены на суд читателей.

Воронежских историков-славистов по разрабатываемой ими тематике можно разделить на три группы.

¹ В предисловии к сборнику дан краткий очерк развития славяноведения в Воронеже и его состоянии к 1963 г. В критико-библиографическом разделе приводится список печатных работ, посвященных зарубежным славянским народам. О сборнике см. «Византийский Временник», т. XXV, М., 1964, стр. 273; «Archeologicke rozhledy», Praha, 1964, № 1, s. 153; «Bizantinoslavica», Praha, XXV, № 2, s. 331, 361, 364; «Slovanský přehled», Praha, 1964, № 5, s. 311.

² В сборник включены материалы (воспоминания, очерки) о совместной борьбе советского и чехословацкого народов в годы Великой Отечественной войны, а также о развитии связей трудящихся Воронежской области и ЧССР в послевоенное время.

Первая группа изучает средневековую историю народов Югославии и Чехословакии. Доцент ВГУ С. П. Боброва продолжает работать над проблемой развития аграрных отношений в Сербии XII—XIV вв. Она опубликовала на эту тему интересную статью³. Проанализировав данные хрисовулов, описей и «Закононика» Стефана Душана о землевладении меропхов и шариков, С. П. Боброва сделала ряд тонких наблюдений и проследила эволюцию держательских прав крестьян на их держания. Сейчас Боброва изучает землевладение отроков и сокальников. В 1964 г. она написала также главу по истории Болгарии в VII—XIV вв. для учебного пособия по средневековой истории зарубежных славянских народов, подготовляемого к изданию нашим коллективом.

Средневековой историей народов Югославии, главным образом исследованием общественного строя далматинских городов в XII—XV вв., занимается и еще ряд лиц. Преподаватель ВГУ Н. П. Манаичикова, опираясь на опубликованные документы, продолжает изучать общественные отношения в Дубровнике в XIII—XV вв. Она опубликовала критико-библиографический очерк, в котором дан обзор работ югославских исследователей о Дубровнике⁴, подготовила статью о ремесле в Дубровнике. Учитель истории 63-й Воронежской средней школы В. В. Захаров подготовил статью о Задарском статуте и об аграрных отношениях в Задарском округе. Аспирантка ВГУ Л. М. Мартыненко изучает историю г. Котора. С. А. Рыкова и В. Г. Журавель переводят хорватские источники. А. Е. Москаленко продолжает изучать

³ С. П. Боброва. Некоторые вопросы крестьянского землевладения в Сербии XII — первой половине XIV в.— «Вопросы истории славян», вып. 1, Воронеж, 1963, стр. 9—42.

⁴ Н. П. Манаичикова. Об изучении истории Дубровника.— «Вопросы истории славян», стр. 43—59.

(в сравнительном плане) историю далматинских и русских городов (Новгород, Дубровник, Сплит и др.).

Доцент ВГПИ Г. И. Липатникова весьма успешно занимается вопросами историографии⁵ и историей общественной жизни Чехии во второй половине XIV — первой половине XV в.⁶ Кроме того, она подготовила главу об истории Чехии в VII—XIV вв. для упомянутого выше учебного пособия по средневековой истории зарубежных славянских народов.

Другая группа историков занимается новой и новейшей историей народов Югославии, Болгарии и Чехословакии. Аспирант ВГУ В. М. Поваляев подготовил статью о Радоване Драговиче⁷ и сообщения о первой балканской социал-демократической конференции и о Душане Поповиче. Эти статьи знакомят советского читателя с деятельностью замечательных сербских революционеров, которые вместе с Д. Туцовичем подготовили почву для создания Коммунистической партии Югославии. Новейшую историю народов Югославии изучает аспирант ВГУ И. Яну. Еще будучи студентом, он написал работу о национально-освободительной борьбе македонского народа против турецкого ига⁸. В настоящее время И. Яну занимается историей антифашистского движения Сопротивления греческого и македонского народов⁹. Им подготовлена статья о возникновении и развитии органов народно-демократической власти в Эгейской Македонии в годы второй мировой войны (1941 — август 1944 г.) и сделан интересный доклад «О некоторых спорных вопросах борьбы

македонского народа против фашизма в 1941—1944 гг.».

Старший преподаватель ВГУ А. Г. Волков работает над кандидатской диссертацией «Проблемы новой истории Болгарии в трудах Д. Благоева». Доцент ВГПИ Н. Т. Сапронова изучает вопросы развития культуры в Болгарии после Великой Октябрьской социалистической революции, а зав. кафедрой иностранных языков ВИСИ Л. С. Ерихонов пишет монографию о Любене Каравелове. В 1963—1964 гг. он опубликовал более десяти статей в советских и болгарских изданиях на историко-литературные темы.

Интернациональные связи трудящихся Черноземного центра Советской России с зарубежными странами (1917—1964 гг.) являются предметом исследования преподавателя ВГУ А. Е. Мескина. Используя архивные материалы, а также воспоминания, собранные во время поездки в 1962—1963 гг. по местам формирования чехословацких частей в годы Великой Отечественной войны, А. Е. Мескин опубликовал ряд статей¹⁰.

Третья группа наших историков-славистов занимается русско-польскими революционными связями. Зав. кафедрой истории СССР досоветского периода ВГУ доп. А. И. Бортников уже давно работает над монографией «Русско-польские революционные связи в первой половине XIX века». Опубликованные им работы в значительной мере основаны на архивных материалах и представляют безусловный интерес¹¹. Аспирант ВГУ Б. Я. Табачников работает над диссертационной темой «Русско-польские революционные связи в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)». На основе архивных материалов он подготовил статью о борьбе большевистской партии за укрепление русско-польских пролетарских связей в изучаемый пери-

⁵ Г. И. Липатникова. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии.— «Вопросы истории славян», стр. 69—92. Сейчас Г. И. Липатникова написала статью об И. И. Срезневском.

⁶ Г. И. Липатникова. Пражский университет в начале XV века (К вопросу о роли Пражского университета в идеологической подготовке гуситского движения). Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов. Великие Луки, 1964, стр. 7—9. Мы надеемся опубликовать ее доклад полностью.

⁷ В. М. Поваляев. Революционная деятельность Р. Драговича в период создания Сербской социал-демократической партии.— «Вопросы истории славян», стр. 137—154.

⁸ И. Яну. К истории создания внутренней Македонской революционной организации.— «Вопросы истории славян», стр. 155—164.

⁹ И. Яну. Новые данные о движении Сопротивления в Греции.— «Новая и новейшая история», 1964, № 6, стр. 142—143.

¹⁰ А. Е. Мескин. Братские интернациональные связи трудящихся Воронежской области с чехословаками. Совет по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам Центрально-черноземного экономического района. Первая научная сессия. Тезисы докладов и сообщений. Воронеж, 1962, стр. 115—117; Его же. По следам Чехословацкой бригады.— «Вопросы истории славян», стр. 191—194; Его же. Соколово. В сб.: «Дружба, скрепленная кровью». Воронежское книжное изд-во. 1963, стр. 41—48.

¹¹ А. И. Бортников. Участь російських солдат і офіцерів у польському повстанні 1830—1831 рр.— «Український історичний журнал», 1962, № 2, с. 78—85; А. И. Бортников. Петрашевцы и польское национально-освободительное движение.— «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 42, 1964, стр. 41—51.

од. С польской тематикой связана и написанная доцентом кафедры истории КПСС ВИСИ Г. В. Бердиным статья «Из истории польско-итальянских революционных связей в середине XIX в.».

Изучение истории славянских стран в Воронеже, естественно, не может развиваться без тесного содружества с центральными научными учреждениями страны, с зарубежными историками-славистами, а также без привлечения к нашей работе студентов.

Наиболее тесные контакты существуют у нас с кафедрой истории южных и западных славян МГУ и Институтом славяноведения. Представитель нашего университета является постоянным членом координационной комиссии по истории зарубежных стран при МГУ. Мы связаны также с историками-славистами Ленинграда, Казани, Свердловска, Саратова, Великих Лук, Пензы, Харькова, Киева, Львова и других городов страны. По решению 2-го Всесоюзного совещания историков-славистов (Киев, 1963 г.) в

Воронеже в феврале 1966 г. будет проведено 3-е Всесоюзное совещание. Организация его возложена на университет.

У нас существуют связи и с некоторыми историками и научными учреждениями Болгарии, Чехословакии, Югославии. Автор этого сообщения в истекшем году побывал в университетах Брно и Праги. В сентябре 1964 г. наш университет посетил профессор университета в Нови Саде Д. С. Радойчич. Мы ожидали также приезда нашего большого друга известного чешского историка Вацлава Гусы, неожиданная кончина которого вызвала у нас глубокую скорбь.

Сотрудничество с зарубежными славистами развивается у нас, главным образом, путем переписки и книгообмена. Личных контактов еще очень мало.

Мы надеемся, что наш небольшой коллектив историков-славистов будет и впредь вносить посильную лепту в развитие советского славяноведения.

А. Е. Москаленко

В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Одной из важнейших проблем, над которой работает в настоящее время Институт археологии АН СССР, является проблема этногенеза и особенно этногенеза восточных славян.

Для решения этой проблемы необходимо провести огромную работу на основе археологического материала, охватывающего ряд культур бронзового и раннего железного веков на обширной территории Восточной Европы. Особенно большое значение в связи с этим приобретает изучение памятников I тысячелетия н. э., в частности памятников черняховской культуры, культуры, которая сложилась в Поднепровье и Поднестровье в первой половине I тысячелетия н. э. Проводится большая работа по выяснению границ этой культуры, ее происхождения.

В 1964 г. вышел специальный том «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященный этой культуре¹.

Изучение памятников черняховской культуры неразрывно связано с изучением позднейших памятников², памятников второй половины I тысячелетия н. э., интересной, но, к сожалению, еще очень мало изученной эпохи жизни восточных славян. Выпуск специального сборника по этому периоду — первая по-

пытка свести воедино работы советских археологов-славистов. Материалы сборника имеют огромное значение для выяснения истории жизни восточного славянства накануне образования Киевской Руси.

Исследования археологических памятников I и начала II тысячелетия н. э. (славянских курганов и городищ), изучение погребального обряда, одежды, жилищ, всей совокуности тех этнографических признаков, которые позволяют отличить одно племя от другого на определенной стадии его развития, позволили наметить границы племен и внести соответствующие уточнения в хорошо известную всем карту расселения восточно-славянских племен, нарисованную Нестором. Это позволило также выявить первичные микроплемена, которые образовали со временем известные нам по летописи союзы племен: вятичей и радимичей, словен и кривичей и т. д.

В 1964 г. закончена большая монография П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне в Восточной Европе», посвященная вопросам славянского этногенеза.

Этой же проблеме посвящена и подготавливаемая И. И. Ляпушкиным работа «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства».

Ряд работ сотрудников освещает отдельные вопросы этой большой проблемы. К их числу относится работа Т. Н. Никольской «Вятичи» (археологические данные по истории племени), работа В. В. Седова «Славянские племена

¹ «Древности эпохи сложения восточного славянства». Материалы и исследования по археологии (далее МИА), № 116, М., 1964.

² «Славяне накануне образования Киевской Руси». МИА, № 108, М., 1963.

Верхнего Поднепровья и Подвинья» и др. Исследования по этногенезу восточных славян будут продолжаться и в дальнейшем. Новый пятилетний (1966—1970 гг.) план работы Института археологии предусматривает разработку ряда крупных тем по истории славян. В частности, предполагается создание обобщающего труда «Восточно-славянские племена», в котором будет представлена история развития славянских племен до возникновения Киевского государства.

Огромное внимание уделялось и уделяется в настоящее время проблеме возникновения древнерусского государства.

Такие важные вопросы, как происхождение городов и замков, становление феодальных отношений, история хозяйства, материальной культуры и быта Киевской Руси, в настоящее время невозможно решать исторически верно без широкого привлечения археологического материала.

Археологи открыли и изучили многие города и поселения феодальной Руси. Старейшему русскому городу, «матери городов русских», Киеву посвящена монументальная работа М. К. Каргера «Древний Киев»³. В 1964 г. М. К. Каргер закончил исследование другого древнерусского города — Изяславля. Раскопки дали возможность восстановить картину гибели города в 1241 г. во время монгольского нашествия. Закончилось исследование древнерусских городов Белоозера и Новогрудка.

В результате планомерных исследований академиком Б. А. Рыбаковым древнего Любеча был открыт замок Владимира Мономаха, в котором, по всей вероятности, собирался знаменитый Любечский съезд князей в 1097 г., решавший судьбу всей Русской земли⁴.

Колоссальный материал по истории древнерусского города дали известные всем многолетние раскопки в Новгороде⁵, в результате которых были открыты также знаменитые берестяные грамоты, свидетельствующие о широком распространении грамотности среди самых различных слоев населения в Древней Руси⁶.

Наряду с исследованием города проводятся работы по изучению древнерусской деревни⁷ (которой до сих пор уделялось недостаточно внимания), а также культуры Древней Руси.

В 1963 г. вышло монументальное исследование Б. А. Рыбакова «Древняя Русь»⁸, содержащее историографический анализ источников IX—XIII вв. по истории Киевской Руси. В книге рассматриваются древнейшие сказания о славянах и Киевской Руси, древнерусские былины и летописи. Особое внимание уделяется критике норманской теории происхождения Киевской Руси.

В 1965 г. вышел из печати подготовленный Б. А. Рыбаковым Свод археологических источников в русских надписях, где впервые собраны сведения о всех древнерусских вещах XI—XII вв. с древнейшими надписями, имеющими точные даты. Анализ надписей и их точная датировка дали возможность составить сводную азбуку всех типов букв, которая позволит в свою очередь точно датировать обширный эпиграфический материал XI—XIV вв.

Большое место в работе археологов занимает также изучение всех вопросов, связанных с архитектурой Древней Руси. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. посвящено монументальное исследование Н. Н. Воронина⁹, удостоенное Ленинской премии.

История зодчества Северо-Восточной Руси — один из важнейших разделов истории древнерусской архитектуры. Тесно связанное с архитектурой Киевской Руси, оно послужило базой создания Тверского и Московского зодчества XIII—XV вв. Архитектурные памятники Владимиро-Суздальской Руси богато украшены скульптурными изображениями. Эта белокаменная резьба широко известна во всем мире. По богатству и разнообразию мотивов она не имеет себе аналогий в мировом искусстве. Изучению архитектурного декора Владимиро-Суздальской Руси посвящена специальная работа Г. К. Вагнера¹⁰.

³ М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., т. I, 1958; т. II, 1961.

⁴ Все эти исследования включены в план работы Института археологии.

⁵ Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I, МИА, № 55, М., 1956; т. II, № 65, 1959; т. IV, № 123, 1963.

⁶ А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.), М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958; И х ж е. Новгородские грамоты

на бересте (из раскопок 1955 г.), М., 1958; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.), М., 1963; Е го ж е. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.), М., 1963.

⁷ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, М., 1960.

⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь (сказания, былины и летописи), М., 1963.

⁹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. т. I, М., 1961; т. II, М., 1962.

¹⁰ Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (город Юрьев Польский). М., 1964.

Работы по исследованию древнерусских городов, изучению экономики, быта и культуры Древней Руси будут продолжены и в последующие годы.

Необходимо также отметить, что наряду с изучением археологических памятников славянских племен, вошедших позднее в состав древнерусского государ-

ства, и истории Древней Руси, в Институте археологии проводится работа по изучению и других славянских племен. В настоящее время Ю. В. Кухаренко заканчивает исследование по археологии Польши.

Г. Соловьева

В СЕКТОРЕ ЛИТЕРАТУР СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР

Главные аспекты работы сектора-группы по изучению коллективного опыта литературы стран народной демократии — разработка важнейших вопросов генезиса и развития социалистического реализма, проблемы связей и взаимодействия славянских литератур.

В соответствии с планом научного сотрудничества с академиями социалистических стран сектором была издана в 1964 г. серия коллективных трудов по проблемам литературного взаимодействия: «Венгерско-русские литературные связи», «Румынско-русские литературные связи» и «Чехословацко-советские литературные связи». Все эти книги были подготовлены совместно с институтами Венгерской, Румынской, Чехословацкой и Словацкой академий наук. Они публикуются параллельно на венгерском, румынском, чешском и словацком языках. Эти труды — творческий результат новых форм сотрудничества ученых социалистических стран. На основе анализа историко-литературного процесса и творчества ряда писателей в перечисленных изданиях суммируются бывшие до настоящего времени разрозненными и неисследованными отдельные факты и явления истории каждой из национальных литератур. Хотя в книгах много конкретного эмпирического материала, авторские коллективы по возможности стремились к широким обобщениям, теоретическому обоснованию поставленных в них проблем. В этой связи можно отметить, например, статьи венгерских ученых Аладара Комлоша «Путь Гоголя в венгерской литературе», Андраша Досеги «Венгерские исследователи Тургенева», Жужанны Зельдхейн «Эндре Сабо, венгерский популяризатор русской литературы». Заслуживают большого внимания статьи румынских исследователей Валериу Чобану («Краткий исторический обзор румынско-русских литературных связей до объединения княжеств»), Татьяны Николеску («Толстой и литературная борьба в Румынии»), Думитриу Копалина («Борьба мнений вокруг Горького в Румынии») и др. Новые материалы содержат статьи чешских и словацких литературоведов Моймира Ботуры («Проза Горького в чешской кри-

тике в 1918—1938 гг.»), Иржи Ф. Франека («Богумил Матезиус»), Сони Лесняковой («Горький в Словакии») и Эммы Пановой («Янко Есенский в России»). Из работ советских авторов привлекает внимание статья И. А. Бернштейн «Карел Чапек в Советском Союзе» и статья Н. С. Николаевой «Витезслав Незвал в русских переводах», построенная на обобщении большого конкретного поэтического материала, на истории переводов чешского поэта на русский язык. В статье приведены черновые редакции и первоначальные варианты переводов Незвала, выполненные Пастернаком, Кирсановым, Симоновым, Ахматовой, Кудиновым.

Дальнейшему укреплению и расширению научных контактов способствовали и непосредственные встречи советских и зарубежных ученых. В 1964 г. гостями Института мировой литературы, принявшими участие в заседаниях сектора и обсуждении перспективных планов его работы, были вице-президент ЧСАН акад. Л. Штолл, группа сотрудников Института мировой литературы и языков Словацкой АН — директор института М. Бакош, ученый секретарь Н. Мольнар и заведующий отделом зарубежных литератур Й. Феликс, сотрудники Института языков и литератур и Института чешской литературы ЧСАН проф. З. Матгаузер и Л. Лантова. Содержательную лекцию о состоянии современной польской литературы прочитал польский ученый проф. Г. Вольпе, заместитель директора Института литературных исследований в Варшаве. Оживленное обсуждение вызвал доклад сотрудника Театрального института (Прага) К. Крауса о современной чехословацкой драматургии. Интересная беседа по перспективам изучения современной литературы состоялась в ИМЛИ с заведующим сектором восточнославянских литератур Института языков и литератур З. Матгаузером.

Работа института в области славистики координируется с другими научными учреждениями Советского Союза. В частности, в октябре 1964 г. было проведено совместное обсуждение планов литературоведов — славистами ИМЛИ и Института славяноведения. В результате

была намечена совместная работа по проблемам современной поэзии стран народной демократии.

В настоящее время в издательстве находится подготовленная к печати сектором в 1964 г. книга «Пути реализма в литературах стран народной демократии». В ней определяется место критического реализма и его роль в формировании социалистического реализма в 20-е — 30-е годы в Польше, Чехословакии, Югославии, Румынии и Венгрии. Статьи о польской прозе, поэзии и критике этого периода, о творчестве Чапека и чешского критика-коммуниста Вацлава, хорватском писателе-прозаике М. Крлежа и венгерском поэте Э. Ади — таково его содержание.

Сдана в издательство и другая работа сектора — «Национальные традиции и генезис социалистического реализма», в которой делается попытка выявить как общие закономерности становления социалистического реализма в социалистических странах, так и его национальную специфику. В книге прослеживается творческая деятельность С. Жеромского и Л. Кручковского, К. Нового, В. Ванчур и К. Библа, А. Сахи и К. Петреску, Хань Ци-сяня и Лу Синя.

В 1965 г. будет сдан в печать еще один коллективный труд: «Художественный опыт литератур стран народной демократии», а в 1966 — новая работа «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении». В этих трудах внимание авторов концентрируется на современном состоянии литератур в социалистических странах. Одно из центральных мест в них занимают проблемы стиля. Новый труд «Чехословацко-русские литературные связи в типологическом освещении» также задуман как совместная работа советских и чехосло-

вацких литературоведов. В нем предполагается рассмотреть не только проблему непосредственного взаимодействия творчества отдельных писателей, но и вопросы развития чешской, словацкой и русской литератур, в сравнительно типологическом аспекте. С этой точки зрения будут освещены и вопросы о судьбах жанров, эволюции творческих методов в этих литературах, проблема литературного героя, индивидуального стиля писателей и т. п.

Специфика работы сектора заключается в том, что он занимается не только славянскими литературами, но и литературами других социалистических стран Европы. В секторе подготовлена кандидатская диссертация аспирантки Т. Ф. Серковой «Албанская литература эпохи национального Возрождения», а в 1965 г. завершается написание монографий, посвященных крупнейшим венгерским и румынским поэтам XIX века. Ю. А. Кожевников подготовил к изданию монографию «Михаил Эмянеску и проблема романтизма в румынской литературе XIX века». Книгу о крупном венгерском прогрессивном поэте Эндре Ади под названием «Творчество Эндре Ади и революционный романтизм в венгерской литературе XIX в.» заканчивает О. К. Россиянов. Ему принадлежат также работы «К вопросу о социалистическом эстетическом идеале в венгерской литературе» и «Творческий путь Жигмонта Морица и некоторые вопросы венгерского критического реализма», включенные в коллективный труд «Национальные традиции и генезис социалистического реализма», в которых на широком и документально обоснованном материале исследуется, в частности, литература советской Венгрии 1919 года.

Р. Ф.

О РАБОТЕ ЭТНОГРАФОВ-СЛАВЯНОВЕДОВ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

В составе Сектора народов зарубежной Европы Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР работает группа сотрудников — специалистов по этнографии славянских народов.

Последние годы сотрудники Сектора были заняты подготовкой I тома труда «Народы зарубежной Европы» из серии «Народы мира», вышедшего в свет в конце 1964 г. В работе над этим изданием принимали участие и этнографы Болгарии, Польши, Югославии, Чехословакии и других социалистических стран. Сотрудники Института этнографии АН СССР О. А. Ганцкая, Н. Н. Грацианская, Л. В. Маркова, М. С. Шихарева, работавшие над статьями, посвященными славянским народам, были не только соав-

торами, но переводчиками и редакторами текстов, присланных этнографическими учреждениями разных стран. Книга «Народы зарубежной Европы» (ч. I) посвящена характеристике современного образа жизни народов Греции, Австрии, а также социалистических стран Европы. Это была первая попытка обобщения при историко-этнографическом описании отдельных народов. До сих пор этнографическая литература европейских стран представляла собой в основном сочинения краеведческого типа.

Основное внимание в книге уделено описанию современной культуры и быта народов, а не только старых пережиточных форм народного традиционного быта, как это делалось до сих пор. Был со-

бран материал и по этнографии города и рабочего класса, ставшего объектом изучения лишь в последнее время.

В тесном сотрудничестве с учеными социалистических стран будет проводиться работа над историко-этнографическими атласами. Еще на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. было выдвинуто предложение о необходимости создания этнографического атласа славянских народов. Однако конкретное обсуждение этого вопроса показало, что территориальные рамки такого атласа должны быть расширены, так как отдельные стороны материальной и духовной культуры не смогут быть картографированы и достаточно широко обобщены без привлечения данных по этнографии неславянских народов.

Главным этапом работы будет составление региональных этнографических атласов по единой программе, которые в дальнейшем станут основой для сводного атласа. Но уже сейчас началась подготовка сводного атласа, а именно разработка единой типологии отдельных явлений, сопоставимых для разных народов. В атласе будет отражен широкий круг проблем, в настоящее же время начата работа по определению типологии народного жилища. Уже на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в августе прошлого года О. А. Ганцкая, Н. Н. Грацианская и Н. М. Листова (специалист в области немецкой этнографии) сделали доклад на тему «К вопросу о типологии традиционного народного жилища Центральной и Юго-Восточной Европы». В этом году Сектор народов зарубежной Европы должен закончить работу над сборником «Типы народного жилища зарубежной Европы», содержащим и статьи по славянским странам: О. А. Ганцкой и Н. Н. Грацианской о классификации народного жилища западных славян, Л. В. Марковой и М. С. Шихаревой о типах народного жилища южных славян. Изучение народных построек, отражающих определенные этнические традиции отдельных народов, создание типологии народного жилища будут иметь существенное значение для объяснения этнической истории народов, их культурных взаимосвязей.

Предполагается, что следующим объектом изучения будут сельскохозяйственные орудия, затем национальная одежда и др. Работа над историко-этнографическим атласом чрезвычайно трудоемка и рассчитана на много лет.

Важным разделом работы Сектора народов зарубежной Европы является изучение этнических и национальных процессов в Европе. Н. Н. Грацианская пишет работу об этническом составе Моравии, которая должна быть закончена в 1967 г.

Моравия — одна из интереснейших с точки зрения этнографии областей Чехословакии. Здесь существует большое число этнографических групп, до настоящего времени сохраняющих особенности в языке, быте и культуре. Их происхождение и столь долгое сохранение обусловлено целым комплексом причин, связанных со сложной этнической историей данной области, с особенностями их социально-экономического и политического развития. В работе рассматривается круг вопросов, связанных с происхождением, долгим сохранением и перспективами дальнейшего развития этнографических групп Моравии. В рамках этой же проблемы Л. В. Марковой ведется работа над монографией «Общественный быт болгарского населения Родопского края Болгарии в конце XIX — середине XX вв.», которая будет закончена уже в этом году. В области Родопских гор сложилось много своеобразных традиций в быту и сохранилось много старинных славянских обычаев. Этнографическое своеобразие местного населения усилено присутствием группы болгар-мусульман (помаков). В прошлом отсталая, ныне это область, где отмечается бурное промышленное развитие и большие изменения в жизни местного населения. Автор стремится проследить эволюцию традиционных форм общественных связей в эпоху капитализма, которые проявлялись в области производства, в обычном праве, в духовной культуре. Особый интерес представляет проблема роли народных традиций в складывании новых форм общественных отношений и оценка этой роли.

В 1966 г. О. А. Ганцкая предполагает закончить большую по объему работу «Народные традиции в современных художественных ремеслах поляков». Исследование народных традиций в художественных ремеслах, исследование формирования этих традиций, выявление перспектив их современного развития и обогащения представляет большой научный интерес. Художественные ремесла — неиссякаемый источник для творчества мастеров-профессионалов. Без их изучения нельзя понять процессы современного культурного развития польского народа и представить с достаточной полнотой этнографическое своеобразие его быта.

Работы этнографов-славяноведов, планируемые на ближайшие годы, будут основаны не только на литературных источниках, но и на полевых материалах. Большое внимание будет уделено современным процессам преобразования культуры и быта населения социалистических славянских стран.

Н. Грацианская

К III ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

В феврале 1966 г. в Воронежском университете состоится III Всесоюзная конференция историков-славистов. В программе конференции доклады:

1. Великая Октябрьская социалистическая революция и зарубежные славянские народы (советская историография).

2. Социалистическое строительство в зарубежных славянских странах на современном этапе (основная проблематика, состояние и задачи изучения).

3. Изучение в Советском Союзе вопросов социально-экономического развития

и национально-освободительного движения зарубежных славянских народов в эпоху капитализма.

4. Изучение в Советском Союзе вопросов социально-экономического развития и классовой борьбы у зарубежных славянских народов в эпоху феодализма.

Будут работать секции новейшей, новой и средневековой истории.

Адрес Оргкомитета: г. Воронеж (областной), пл. В. И. Ленина, 10, деканат исторического факультета ВГУ, телефон 86-3-57.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

К 20-ЛЕТИЮ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА

19 апреля 1965 г. состоялось заседание Ученого совета Института славяноведения АН СССР, посвященное 20-летию советско-польского договора 1945 г. Заседание открыл директор института И. А. Хренов.

С докладом об историческом значении советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве выступил старший научный сотрудник А. Я. Манусевич. Он отметил, что договор закрепил сложившиеся союзные отношения между СССР и Польшей и послужил хорошей основой, на которой получила дальнейшее развитие братская дружба между народами этих стран.

Докладчик подчеркнул, что новый советско-польский договор о сотрудниче-

стве и взаимной помощи между Советским Союзом и Польшей, подписанный 8 апреля 1965 г. в Варшаве, знаменует собой дальнейшее развитие положений его предшественника с учетом изменений в общественно-политической жизни обеих стран и в международной обстановке. Этот договор будет служить могучим щитом, ограждающим интересы СССР и Народной Польши от проявлений империализма, и упрочит фундамент дружбы советского и польского народов.

На заседании выступили: второй секретарь посольства ПНР Владзимеж Вишневицкий и заведующий отделом Института истории партии при ЦК ПОПР Владислав Гура.

Т. А.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

3 марта 1965 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита докторской диссертации В. Д. Королюком на тему: «Западные славяне и Киевская Русь в X—XI веках». Диссертацией явилась вышедшая в 1964 г. монография на эту тему. Выходу монографии предшествовало значительное число исследований автора, посвященных отдельным сторонам проблемы.

Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук Л. В. Разумовская (Институт славяноведения АН СССР), З. В. Удальцова (Институт истории АН СССР), В. В. Мавродин (Ленинградский государственный университет)

и Ф. П. Шевченко (Институт истории АН Украинской ССР). В обсуждении диссертации также приняли участие неофициальные оппоненты.

Выступавшие указывали на глубокий источниковедческий анализ, проделанный автором, подчеркнули большое научное значение его вывода о том, что несмотря на все имевшие место конфликты между Русью и Польшей, ни о какой извечной враждебности между ними не может быть и речи. Выступавшие отметили важность и другого вывода соискателя: не какие-либо религиозные или национальные различия, не принадлежность Руси, Польши и Чехии к разным сферам цивилизации (визан-

тийской и римской), а конкретные исторические условия определяли самостоятельную внешнюю политику славянских государств. Книгу В. Д. Королюка, как подчеркнула Л. В. Разумовская, отличает новизна подхода к теме, имеющей уже огромную историческую литературу.

Указывая на сложность проблемы, исследованной В. Д. Королюком, З. В. Удальцова заметила, что соискатель сумел выбрать главные вопросы, отбросив все лишнее. В книге наряду с важными теоретическими обобщениями немало ярких и четких характеристик исторических деятелей. В. Д. Королюк рассмотрел важный вопрос о роли городского населения славянских стран в истории народов Центральной и Восточной Европы X—XI вв.

В. В. Мавродин отметил ценность работы В. Д. Королюка для историков Киевской Руси, имевшей, как это показано в книге, тесные связи с западным славянством.

Ф. П. Шевченко высоко оценил анализ соискателем классовых стимулов, которыми руководствовались правители славянских государств X—XI вв. во внешнеполитических отношениях.

Выступивший в качестве неофициального оппонента И. С. Миллер напомнил, что перу В. Д. Королюка принадлежит большое число работ, свидетельствующих о широте научных интересов их автора.

В ходе обсуждения был высказан и ряд критических замечаний. В частности, отмечена гипотетичность некоторых построений автора, связанных с рассмотрением русских событий конца X — начала XI в. (например, о походе Владимира Святославича на Червенские города в 981 г.).

Ученый совет Института славяноведения единогласно постановил присудить В. Д. Королюку ученую степень доктора исторических наук.

А. Рогов

* * *

3 февраля 1965 г. на Ученом совете Института славяноведения АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации К. В. Хвостовой на тему: «Особенности аграрно-правовых отношений поздней Византии (XIII—XV вв.)».

Официальными оппонентами выступили: доктор исторических наук Е. Э. Липшиц (Ленинградское отделение Института истории АН СССР) и доктор исторических наук С. А. Никитин (Институт славяноведения АН СССР).

Выступавшие подчеркивали, что соискательница внесла значительный вклад в определение места аграрно-правовых отношений поздней Византии среди аграрно-правовых отношений Востока и Запада. Большим достоинством диссер-

тации они считают тот факт, что эта проблема решается там в историко-социологическом плане, путем выяснения особенностей византийского феодализма и общих тенденций его развития.

Оппоненты отметили тонкий источниковедческий анализ, проведенный К. В. Хвостовой, ее глубокое знание русской и зарубежной литературы, что дало ей возможность провести исследование в плане сравнительно-исторических сопоставлений.

В то же время соискательнице был сделан ряд критических замечаний. Ученый совет единогласно присудил К. В. Хвостовой ученую степень кандидата исторических наук.

А. Виноградова

ГОСТИ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В начале марта 1965 г. Институт славяноведения АН СССР посетили гости из Чехословакии — известный деятель Коммунистической партии Чехословакии Иозеф Смирковский и историк Ян Кржен. 4 марта И. Смирковский сделал сообщение о подготовке и проведении антифашистского восстания в Праге в мае 1945 г. Будучи одним из организаторов и активных участников этого восстания, он поделился воспоминаниями о его подготовке, деятельности Чешского национального совета и коммунистов, входящих в этот Совет, о стихийных выступлениях народных масс против оккупантов. Много интересного рассказал И. Смирковский о героической борьбе населения Праги против фашистских окку-

пантов и заключительной операции Красной Армии по освобождению Чехословакии, о вступлении советских войск в Прагу.

10 марта с сообщением об актуальных проблемах современной чехословацкой историографии выступил Ян Кржен. Он рассказал, что чехословацкие историки по-новому освещают ряд проблем деятельности Коммунистической партии Чехословакии в 20-е и 30-е годы и национально-освободительной борьбы в годы второй мировой войны.

С большим интересом собравшиеся выслушали ответы на вопросы, которые были заданы И. Смирковскому и Я. Кржену.

Н. Ш.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛГРАДЕ

Институт по изучению рабочего движения был создан в Белграде в 1962 г. в результате объединения Института современного международного рабочего движения и Института истории югославского рабочего движения. Таким образом с 1962 г. в рамках этого учреждения изучаются следующие родственные проблемы: история рабочего движения народов Югославии, социалистическая революция и строительство социализма в Югославии, история международного рабочего движения и современное международное рабочее движение.

Каждая проблема изучается в соответствующем отделе. Отделы в свою очередь подразделяются на сектора. Так, в отделе истории югославского рабочего движения существует четыре сектора: рабочего движения в период до 1918 г., в период от создания СРПО(к) до краха старой Югославии, в период социалистической революции и в период социалистического строительства. Отдел истории международного рабочего движения имеет: сектор истории международного рабочего движения, сектор развития социалистической мысли и группы: по истории движения Сопротивления и по истории рабочего движения соседних (с Югославией) стран. Третий отдел — Отдел современного международного рабочего движения — состоит также из нескольких секторов: социалистических стран, рабочего движения капиталистических стран, рабочего и прогрессивного движения слаборазвитых стран Азии, Африки, Латинской Америки и др. Кроме того, в этом отделе есть специальная аналитическая группа, которая изучает, обрабатывает и готовит к печати материалы о современном международном рабочем движении.

Как видно из схемы организации Института, все три основных отдела составляют в сущности единую научную секцию. Связи между отдельными научными направлениями весьма прочные и глубокие, чему способствует также и то, что проблематика рабочего движения изучается в теоретическом и историческом аспектах. Это позволяет также сочетать исторический и политико-социологический методы изучения.

Наряду с фактически единой научно-исследовательской секцией в Институте существует объединенная секция документации. В ее состав входят архив, библиотека, отдел документации, фотоотдел и издательство. В архиве хранятся оригиналы партийных документов и другие источники: хроники, мемуары, анкеты и т. д. Документальный центр обслу-

живается научную секцию. В библиотеке имеется около 50 000 книг, свыше 1500 комплектов различных журналов, более сотни комплектов газет. Отдел документации занимается обработкой материала, необходимого для научной секции. Располагая богатыми архивными материалами и относительно хорошо пополняемым фондом книг и журналов, этот отдел представляет собой единственный в стране специализированный центр документации.

В научную секцию входит также и центр по изданию сочинений классиков марксизма. Согласно принятой программе работы, в ближайшие десять лет будут изданы труды К. Маркса и В. И. Ленина.

Научная деятельность осуществляется по плану. К настоящему времени разработаны проекты планов работы по следующим проблемам: по истории югославского рабочего движения, по истории социалистической Югославии, по изучению политических систем социалистических стран, по изучению общественно-политических систем и прогрессивных движений в слаборазвитых странах, по проблемам профсоюзного движения в современном мире. Проекты планов разработаны совместно с научными работниками других научно-исследовательских учреждений и университетов. Все планы, за исключением плана по истории социалистической Югославии, находятся уже в стадии реализации. Если учесть, что они были утверждены, в основном, лишь в прошлом году, то естественно, что их выполнение находится пока в начальной стадии. Научная работа по истории югославского рабочего движения осуществляется совместно с республиканскими институтами. В 1963 г. был создан Координационный комитет для координации научной деятельности всех Институты рабочего движения.

Некоторые из выполняемых работ представляют собой специальные методологические научные исследования (например, о слаборазвитых странах). Перед их авторами стояла задача — прийти к обобщающим выводам (синтезу) на основе ряда монографических работ.

Проблематика истории движения Сопротивления и истории рабочего движения соседних с Югославией стран также будет отражена в виде проектов планов или уже разработанных планов работы. Институт стремится возможно более тесно увязать работу над общей исторической проблематикой с работой над многолетней историей Союза Коммунистов Югославии.

В секторе развития социалистической

мысли сейчас изучаются труды Ленина, а также воззрения Каутского и концепции австро-марксизма в связи с их влиянием на социал-демократию в югославянских землях до образования СРПЮ (к) и КПЮ. Труды этого сектора послужат теоретической базой для последующего эмпирического, политического и исторического анализа югославского и современного международного рабочего движения.

Важно отметить работу Института по составлению ретроспективной библиографии югославского рабочего движения, которую планируется осуществить в несколько этапов: подготовка указателей библиографий рабочего движения; хронологии международного рабочего движения с 1900 г. до настоящего времени; издание работ выдающихся деятелей югославского рабочего движения.

Особое место занимает издание Энциклопедического справочника по рабочему движению всех стран мира — единственная попытка издания подобного рода. Несмотря на многочисленные трудности, редакция Энциклопедического справочника, опираясь на научные кадры страны, подготовит его к печати до конца этого года.

Результаты научной деятельности сотрудников Института рабочего движения публикуются в виде сборников. Уже вышли первые номера сборников Отдела современного международного рабочего движения и Отдела истории югославского рабочего движения. Отдел истории международного рабочего движения издал «Очерки по истории социализма», сборник, посвященный 100-летию Первого Интернационала. Институт готовится выпустить свой журнал. Работы выдающихся деятелей югославского рабочего движения издаются в серии «Статьи и речи активистов югославского рабочего движения». К настоящему времени изданы две книги речей и статей Мопи Пьяде, а остальные три находятся в печати. Каждый отдел издает серии исследований и монографий. Периодические публикации Отдела современного рабочего движения содержат основные материалы по современному рабочему движению.

В 1963 и 1964 гг. состоялись две юбилейные научные конференции, посвященные К. Марксу, организованные совместно с Институтом общественных наук. В них приняли участие многие

представители общественных наук из всей Югославии. Материалы этих конференций опубликованы в специальных изданиях «Маркс и современность» (т.т. I и II). В конце этого года состоится конференция на тему: «О диалектике природы».

В заключение этой краткой информации следует указать еще на несколько важных аспектов деятельности Института рабочего движения.

Начато изучение новейшей истории и политической социологии. Институт выступает в роли координирующего центра по изучению этих проблем и школой научно-исследовательской работы по современной истории и политике. Институт истории рабочего движения за короткий срок с момента объединения с Институтом истории югославского рабочего движения немало сделал в ранее неисследованных областях.

Сотрудничая с университетами и другими научными учреждениями страны Институт установил широкие связи и привлек новых сотрудников.

Сотрудничество налажено и с рядом зарубежных стран, где ведутся подобные исследования, и в первую очередь с социалистическими странами. Задачи Института и научные планы на будущее предусматривают, что сравнительное исследование несомненно получит широкое распространение. Обмен сотрудниками, опытом работы и публикациями с другими странами войдет в обычай.

В соответствии с системой общественного управления руководство Институтотом осуществляет Совет широкого состава (члены, избранные коллективом Института, и члены, назначенные из числа пользующихся авторитетом научных работников и общественных деятелей из учреждений, заинтересованных в деятельности Института по изучению рабочего движения) и Совет узкого состава, который избирает руководящий комитет и директора. Соотношение назначенных и избранных членов Совета широкого состава 14:25. Еще предстоит разработать устав, которым будут определены отношения внутри Института и его организация. Устав должен закрепить и еще больше развить самоуправление в деятельности Института и усовершенствовать его структуру в целях наиболее эффективной научной работы.

Бранко Петранович

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРШАВЕ

6—7 апреля в Варшаве состоялась научная конференция, посвященная XX годовщине подписания Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве Польши и СССР. Она была

организована Институтом польско-советских отношений Польской академии наук и Главным правлением Общества польско-советской дружбы.

На конференции присутствовало свы-

ше 200 ученых-историков. Среди ее участников были также общественные деятели, активисты Общества польско-советской дружбы.

Конференцию открыл вступительной речью президент Польской академии наук Януш Грошковский.

Участники конференции заслушали доклады: заместителя секретаря 1-го отдела ПАН, руководителя Института польско-советских отношений проф. Тадеуша Цесляка «Генезис польско-советского союза», научных сотрудников этого института — проф. Ярослава Юркевича «Польско-советские отношения в 1917—1939 гг.» и доктора Эузебиуша Басинского «Сотрудничество ПНР и СССР при разрешении германского вопроса». С докладами выступили также научный сотрудник Института международных отношений доктор Владимеж Ковальский «Вклад СССР в борьбу за признание народной Польши», секретарь Главного управления Общества польско-советской дружбы Тадеуш Ксенжек «Польско-советские отношения за 20 лет существования Польской Народной Республики».

В развернувшейся оживленной дискуссии польские историки привели немало ярких фактов польско-советской пролетарской солидарности, борьбы за укрепление дружбы в межвоенный период, боевого содружества в годы борьбы с гитлеровской агрессией и в послевоенный период. Выступавшие поделились свои

ми планами дальнейшей разработки этих тем в научных исследованиях.

В работе конференции приняли участие советские историки: заместитель директора Института славяноведения АН СССР П. И. Резонов и старшие научные сотрудники института Ф. Г. Зуев и П. Н. Ольшанский. Ф. Г. Зуев выступил на конференции с докладом «Совместная борьба народов СССР и Польши против германского фашизма в годы второй мировой войны». П. Н. Ольшанский рассказал об отражении боевого сотрудничества советского и польского народов в годы второй мировой войны в советской исторической литературе, П. И. Резонов — об изучении сотрудниками Института славяноведения АН СССР истории совместной революционной борьбы, культурных и научных связей советского и польского народов. Конференция явилась несомненным вкладом в дело укрепления советско-польской дружбы.

Теме польско-советского боевого содружества в борьбе с гитлеризмом и тесного сотрудничества в послевоенный период были посвящены сессии, состоявшиеся 8—9 апреля в Люблине, Ополе, Быдгоще и Кошалине. В них приняли участие также члены делегации советских историков.

Материалы общепольской научной конференции и воеводских научно-популярных сессий будут изданы в виде отдельного сборника.

П. Ольшанский

КОНФЕРЕНЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ, ПОСВЯЩЕННАЯ ДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТРАНЫ

4 дня (с 16 по 19 марта) чехословацкие историки, экономисты, правоведы и философы в Либлицах обсуждали научные проблемы антифашистского освободительного движения, революции и строительства народно-демократического государства.

Конференцию открыл президент Чехословацкой академии наук акад. Ф. Шорм. Выступивший затем проректор Пражского университета Я. Кладива коротко охарактеризовал путь, пройденный страной за 20 лет после освобождения, подчеркнул особую важность научного исследования развития чехословацкого общества в период 1944—1948 гг. В своем выступлении Я. Кладива подчеркнул роль КПЧ как ведущей силы чехословацкого общества в осуществлении революционных преобразований и социалистического строительства.

С докладом «Чехословацкое общество и революция» выступил научный сотрудник Исторического института ЧСАН К. Бартошек. Много внимания докладчик уделил анализу противоречий буржуазного чехословацкого общества, особенно

национальных. Он полагает, что нерешенность именно национального вопроса в значительной степени предопределила характер революции, развернувшейся в стране. Широкое участие в движении сопротивления различных социальных слоев чехословацкого общества способствовало образованию Национального фронта патриотических сил. К сожалению, в докладе не нашел должного отражения анализ социальных проблем и существа революционных преобразований в чехословацком обществе в послевоенные годы. Этот недостаток был частично устранен в ходе дискуссии в 3-х секциях конференции: политической, экономической и внешнеполитической. В экономической секции серьезное внимание было уделено вопросам национализации промышленности и банков, проблеме аграрных преобразований, выяснению места в хозяйственной и политической жизни страны мелкобуржуазных слоев чехословацкого общества. Интересен был доклад проф. О. Мразека в экономической секции. Докладчик полагает, что 1945—1951 гг. являются реша-

ющим периодом преобразования капиталистической промышленности в социалистическую. Эти преобразования не только видоизменили характер собственности, но и привели к созданию принципиально новой системы управления и организации национализированной промышленности, к коренным переменам в ее территориальной и отраслевой структуре. В секции внешнеполитической обсуждалась проблема внешней политики Чехословакии в военные и послевоенные годы.

Выступившие на конференции историки Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии и Югославии охарактеризовали революционные процессы, происшедшие

в их странах. Выступления советских историков были посвящены советско-чехословацким отношениям (А. Недорезов), работе авторского коллектива над «Историей Коммунистической партии Советского Союза» и «Историей Великой Отечественной войны Советского Союза» (Д. Кукин), вопросу перерастания демократической революции в революцию социалистическую (Я. Шмераль).

Конференция способствовала выяснению многих принципиальных вопросов политического и социального развития чехословацкого общества в военные и послевоенные годы.

А. Недорезов

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ КОНГРЕССУ ПО СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

С 14 по 18 сентября 1965 г. в Варшаве будет проходить Международный конгресс по славянской археологии.

Работа Конгресса, помимо пленарных заседаний, будет проходить в следующих секциях: Этногенез славян, Раннеславянские и древние культуры, Формирование славянских государств, Развитие деревни и города в раннем средневековье, Монета

в славянских странах в средневековье, История исследований славянских древностей.

Доклады советских участников будут посвящены состоянию изучения древнерусских городов (Новогрудка, Чучина, Изяславля), вопросам племенного состава населения древнейшей территории Украины, проблематике древнейших славянских культур.

CONTENTS

- To the septacentenary of Dante Alighieri. *I. Belza*. Dante and the culture of the Slavic peoples. On the problems discussed at the XII International Congress of Historic Sciences in Vienna. *V. M. Turok*. On some problems of the history of Austro-Hungary. *Ju. A. Pisarev*. The occupation of Serbia by Austro-Hungary and the struggle of the serbian people for its liberation in 1916—1918. *N. D. Ratner*. Austrian pan-germanism and the Slavic peoples of Austria. The problems of History and Culture. *Henryk Jabłoński* (Poland). The state and perspectives of the development of the historical science in Poland. *A. I. Chernyi*. On the control by labour in the Bulgarian industry (1944—1947). *V. V. Martynov*. The problem of Slavic ethnogenesis and the methods of the linguistic geographical study of the Pripyat Polesie. *L. N. Budagova*. On the translations of Vitezslav Nezval's poetry into Russian 3

BIBLIOGRAPHY

Book reviews and commentaries

- L. E. Semyonova, G. P. Klepikova*. The problems of the history and linguistics in «Romanoslavica». *I. M. Kulinich*. Documents on the history of Bulgaria from lenpolitik. *I. K. Gorsky, G. D. Verves, T. G. Shevchenko i Pol'sca, N. Kravtsov*. The beginning of the important development. *L. M. Vacilyev*. A new systematic catalogue of the Sorbian cultural archives. *Ju. Smirnov*. «Народни песни от северозточна България» 97

Short book commentaries

- N. I. Khitrova*. Бранко Павићевић. Црна Гора у рату 1862 године.
L. K. «The traditions of struggle». *M. R. Tulchinsky*. The criticism of the West-German Ostforschung in a DDR magazine 112

Annotate bibliography

- Books on the modern state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples (published in the USSR in 1964). The main articles and materials on the modern state, history, culture and languages of the foreign Slavic peoples (published in the Soviet periodicals January — March, 1965) 115

SCIENTIFIC LIEE

- V. V. Zelenin*. The Scientific Conference to mark the XX anniversary of the victory over the fascist Germany. *A. E. Moskalenko*. The research work of the Slavic historians in Voronezh (1963—1964). *G. Solovjeva*. At the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. *R. F.* At the Department of literature of the Countries of Peoples Democracy the Institute of World literature of the Academy of Sciences of the USSR. *N. Gratsianskaya*. Slavistic studies of the ethnographess at the Institute of Ethnology of the Academy of Sciences of the USSR. On the III All-Union Conference of Slavic Historians in Voronezh. 122

At the Institute of Slavonic Studies of the Academy of Sciences of the USSR

- T. A.* XX years of the Soviet-Polish Treaty. *A. Rogov, A. Vinogradova*. The Presentation of Dissertation. *N. Sh.* The Guests from Czechoslovakia. 130

Scientific life abroad

- Branko Petranovic* (Jugoslavia). The Organisation and the activity of the Institute of the Labour movement. *P. Olshansky*. A scientific conference in Warsaw. *A. Nedorezov*. The Conference of the Czechoslovak historians to mark the XX years since the country's liberation. A conference on Slavic archaeology in Warsaw. 132

Адрес редакции:

Москва Г-69. Трубликовский пер., 30а, тел. Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т-085:9	Подписано к печати 19/VI — 1965 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 2403
	Формат бумаги 70 × 108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 11,9	Бум. л. 4 ¹ / ₄ Уч.-изд. листов 13,5

2-я типография изд-ва «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс
70891